





Тула 2012

Серия «Поэзия и проза»

Том 2

## Вкус Осени

**Вкус Осени** Сборник поэзии и прозы.- Тула;  
Издательство «Имидж Принт», 2012. – 280 с.,  
(Поэзия и проза)

ISBN

Предлагаемый литературный сборник является второй коллективной попыткой представленных авторов, разбросанных во Времени и Пространстве, которые собрались вместе на чистом поле творчества...

При оформлении обложки использована работа Шри Нары Ади Карана «Осень»

Коллектив авторов, 2012  
Поэзия и проза.

Все тексты печатаются в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

## Содержание

Предисловие	6
Андреева Марина Владимировна	9
Бондаренко Мария	21
Бондаренко Илья	37
Грызлов Сергей	51
Елистратова Жанна Сергеевна	61
Еремин Евгений	65
Кирюхина Ирина	91
Коршункова Елена	97
Краснова Татьяна	107
Краснов Юрий	123
Парамонова Елена	153
Расторгуева Зинаида	171
Сафонова Афина	177
Черевко Виктория	197
Шри Нарн Ади Карана	211
Шри Махадэва Ади Нидана	251

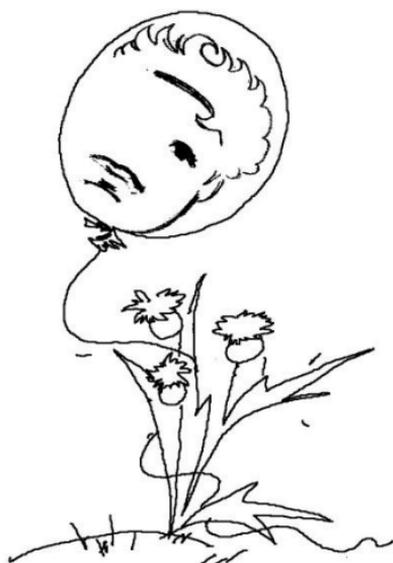
Что такое «Осень» – с большой буквы?  
Это Пик Чувств.  
Это Летящая Паутина, играющая Капельками Росы  
Остывающего Солнца.  
Что это, Распад или Начало?  
Ни то, ни другое.  
Это, всего лишь, подведение Итогов Прошедшего  
Этапа, Который у каждого Свой.  
Но здесь, мы – разные, попытались Это сделать  
вместе...

\*\*\*

*Вкус Осени*

\*\*\*





*Андреева*  
*Марина Владимировна*  
г. Тула

Падение угла моей мысли  
не равно углу ее отражения.

## ангел

Ангел – белый, пушистый, чистый...  
А почему? Ведь ему приходится выполнять  
Отнюдь не чистую работу.  
Охранять и праведников и грешников,  
Разве это легко?  
Я думаю, что самые молодые Ангелы,  
У которых на крыльях едва пробивается белый  
пушок,  
Могут быть посланы к птицам или рыбам.  
По мере зрелости Ангела,  
Он может быть командирован к животным.  
И только самые опытные,  
С поломанными и вытершимися  
Уже не белоснежными перьями,  
Волевым решением Совета Ангельских Министров  
Направляются на защиту и охрану  
Драгоценнейшей жизни каждого из нас.  
И тут начинается:  
Ангел – субстанция огромного механизма;  
Его задача убереечь и помочь, подсказать,  
Как мне кажется.  
И страшно становится -  
Ведь мы упираемся, себя не бережем,  
Исстрачиваем жизнь свою и окружающих,  
Калечим тела и души.  
А ему, Ангелу, посылаем  
Свои душераздирающие импульсы:  
«Спаси и сохрани, помоги!»  
И он помогает, сохраняет,  
А его программа не стыкуется с нашей жизнью.  
И тогда, наверное, он сильно ругается,  
Возможно, по-матушке.  
Когда пациент становится невыносим –  
Запивает «с горя»,

Обрабатывая ангельским спиртом,  
Страдающие «от короткого замыкания» части системы.  
Но наступает минута,  
Когда Ангел отворачивается,  
Затем - медленно уходит...  
И начинается  
Твое личное испытание на прочность.  
Либо ты бесславно погибаешь,  
Либо становишься победителем своих страстей  
и слабостей.

И Ангел здесь уже ни при чем.  
Он исчерпал лимит, выделенный ему на работу.  
За нашу радивость или нет  
Ему еще может «влететь» или грамоту дадут.  
С ним церемонятся гораздо меньше,  
Чем он с нами.

### перекресток

(из цикла «Хромая судьба»)

Растворился месяц в бледной тишине,  
Растворилось масло в теплом молоке,  
Растворилась капля в луже под окном,  
Растворились звезды в сумраке ночном.

Не хочу растаять, не хочу пропасть,  
Не хочу смешаться, не хочу молчать,  
Не хочу теряться в мишуре людской,  
Не хочу в награду «сладенький» покой.

Буря мглою кроет, «твою душу мать»,  
Начинаю снова, начинаю вспять.  
Обессилен, рухну, утону в грязи,  
Захлебнусь, замерзну, но начну ползти.

\*\*\*

Игра сродни испарине,  
А исповедь, как испражнения.  
К искре нашей истерии  
Интерес - до искушения.  
Зимой искристость инея  
Дарит мечты об ирисах,  
Истома жара летнего  
Ведет нас к ипохондрии.  
Иврит, сухой, как дерево  
В пустыне Иордании,  
Заставит вспомнить Ирода  
С Иисусом на распятии.  
Иерусалим пригрезится  
С мечтою не исполненной;  
Ром с одноногим Сильвером,  
И клич его - Йо-хошеньки!

\*\*\*

Ярило яркое взошло,  
День осветив собою,  
На стол поставили ведро-  
Яйцо в нем расписное.  
Всем ясно – праздник в дом пришел,  
Сад яблоневого в цвете!  
Все любят этот день за то,  
Что можно все на свете!  
Пить, кушать, спать, пуститься в пляс,  
Расцеловать соседа,  
И ни за что не отвечать  
С заката до рассвета.  
Наутро - все наоборот –  
Что яд во рту разлился...  
И бедной ящерицы хвост  
В моей руке забился.

## путаница

Ложь и обман –  
В небе туман.  
Обман и ложь –  
Разве поймешь  
Разницу. Дождь  
каплями бьет,  
Может уйдет?  
Проблеска нет,  
Жизненный бред  
Слышишь. Сонет  
тихо звучит.  
Разум молчит,  
Хочет понять,  
Где отыскать  
Правду. Опять  
пламя свечи  
Вязнет в ночи.  
Где же мой путь?  
Глупо уснуть,  
Булку жуя.

\*\*\*

Не жалею, не зову, не плачу,  
Вороша прошедшего жнивье,  
Я сегодня свои силы трачу  
На ошибок раны. Воронье  
Медленно кружится над полями,  
Пожирая памяти гнилье.  
Но ложатся ровными рядами  
Призраки, ушедшие давно.  
Замутнел родник – нельзя напиться,  
Глушь тумана задавила стон,  
Липкий холод дня из сна родился,  
Поминальный извергая звон.

## незатейливый узор

Позабывтое окошко встрепенулось кисеей,  
С полосой серой кошка изогнула хвост дугой.  
Тянет сыростью рассвета прель закатного огня,  
Очаровывают светом мысли завтрашнего дня.

## ДОЖДЬ

Текучесть жизни можно определить ее вязкостью,  
Резвость дождя – количеством капель, стекающих по  
стеклу,  
Многообразие его превращений способен описать  
физик  
Или наблюдательный натуралист в пенсне.  
Круговорот дождя в природе бесконечен,  
Как бесконечен круговорот мыслей в моей голове.  
Круговорот дождя логичен и совершенен,  
А круговорот моих мыслей бесконечен.

## странности осени

Двадцать одно не услышано пение,  
Двадцать одно искушенье развеяно,  
Двадцать одно озаренье потушено,  
Двадцать одно придыханье задушено

Ветер осенний не мне гладил волосы,  
Пел о любви не со мной нежным голосом,  
Не согревало той осени золото,  
Я лишь мечтала, мне было так холодно.

\*\*\*

## марионетка

Марионетка, ранетка, монетка, браслетка... Чушь, нет ничего общего, набор слов для рифмования, не выражающий сути.

Марионетка - куколка; ручки, ножки, головка скреплены подвижно и подвешены на веревочки - это для тех, кто не знает.

И еще для тех, кто не знает: марионетка - это я. Во что не нарядись, какой не прими образ, а дернули тебя и ты уже совсем не то, что о себе думал. Но ты и не догадываешься об этом. А почему?.. А гвоздики вбиты так искусно, и веревочки привязаны так незаметно, что вроде, это ты сам все и есть. Дунет ветер с юга - мне тепло, иногда - жарко, размаривает, я становлюсь храброй и бесстрашно беспечной, а если с севера, то холодно, страшно, я съежилась и обо всем забыла. Ветер с востока дает свободу и разгул сладострастных чувств, поток которых растворяет и как будто бы, куда-то уносит, но западный ветер меняет картинку на чувственную скупость, сухость, анализ, конкретность действия. Где же я?.. А везде я, все это - я, и взмываю, и падаю я.

Марионетка - это распятие, но не Святое, за грехи всех поколений, и даже не за свои собственные, их не так много, и нет во мне злостного грешника. Это распятие за свою глупость, сладенькость, желание угодить, чтоб везде и всегда все было как-то, как-то хорошо при полном отсутствии понятия, что такое хорошо?

Гвоздь-то в голову вбили не очень глубоко и со знанием анатомии, -основные физиологические функции не пострадали, ноги-руки исправно движутся, дыхание в норме, заглатывающая и выделительная функции работают, как часы, даже репродуктивные инстинкты - как чистый звук от удара колокола, отлитого праведником. Но с головой все же просчитались, гвоздь не довертели. Крамольные мысли юркой крысой мелькают в голове. Почему, почему, почему, не согласна, не хочу, я -против!

Против чего, с чем не согласна; откуда вопросы?  
Не довертели...

Как известно, крысы и тараканы - самые живучие твари на земле, их никогда не извести. Поэтому я - марионетка недокрученная.

## как «Лоуренс Аравийский»

Последний день отдыха в Мармарисе - этом местечке, где «земной рай» поселился навечно, был перенасыщен событиями и впечатлениями. Ранний подъем и великолепие горных пейзажей резко контрастировало с огромным количеством адреналина, ежесекундно выделявшегося от страха за свою жизнь. Видавший виды, но еще резвый микроавтобус, за рулем которого сидел совсем немолодой турок, часто ведущий машину одной рукой, так как второй рукой он держал телефон, по которому разговаривал, разумеется, на непонятном нам языке, вез нас по горному серпантину, где двум машинам разъехаться было большой проблемой. Повороты были настолько крутыми (почти 180 градусов), что пока не повернешь, не поймешь, останешься ли ты жив вообще. Складывалось впечатление, что дорогу прокладывали, выгрызая техникой часть горы, и по этим дорожным неудобьям лежал наш не быстрый путь. Ехали мы так долго, что устали бояться, кто-то сумел даже вздремнуть.

Однако по-настоящему страшно стало на месте после того, как инструктор дал короткую вводную. Я с горечью и нестерпимым «сосаньем под ложечкой», подумала о том, как смогла я согласиться на подобную авантюру. Но отступить было поздно, и как «гордо реющий Буревестник» с низко опущенной головой, я поплелась в лодку.

Впечатления от спуска остались очень яркие. Во время коротких передышек между преодолением

очередного порога, когда бурная река на несколько минут замедляла свой бешеный темп и не швыряла лодку о камни, внутри меня невольно возникало сравнение себя, как представителя вершины творческой мысли Создателя, и Стихии, и это сравнение было не в мою пользу. Я как-то отчетливо поняла, что противостоять Ей - глупо. Стихию надо изучать, чтобы научиться жить по Ее законам, остаться живым и по возможности здоровым, а еще получить удовольствие. Маленькие победы над своим страхом меня окрыляли, но я хорошо осознавала, что все победы удавались мне, потому что рядом был опытный инструктор, а мой мозг в экстренной ситуации четко работал, беспрекословно выполняя его команды.

Потом были смех и подтрунивание друг над другом, зализывание ран, обмен впечатлениями и желание запечатлеться на память с тем, кто тебе, недотепа, дал возможность продлить твое брэнное существование и показал твою истинную сущность.

Дорога домой уже казалась не такой опасной и утомительной, и меня не покидало желание еще и еще раз сесть в лодку. Вернулись мы к вечеру, когда солнце медленно клонилось к закату, захотелось в последний уже раз в этом году искупаться в море.

Теплое море ласково приняло мое тело в свои нежные объятия, и я наслаждалась прозрачностью воды, горным пейзажем бухты, безоблачным небом, теплым закатом. Чем ниже опускалось солнце, тем гуще и темнее становился цвет моря. Я заплывала все дальше. Позади меня остались ровные ряды зонтиков и лежаков, красные поплавки буйков, люди уменьшились до микроскопических размеров. Наконец передо мной появилась запретная полоса из пластмассовых колец, похожих на кольца от детских пирамидок, надетых на трос; дальше простирается акватория для лодок, катеров, парусников и прочей водоплавающей техники. У этой черты я поняла, что пришел конец моему путешествию, дальше будет дорога назад, домой, к привычным

домашним делам, работе: мысль полетела дальше, а взгляд задержался на чем-то маленьком, барахтающемся на легкой волне. Я подплыла поближе и увидела, как пчелка перебирает лапками, не осознавая всю безвыходность своего положения. Я подхватила ее хрупкое тельце и попыталась устроить его на пластмассовое кольцо, в надежде, что она улетит. Пчелка ползла по кольцу в воду. Я стала вращать кольцо в обратную сторону и при этом дуть ей на крылышки, чтобы они побыстрее высохли, но пчелка знала только одно направление - к воде. Поняв всю тщетность своих усилий, я посадила ее к себе в волосы, и уже вместе с ней мы поплыли к берегу.

Во время путешествия пчелка вела себя на удивление спокойно, а я плыла вся преисполненная чувства собственной значимости. Когда мои ноги коснулись дна, солнце скрылось за крышами отелей, цвет воздуха посерел, вода начала чернеть, песок остывал. Мои коллеги по-доброму шутили надо мной и моей спасенной подопечной, которая уверенно сползла с табурета на песок и с неукротимой силой вновь двигалась к морю, как бы я ей в этом не препятствовала. Наконец устав спасти пчелу от смерти, я взяла и унесла ее подальше от моря, посадив в большую кадку с пальмой, в надежде, что там она образумится. Прошло минут десять, мы немного поболтали, время от времени посмеиваясь над всеми пролетающими пчелками, и засобирались в отель. Каков же был мой ужас, когда я увидела в кадке с пальмой, что тысячи мельчайших насекомых, похожих на наших муравьев, облепили мою пчелку, и пожирали ее заживо. В маленьком пространстве кадки они выползали отовсюду и толпами устремлялись к ней.

Я схватила, уже ставшую моей, пчелку, пытаюсь освободить ее от этих монстров, но было поздно. Не в силах ни чем ей помочь, я бросила ее умирать в песок, раздираемая чувством несправедливости.

Я часто вспоминаю ее, рассуждая о смысле жизни, предназначении, правде и лжи, справедливости и милосердии и не нахожу ответа в себе, кроме одного, что каждый из нас бесспорно получает то, что заслуживает, и жить надо так, «чтобы не было мучительно больно...». Но как ?

Мне точно известно, что жить как надо я научусь еще очень не скоро, и окончание моей печальной повести совсем не как у братьев Стругацких, где показан путь для человечества, но это моя «хромая судьба».

### притча

То, о чем я буду сейчас рассказывать было так давно, что никто не знает когда. Однажды Всевышний решил, что наступило Время Перемен, призвал свою Иерархию, дал четкие указания и через время начали появляться то земля, то небо, то моря с океанами, и, наконец, как апофеоз творчества Создателя - человек.

Был у Создателя верный Соратник, известный нам под псевдонимом Змей Искуситель - Он являет собой мощный поток Энергии Развития. Обратился Он к Всевышнему с просьбой создать для человека особь другого пола, чтоб тому не скучно было в одиночестве. И пока Создатель, выламывая ребро Адама, создавал женщину, у Искусителя уже зрела новая идея. Через некоторое время Змей опять является с предложением - создать чувства. Удивился Всевышний: «Зачем нужны чувства тем, кто живет по строгим законам мною же и созданным?» Змей объяснил, что чувства создадим для всего живого и будем за ними наблюдать. Знал Создатель о небывалой хитрости и коварстве Своего Друга, но сказал: «Не могу я отказать Тебе в Твоей просьбе, создам множество чувств, но жить они будут до поры-до времени отдельно». Склонил Змей голову в поклоне, построил красоты неземной Дворец, а Всевышний сотворил чувства.

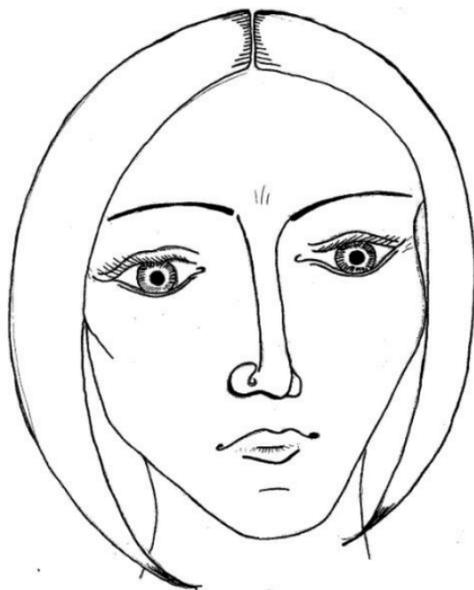
Жили чувства вместе, но не умели общаться друг с другом, пили утреннюю росу, питались цветочной пылью... Рай вокруг - да и только.

А Змею неймется, скучно Ему, хочется осуществить свой план по обучению всего живого чувствам. Но просто так это сделать невозможно. У людей должны сначала заработать органы восприятия чувств, которые пока дремлют, а Всевышний за этим строго следит.

В один жаркий полдень подполз Змей к разомлевшей на солнце Еве и стал шептать ей: «Съешь дева плод!.. Смотри, как он спел и красив, как тонка его кожа, как душист и пленителен его аромат». Бедная девушка спросонок потянулась к яблоку, сорвала его и надкусила...

Страшен был гнев Создателя. С жестоким проклятием были изгнаны люди из Рая. Но пока ворота за ними не закрылись, Искуситель стал выпускать вслед за ними чувства, но отпуская Радость, он накрепко привязал к ее крылу Грусть, Алtruизм цепью приковал к Эгоизму, Любовь с Ненавистью связал незаметно очень тонким проводом, импульс по которому пробегает мгновенно. И только Конфликт был выпущен отдельно. Вслед за ним незаметно едва успела выпорхнуть Гармония.

Живут на Земле люди и постепенно учатся чувствовать. Они становятся более развитыми, интересными, увлеченными, но Конфликт не дремлет, он вмешивается в любую ситуацию и старается все запутать, испортить. Так начались между людьми распри, споры, драки, воровство, затем грабежи, войны, даже самые близкие люди становились заклятыми врагами. Гармония сбивалась с ног, везде не могла поспеть. С тех пор прошло множество веков, а мы до сих пор познаем себя в своих чувствах через конфликты. Но как не коварен Конфликт, - Гармония побеждает все чаще, и очень скоро придет то время, когда мы все научимся подчинять свои Чувства Разуму.



## ***Бондаренко Мария***

Тульская обл., пос. Скуратово

Странная штука эта жизнь, не понятная, никак не найду в ней своего места. Я просто иногда пишу, сочиняю, рифмую, чтоб хоть как-то разобраться в ней и, чтоб стало немного легче существовать в этой нереальной реальности.

## ДЕТСТВО

Забываемое, утерянное время,  
Тот детский смех и скрытое желанье  
Существовать и быть сплетенным с жизнью  
В огромный узел чистого познания.

### инструкция к применению

Поверь в себя.  
Будь прост  
И светел,  
А если выбирать,  
То просто, прост.  
Раскрой зачатки  
Творчества иль знаний,  
И вспомни все,  
Что ты успел,  
И что из этого ты сделал хорошо.  
Присядь на стул  
И обопрись о спинку,  
Но только осторожно.  
Воды налей...  
Или залей в стакан.  
Без фанатизма.  
Попробуй быть ребенком,  
Который без стыда  
И без зазренья совести,  
Бормочет неприличные слова.  
И делает он это для познания,  
А вовсе не о том,  
О чем ты там подумал...  
Ну так вот,  
Забудь друзей, родных,  
Оставь в себе

Лишь мысли о себе.  
Кто ты?  
И на какой вопрос  
Ты хочешь знать ответ?  
«Как?», «Почему?» или «Зачем?».  
Пытайся отыскать ответ,  
Всю жизнь.  
Везде.  
Не оставляй загадки без ответа.  
Тогда поймешь, что жизнь  
Не более чем поиск и стремление.  
Оставь себе надежду,  
Но пусть она прослужит  
Лишь подмогой.  
За цель цепляйся,  
Обнимай.  
Она прослужит тебе верой долго.  
Пусть путь, который нравится,  
Но трудным кажется тебе –  
Твоим он будет.  
Через испытания пройдя,  
Поймешь, что как всегда  
Ты выбрал самый легкий путь,  
Из всех возможных.  
Еще сидишь?  
Ты помнишь, где та кнопка,  
Которой Интуицию включают,  
Чтоб легче было в темноте  
Ориентироваться?  
Открой глаза!  
Ты жив.  
Ты есть.  
Сейчас и здесь.  
Так действуй же!  
Чего расселся?

## ангелы

В моих сказках летают ангелы,  
Защищая нас с тылу спинами,  
Озаряя все светом ангельским.  
Разбиваются крылья льдинами.

И до крови, до плоти истерзанной  
Берегут наши вены от сухости,  
Каждый раз, осыпая нас перьями,  
Когда мы погибаем от глупости.

Поутру просыпаются ангелы,  
Посчитать сыновей по порядочку.  
Не убавилось если, - так ладно уж,  
Ну а если убавилось – галочка.

## творенье (от слова варенье)

Мой маленький донор,  
Мой милый вампир,  
Меня ты загадкой калечишь.  
С тобою увидимся снова.  
Я жду.  
Ты - тихим молчаньем ответишь.  
Оставишь лишь след  
Нулевого тепла,  
И снова потребуешь ласки,  
Случайно,  
Свой взгляд, на меня взгромоздя -  
«Я все поняла без подсказки».  
Изящность, тоска, несказанная радость -  
В тебе, чередуясь, смеются.  
Молчи, не кричи!  
Не рождай беспорядок!  
Не порти огрызками блюдце.

Молчи, посиди!  
Не кружись подле хлеба.  
Побудь для меня без изъянов.  
Мне нужно спокойствие видеть твое,  
Не скрытое краской багряной.  
Твою красоту разглядеть сквозь порочность,  
И девственность в стонах твоих углядеть,  
Упасть, окунуться в творенье бессрочно,  
Уснуть в нем, и сон как перчатки надеть.

## день

Утро, луна и еще темно,  
Ощущения спутаны все,  
День стучится уже в окно,  
Не хочу просыпаться совсем.

Одеяло, тепло, подушка.  
С бока на бок и наоборот.  
Из ушей достаю заглушки.  
Голова - на юго-восток.

Если только увижу день,  
Что заглядывает в окно,  
Суечусь, тороплюсь, не лень  
Мне теперь прожить и его.

День пройдет, уступив свой стул, -  
Теперь вечер на нем посидит.  
Перед улицей мед – простыл,  
На ночь мед – целебный лексир.

Ночь придет со своєю кроватью  
Не с кушеткой, а с многоспалкой,  
Не волнуйся, там места хватит,  
Если ты устал, как собака.

## ЙОГ

Проснувшись около обеда,  
Заправив мягкую кровать,  
Йог отправляется на кухню,  
Вчерашний ужин доедать.

Все пивом запивая жадно,  
Под звук гудящего ТВ,  
Постелет коврик он отважно.  
Пойдет стоять на голове.

И следуя согласно плану,  
Засядет в лотос без усилий,  
Терзаясь в муках, среди диванов,  
Читает мантры интенсивно.

Затем свернувшись в чудо-позы,  
Преодолев пределы тела,  
Он получил заряда дозу  
Закинув мат подальше, смело,

А вечером, прямой и гибкий,  
Пойдет он йогу прославлять.  
Всего за тысячу зеленых,  
Он будет нас тренировать.

И голосить о пользе йоги,  
Гордится стойкой на руках,  
Для нас он будет нашим Гуру,  
И Дивом в наших головах.

## уголек

Так легко быть хорошим и добрым,  
И со всеми вести честный бой.

Быть плохим, если нужно и черствым,  
Но как трудно быть просто собой.

Надевая все новые маски,  
Погружаясь в иллюзию глубже,  
Я могу быть героем из сказки,  
А могу быть ужасного хуже.

Можешь с каждой душой распрощаться,  
Вырвать из головы и покинуть.  
Но одно лишь заставит бояться –  
Свою душу в чердак не закинуть.

Будет тлеть угольком у тебя на груди,  
Будет жечь и скрипеть тяжело,  
Но когда-то – в самом конце пути,  
Вы обнимитесь крепко и станет тепло.

## российские минуты

Зима утекает  
Сквозь пальцы. Куда? -  
Вот пиво в палатках  
И пр. ерунда.

Усталые мамы  
Замочат белье.  
Нетрезвые папы -  
Забьют на бритье.

Закуски, похмелье.  
Ремонты, валюты -  
Так медленно тают  
В России минуты.

## бегу куда-то

Бегу по льду -  
Назад не тянет,  
Не чувствую волнений.  
Все впереди,  
Тропа петляет,  
Жду новых искушений.

Ломает тело,  
Мне паршиво -  
Торчит в спине осколок.  
В груди стучит -  
А значит живо,  
И значит –  
Путь мой долгов.

Сейчас бегу я по траве -  
Трава тот час сгорает,  
И пепел вьется  
В синеве,  
Где нет конца и края.  
На теле шрамы велики.  
Я все бегу куда-то,  
Не зная нужного пути,  
К нему бегу,  
Однако.

## на берегу у мозга

Стою на берегу у чистого сознания,  
Там дует ветерок, щемит в груди  
От радости, от честного признания –  
Перед тобой открою душу, погляди:  
Там ходят гордые павлины в башмачечках,  
Летают рыбы в море с ароматом «киви»,

Живут старейшины с седИной у височков,  
И глупые, медлительные гири.  
Веселые, но жуткие жонглеры,  
У них с координацией все чисто,  
Живут ночами бабьи ухажеры,  
Мечтающие сделать это быстро.  
Там мои сны, в которых снится школа,  
Что не готова снова я к контрольной.  
Там снится то, что прячу под подолом,  
И остаюсь, в конце концов, довольной.  
Там мои мысли, зарождаясь, гаснут,  
Бегут по миру, сохраняясь в Эфире.  
Я знаю, они в лести вечно вязнут,  
Пока они живут в моей квартире.  
Там балаган и полный беспорядок,  
Пройди, не бойся, сверху - полки чисты.  
Они хранятся для дальнейших вкладок,  
Когда от фальши все затрутса диски.

### деревья-ели

Бегут ручьи, не зная цели,  
Полжизни трачено зазря,  
Ну что же вы деревья-ели,  
Так жалко плачете, скрипя?

Дубы стоят в строю отважно,  
Осины млеют, в небо щурясь.  
Природы ритм давно отлажен,  
Без спроса не прокатит буря.

Снегами крыты все рельефы.  
Стоим «капустой» во дворе.  
И прячем разные дефекты,  
Играя в жизнь, как на войне.

## ДУМ

Дум Тека Дум Дум  
Дум Тека Тека  
Я - барабан  
Времен ацтеков.  
Жизнь мне за дар,  
В голове звенит удар.  
Волнующий ритм, вибрации чИсты,  
Мой стон, как глоток для авангардиста.

Ти Ра Ки Та  
Та Ка Та Ка  
Вот звучат дарбуки такты.  
Звонче, ярче, веселей -  
Музыка для Королей.  
Разорвался воздух звуком,  
Потекли ударов капли,  
Прочь, долой со стула скуку,  
Музыка творит миракль.

(от франц. miracle - чудо)

## truth reboot

Эх, закурить бы пару пачек,  
Потратить золотые на ...  
Напиться рюмкой водки так чтоб -  
Страна проснулась ото сна.

Чтоб бюрократией не пахло,  
Точнее, чтобы не воняло.  
И чтобы думали – «ну хватит» -  
Чиновники под одеялом.

Долой систему – не проперло!  
Не вышло тут функционала.  
Страна полна дипломных спЕцов,  
Но и полна спецперсонала.  
Дороги ямами изрыты –  
Зато полны карманы Думы.  
За то, что реки нефтью крыли –  
Затеяли мы ЭКОбумы.

А толку что? Все те же FАСЕы.  
Затертые до дыр слова.  
Смотрю я в телек – там REPLAY  
Прокручивает все подряд.

Эх, жалко я уже не пью,  
Не высушу стакана правды,  
И трубку чая или плана  
Я вряд ли снова закурю.

Но я хочу и всем желаю,  
Чтоб в нашем мире без труда  
Главней всего ценилась правда,  
А если нет - то Truth тогда.

\*\*\*

## встреча

Шел снег, было уже темно на улице и светло в окнах. Под лопаткой что-то свело и чесалось. Собственно, это и было причиной того, почему я сейчас иду. А иду я на прием к моему знакомому врачу Олегу, иду к нему домой, в одно из тех окон, которые так тепло светятся в этот зимний вечер. С собой взяла все, что он попросил взять – стакан, чайную ложку, наручные часы и пару больших иголок. Все это нашлось у меня дома, и я аккуратно

упаковала это все в плотный кусок ткани и закинула в рюкзак. Я иду, встреча уже рядом.

Стою у двери, дверь – железная, прочная, видно, что новая, звонок со звуком щебетания птиц, ну думаю: «Вроде все пока идет нормально». Звоню, жду, нервничаю, под лопаткой чешется. Дверь открылась.

- Ну, здравствуйте, - говорю я, - пришла, как и просили в 17:55 по Кремлю.

- Проходите, вытирайте ноги здесь, а обувь поставьте туда, вымойте руки с розовым мылом, а вытереть можно полотенцем, которое там слева висит в горошек, потом проходите к нам. А кстати, все взяли, что я просил? – словно скороговоркой произнес Олег и удалился в комнату, не дождавшись ответа.

- Да, конечно – крикнула я в след, параллельно прокручивая в голове схему того, что мне сейчас предстоит проделать.

Ботинки, руки, полотенца, - вроде ничего не перепутала. Вдруг вспоминаю слова Олега – «потом приходите к нам», и сразу поняла, мы там будем не одни, и более того из комнаты доносится хохот, горячие споры, ощущается совсем не лечебная атмосфера. «Ну ладно, - думаю я, - рискну. Чем черт не шутит».

Глубокий вдох, выдох, захожу, замираю... Где кушетка? Где медицинские приборы? Плакат строения человека? Ну, хотя бы песочные часы? Ну, хотя бы какая-нибудь фирменная ручка с медицинским лейблом. Нет, ничего нет. Мое стереотипное мышление завязалось в узелок.

Слышу:

- Вон в углу, возьмите подушку, которая Вам понравится, которая на Вас посмотрит – это будет началом нашего сеанса.

-Хорошо, - оторопев, говорю я, и тут же иду тяжелыми шагами к углу, перебираю, красные, синие со слониками, фиолетовые в полосочку, черные с белым орнаментом, все не то, все не то. Ничто на меня не

смотрит. Хотя...хотя нет, вот эта желтенькая, потрепанная временем и чьими-то телами, со смачной дыркой посередине - пускай будет моя. Беру ее как кубок победителя и собираюсь направиться к компании, но, оборачиваясь, вижу гору разбросанных мною подушек, как будто их разбросала собака, которая пыталась закопать ими свои грязные делишки.

Умеренно покраснев, сажусь в круг на пол, на подушку, Олег что-то записал в блокнот. Молчу, как обычно, выбрав позицию наблюдателя.

- Ну, товарищи,- заявляет Олег – сегодня у нас будет не простой прием, заболевших этой зимой много, а лекарства все дорожают, приходится пользоваться средствами народной медицины. Для начала познакомимся, называйте свои имена по очереди и причину вашего прихода ко мне. Начнем с тех, кто уже не первый раз здесь, давайте Вы, Йося?

- Без проблем – улыбнулся он – друзья зовут меня Йося, по паспорту Иисус, но это формальности, если я когда-нибудь попал бы в Историю, то хотел бы, чтоб меня запечатали под именем Йося и с моей новой стрижкой, тем более я еще и волосы покрасил недавно, белый цвет – очень благородный. Ну а пришел сюда с болезнью под названием – шизофрения, хотя я даже и не знаю толком, что это за болезнь, заболел недавно, наверное, подхватил где, может в автобусе кто чихнул... друзья говорят, ничего страшного, хотя друзей почему-то стало меньше. А может всем просто надоели мои навязчивые идеи о том, как попасть в Историю человечества, и не дай Бог, остаться незамеченным. Хотя вот когда последний раз я прошелся по воде босиком 20 метров туда и обратно, комиссия уже почти решила меня внести в учебники истории для пятиклассников, но потом что-то пошло не так и сказали этого все-таки маловато для Истории...

- Хорошо, спасибо, Йося, я думаю, что все примерно поняли Вашу ситуацию. Кто следующий? – с нетерпением сказал Олег.

- Я Гоша, - отозвался другой, - полное имя Гаутама, но оно мне не очень нравится, какое-то оно не русское. Я 30 лет просидел под деревом, а потом вдруг почувствовал себя плохо. Сидел, сидел и решил, нужно пойти провериться. И вот я здесь.

«Да, - думаю я, - ну и компания... Я со своей лопаткой тут совсем некстати, да и она кажется совсем уже прошла у меня от страха, может встать и пойти? Хотя нет, интересно, чем все это закончится». Тут очередь дошла и до меня.

- Ну, меня зовут Майа, по паспорту так же, последние 20 лет прожила в поисках смысла жизни, перепробовала разные методы, некоторые могли привести к смерти, а другие к пьянству, поэтому ничего я так и не выбрала. Но, тем не менее, под лопаткой у меня до сих пор что-то чешется и болит.

Обстановка мягко говоря, сумасшедшая, и непредсказуемая. Странные люди сидят в этом кругу, и еще кучка людей сидит в другом углу комнаты и поет какие-то нерусские песни. Время идет. Когда же начнется уже процесс...

- Замечательно, познакомились, теперь достаем то, что я просил каждого из вас принести.

Я достаю свой сверток, начинаю вспоминать, не забыла ли я чего, вроде нет, весь этот бредовый набор взяла с собой. Все вокруг уже тоже бренчат своим сбором, выложив его перед собой. У всех - разные предметы: у кого то кусок черного хлеба, какая-то мазь и зонт, у другого - шерстяные носки, открытка и кусок проволоки. Олег внимательно сверяет выложенное с каким-то списком в его блокноте. И как же интересно хоть одна из этих вещей может помочь хоть одному из нас? Ответ прост - либо никак, либо Олег просто фокусник. Посмотрим.

Слышу новую команду:

- Теперь закрываем глаза и медленно погружаемся в сон на счет «три» - раз, два, три. Это последняя фраза, которую я помню.

Просыпаемся все одновременно, не знаю как другие, но моя лопатка в порядке. Чему я очень рада. Хотя другие вроде тоже бодрячком. Предметы, которые мы выложили - исчезли, поющих людей тоже не стало, чувствовался запах благовоний. Все как будто знали, что сейчас произошло, и зачем нужны были эти предметы. Я же не понимала ничего и ждала объяснений.

- Олег, моя лопатка больше не чешется, но я не понимаю, для чего же были нужны все эти предметы – прошептала я. Ведь меня больше интересовало, каким образом все это может помочь, чем сама собственно помощь.

Он улыбнулся:

- Вот поэтому Вы здесь, что Вы верите во все эти чудеса. Ваши болезни не более чем последствия неправильного употребления молока. Но вера и желание лечит любую болезнь за 5 минут ну или 5 долларов. Ну а те предметы, что Вы принесли, это то, чем я расплачиваюсь с поющими людьми, они сами назначают такую цену. А я просто пожелал Вам счастья от всей души и этот посыл дошел до Вас, потому что ваши сердца, ну или кошельки, были открыты. Вот такая простая арифметика.

\*\*\*

я жду!

Какая радость!  
На окне -  
Тюльпаны распустились.  
А за окном -  
Сосулек зубья  
Ко мне с небес спустились.  
Весна бежит  
Во все колена,  
Об снег стирая пятки.  
А я опять  
Жду перемены -  
В речной замерзшей глади.  
Мой поплавок  
Совсем затих,  
И нет движенья мысли.  
Я жду,  
Когда проснется стих,  
Согреет воздух смыслом.

\*\*\*



## ***Бондаренко Илья***

Тульская обл., пос. Скуратово

Посредством творчества, пытаюсь разобраться в Реальности и Нереальности (что в прочем, одно и то же), и если уж не изменить, то хотя бы понять череду повторений, взаимосвязи, ощупать невидимыми руками свою энергетическую платформу для того, чтобы ответить на вопросы: КТО, ОТКУДА и КУДА

## глобальное без эмоций

Глобальное, без эмоций,  
Как моя любовь,  
Смотрится в зеркало полнолуния,  
Примеряет к себе Млечный Путь.  
Оно где-то далеко, или это я?  
И с ужасом смотрю я в свои ладони  
В пустой темной комнате этажа.  
А за окнами тонет трамвай.  
Тонет в трясине автомобилей,  
Отчаянно цепляясь дугами  
За проволоку неба.  
Сидит на газоне мальчик  
Семи лет, или двадцати, или я.  
И в его голубых глазах  
Неосознанно отражается бесконечность.

Размышления наводят его на мысль о любви,  
Вот бы знать, на что это похоже...

### *1-я буря*

Может это пожар ума...  
И невозможно спастись в огнедышащем жерле...  
Опаленные, ошпаренные мысли одна за другой  
С диким криком, выбрасываются из ума.  
А потом в обожженном пустом, одиноком...  
В легкой дымке приходит затишье.

### *2-я буря*

Может это цунами?.. Рожденное сильным  
Желанием неизвестной природы.  
Не знающее преград на пути,  
Сбивающее с ног небоскребы неистовство?  
А после само погибает, разбиваясь  
На твердой, холодной земле.

### *3-я буря*

А может быть это как ветер...  
Ревущий за окнами,  
Завывая в печной трубе.  
Страдающий, жалкий, безродный,  
Гремящий цепями на кладбищах,  
Срывающий яростно листья с деревьев.  
Всю ночь не дает он покоя себе  
И присевшему в ужасе городу....

### *4-буря, буря стихает.*

А может любовь – это снег  
Пушистый и мягкий, летящий...  
Недосягаемый снег.  
Он чист как мечты,  
Не предсказуемый и не подлежащий  
Какому бы то, если б было...

### *5 буря стихла, осталось легкое волнение*

А может ли быть это дворник...?  
Он санитар, сгребаящий  
Миллион серых мечт с мостовой  
Не осуществленных, растаявших,  
Истоптанных грязью сапог.  
Ах, взятый насильственно снег...  
Чернеет и тает, облившись слезами  
Под колесом у трамвая,  
Почившего безнадежно  
В трясине автомобильных черепков.

*P.S.*

И семя любви прорастает,  
Полито желаньем стать лучше,  
Любовь расцветет под лучами  
Ежедневного самопожертвования.

## ангелам посвящается

По полю значений,  
А если нагляднее,  
По небу летают...  
А в прочем не так,  
...Самолеты...  
К чему я клоню?  
- Не знаю.  
Но очень хотел бы  
Узнать  
О себе, а если серьезно,  
Я сижу на числе,  
Оно скачет в галоп.  
Я не вижу ни текста, ни тени...  
Ах да,  
Родилась такая проблема:

Ангиограмма, агнец, аксиома,  
Ажиотаж, тревожит мое сердце,  
Оно стучит и мечется по клетке,  
И эта клетка мне давно знакома.  
Я вглядываюсь красными глазами,  
Хватаю все, что можно ухватить,  
Не брезгуя ни чем, желая жить,  
Затаптывая тени под ногами.

Парамарши, Парамарши,  
На теле нищие лохмотья,  
Ума оборваны поводья,  
И в теле тихо, ни души.  
Скажи мне, сделай, дай, спляши...  
Я жру, эгоистично, жадно,..  
Но скоро вечер, уж прохладно,  
Отец, сдаюсь тебе,- души.

Я - запятая в предложении -  
В тетради школьника стою,  
Ты смотришь на судьбу мою,  
Стыдясь, в каком я положении.  
Ах, ангел, беспощадное создание,  
Плетущий паутины бытия,  
Куда ступлю, не зная страха я,  
И поражусь пучиной мироздания.

Ангиограмма, ангел, аксиома,  
Ты - пирамида, функция и звук,  
Трехмерность благ в двухмерном мире мук,  
Ты свет, и ты не можешь по-другому.

### ДОЖДЬ

Швыряет шеренги рассерженный шквал,  
Шатер раздувая шелковый,  
Резвясь, разгуляться ристалищем рад,  
Щелкают щеколды засовов.

Резонно щемятся бродячие псы,  
Шоссе разлилось, расплескалось,  
И шепчутся в шлюпках слепые гребцы,  
В низовья по штрассам сплавляясь.

Рассеянный дождь шелестит по окну -  
Размокли рассудки и шторы.  
Железное небо не внемлет уму  
И щупальцем чешет тяжелым.

\*\*\*

## ЖИЗНЬ НА ПОДОКОННИКЕ

Жизнь проходит в дивном месте, -  
Нету вида из окон.  
Злясь, змеятся занавески,  
Стенке дышится с трудом.  
По полу разлиты бусы,  
В спальне нежится кровать,  
В морозилке две медузы,  
В ванной – лучше не вставать.

С крыши – катится варенье,  
Дверь железная крепка.  
Тщетны все поползновенья  
Внутри пробраться без звонка.  
Дом живет и процветает.  
Из окна валится свет.  
Ветер форточки листает,  
В щели пялится рассвет.

Ночью бешеные тени  
Нервно мечутся впотьмах,  
Разбивая, в кровь колени,  
Локти, об углы стесав.  
Под полом хохочут свай,  
Остывает печь – мертвец,  
В огороде - мать сырая  
В муках родит огурец.

Я в углу похмельно тлею,  
В мысли кутаясь свои.  
Шарф петлей висит на шее,  
Люстра свесившись – скорбит.  
Мысли – слабые уроды.  
Ежусь, плачу не стыдясь.  
Поднимаюсь год за годом  
По летам не торопясь.

Уступаю, отступаюсь,  
Щурюсь в гонке вековой  
Жизнь – столетний урожай..?  
Иль сто годовой простой..?

## НОВЫЙ ГОД

Шары, игрушки, игрища,  
Иголки, елки, звездочки,  
Конфеты, жрачка, выпечки.  
Духи, рубашки, кофточки.

Гирлянды, стол, фонарики,  
Снежки, сосульки, дождичек,  
Девчонки и товарищи,  
Соленья взяты с полочек.

Спустилась ночь по лестнице,  
И Млечный Путь качается.  
Пусть в портвешке или в винце, -  
Но правда не кончается.

Стол ломится под танцами.  
Красивая, несмелая,  
Стыдливymi румянцами  
Залита скатерть белая.

Спит сладко скромность и мораль,  
Душа – салютом мечется.  
И вплывший в форточку январь  
Сошел с гондолы месяца.

\*\*\*

## ИНАЯ ЖИСТЬ

Я родился недалеким,  
Не окончил институт,  
Рано вышел на работу,  
Рано взял вина на рубль.  
Был один у мамки с батькой,  
Нет ни братьев, ни сестер,  
В городе ища занятия,  
Закалился, стал остер.

Был в кругах не слишком робких  
Уваженьем наделен,  
И в дворовых потасовках  
Для меня был свой резон.  
Ночь, заправки и вокзалы,  
Я для вас - сердечный сын.  
И свое и у соседа –  
Мерил взглядом я одним.

Ох, темна моя натура,  
Не проглянешь с фонарем,  
Много натворил по-дуру,  
Не жалея ни о чем.  
Как сказал один мудреный-  
«Против кармы не попрешь,  
Так в конце концов прищучат,-  
По-другому запоешь»

Было в жизни, пели годы,  
Отирался в кабаках,  
Сладостно сжимал свободу  
В растопыренных руках.  
А теперь ее лелею,  
Как глоток воды живой -  
Годы мимо пролетели,  
След оставив полосой.

Солнце сядет за помойку,  
Утка плюхнется на пруд -  
Мертвых уж не растолкаешь,  
Все живые – перемрут.  
И теперь в кругах конкретных  
Мудрым здравствую меня.  
Я живу в объятьях дыма  
Тьмы, решеток и огня

Верно мамка говорила:  
Не гуляй Ванюш, уймись  
Со слезами проводила  
С поездом в иную жись...

### пустынный мир

Слова, тяжелые как сумрак,  
Мертвы, на мостовой валяясь.  
Где мост удушен полнолунием,  
Висит над влагой, задыхаясь.

Горит костер вещей весны,  
Зеленые огни играют -  
В огромном Мире, полном тьмы,  
Немного местность освещают.

Пустынный океан небес  
Глядит безмолвными очами,  
И безупречный черный лес  
В него вжимается плечами.

Разбитый город, нет дорог,  
Живых людей, животных, света.  
И некому увидеть снов,  
И некому дожидаться лета.

## облако - ребенок бездны

По бездне, по бреду брести устал,  
Сон тянется двадцать пять метров.  
Где это облако, что я искал  
Под алкоголем и ветром?..  
Облака на паллетах везут на юг,  
Весной повезут обратно,  
И грубый рабочий на самом краю  
Подбросит их кой-как и - ладно.

- Где же вы, где облака Есенинские?  
- Какие облака называют Брянскими?  
- Говорят, появились облака поддельные,  
Рекомендуется выбирать внимательнее!

И смехом плююсь я у края неба,  
Глупо гримасничаю, они мне - в ответ:  
- На всей протяженности от Альфы и до Омegi -  
Холодно жутко, и тусклый свет!  
Вот я себе кровью память запек,  
Сны стали - чистый мед  
Щурится день и дымит табачок:  
Жить трудно, но скоро пройдет.

## ночь на вокзале

Железнодорожное, железное...  
Репертуар рельсов – рок.  
Ритм – работа рельсовая,  
Рейсы – рутинa железнодорожников.

Жестикуюлируя рассеянным,  
Раскрываются жернова шлагбаумов,  
Жетоны рассыпаются,  
Раскальваются шпалы.

Шайка жуликов шастает,  
Шепелявит, рычит, шаркает.  
Жадные, жалкие, радикальные.  
Ритмическая шизофрения разрастается.

Жарится разная шаурма,  
Шуры-муры, жульен, жратва  
Растекаются, шмякаются  
Железнодорожные разносолы.

Расстояния расширяются,  
Рабочие, шоумены, шлюхи  
Шарахаются регионами... -  
Железнодорожные жмурки.

### морская любовь

Ступают шхуны осторожно,  
И паруса вдохнули воздух,  
Где рыбы шаркают безбожно,  
И истин пыль лежит на звездах.

Где руки жилисты и сильны,  
Где обгорела лень на солнце,  
Свобода плещется обильно,  
А водка плещется на донце.

Мы отгорожены от действий,  
Нас душит девственность природы,  
И без особенных последствий  
Пройдет любое время года.

Мне гражданническое чуждо -  
Давненько прикурил свой паспорт,  
И две беды – любовь и дружбу,  
Как брызги, провожу я за борт.

## что-то со мной сделалось...

Что-то со мной сделалось,  
Не успеваю записывать.  
Жизнь моя стала белая  
Текла она раньше сизая.  
Кончились пьяные радости,  
Настало счастье в безмерности,  
Всё от твоей благости,  
И от твоей верности.

Хотел бы застыть в безвременье,  
И сохранить состояние,  
Избавиться от презрения,  
Развивая внимание,  
Грея доброжелательность,  
Распрощаться с обидами,  
Расчленивши желания,  
Бросить чувства развитыми.

Все течет, все меняется  
И со мной что-то сделалось,  
Молодость отстраняется,  
Да и небо расклеилось.  
Хоть и счастья - в безмерности, -  
Я курю ожидание  
В состоянии вечности  
Растворяя сознание.

## Москва, знакомство

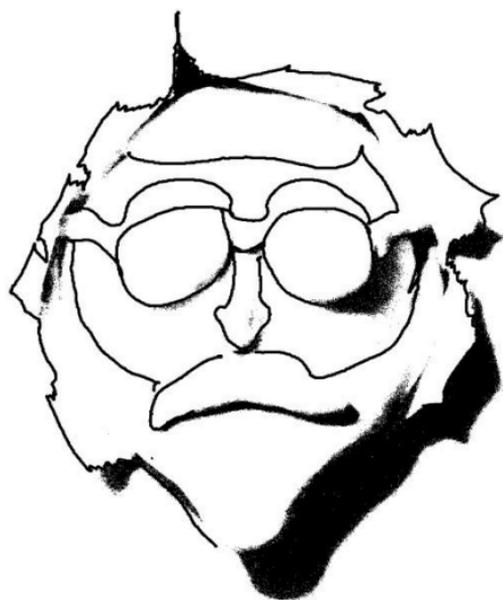
По мокрым тротуарам льется время,  
Найдя ритмичность в танце каблуков.  
Георгий, молча всунув ногу в стремя,  
Глядит в полки, сквозь листопад зонтов.  
Вальсирует хромая непогода,  
Бросает в дрожь Рождественский бульвар,  
И угасает пульс больного города,  
Как в пыльных окнах медленный пожар.

Я в центре. Наблюдаю поле боя,  
Шум колесниц и лязганье клинков,  
Сраженья давку, флаги над толпою,  
И снова пики острых каблуков.  
Я создаю себя в кромешном мраке  
Бессмысленной погони городов,  
Привыкнув к безразличности и драке,  
Раздав ключи от всех своих замков.

Считало время километры МКАДа,  
И звонкий путь стрела нашла сама.  
Я скинул бремя с первым снегопадом,  
И отлетел, как рваная струна.  
А со столбов, где свет стекал за ворот,  
Безмолвными глазами мертвеца  
Мне долго в след глядел остывший город,  
Вися в петле Садового Кольца.

## слеза

Как мне неинтересно с вами,  
Лежу средь вас слезой в стакане,  
Прижавшись к теплой батарее -  
Я клещ на белой вашей шее.  
Из разможенного сустава  
Как будто с криком: «Снято! Bravo!»  
Сбегу, перекосившись ртом.  
Вы рады щас, а что потом..?  
Стекаю вниз с подметки бога,  
Не религиозного, другого.  
И в брызгах мокрой электрички -  
Под ваш топор, мои москвички.  
Под нежных взглядов ваших пламя...  
Спасибо, давшим быть мне с вами.  
Что до того, что будет после –  
Морали нет. Я голый вовсе  
Вас объезжаю, стерженея,  
У тела взгляда рвется шея.  
Вот без надежд и без прикрас  
Склонясь, скучаю всякий раз  
И денег больше не желаю  
Я лишь слеза, я тихо таю.



*Грызлов Сергей*

г. Тула

Не кочегары мы, не плотники –  
словесных форм мы производники.

## ангел – хранитель

Однажды туманным утром  
Было не видно ни зги,  
Я шел по дороге понуро,  
Мантрам прочищал мне мозги.  
Читал я Мантрам про Обитель,  
Про Путь и Божественный Дух,  
Пришел чтобы Ангел – Хранитель,  
Прочистил мозги мне и слух.  
И Ангел на зов отозвался –  
Явился на мгlistой тропе –  
Я в миг на земле оказался,  
Сидящим в росистой траве.  
У Ангела не было крыльев,  
Труба не торчала в руках,  
И глас не трубил. И ни пыли,  
Ни ветра вокруг. На кустах  
Не дрогнули листья росисты,  
Пожаров не встала стена,  
Вдали лишь петух голосисто  
Начало приветствовал дня.  
И Ангел промолвил беззвучно,  
Но я Его сразу понял:  
С тобой мы навек неразлучны,  
Ведь ты же - частица Меня.  
Тобой познаю Я мир Формы,  
Тобой провожу мир Огня,  
Тобой успокою Я Воды  
И Камень пролью Я, любя.  
И огненной дланью коснулся  
Пустынной моей головы –  
Крик боли,- и я ужаснулся,  
Я стал зеленее травы –  
Власы мои сразу сгорели,  
И язвы по телу пошли,  
Как будто в моем брэнном теле

Сто тыщ Хиросим разожгли!  
Я трупом лежал, бездыханный,  
Безжизненным жалким бревном,  
И что заповедал мне Ангел  
Я понял не сразу. Потом.

\*\*\*

Обниму тебя колючим кактусом,  
Поцелую в губы – лепестки,  
Посмотрю в глаза под новым ракурсом,  
Засмотрюсь я в омуты твои.

Ты, шипастые листы свои раздвинувши,  
Комарино прозвенишь цветами губ,  
Пропоешь ответ, меня приветивши,  
Лбом упершись в мой дубовый сруб.

И шипы-колючки вмиг отвалятся,  
Сруб заменится на истины глоток,  
И любовь источником проявится,  
Источая нежности поток.

\*\*\*

Ты прильнешь белладонной головкой  
К моей ежисто колкой груди,  
Мухоморные губы с сноровкой  
Встретят губы мои на пути.  
Поцелуй полыхнет и раскатит –  
Гром и молния все озарят.  
Шелест листьев, – похоже, что платье  
Ниспадает как бранный наряд.  
Закружимся мы вьюгой в постели –  
Разлетятся и перья, и пух,  
Встанем мы ото сна чрез недели,  
Когда в задницу клюнет петух.

\*\*\*

Закатилось солнце на востоке,  
Как парторг ему издал указ,  
Астроном и физик были в шоке,  
А географ - улетел в экстаз.

«Алиллуйю» грянули заботники:  
«Бог пришествие знамением потряс!»  
И науки и церковей работники  
Хором славили парторговский указ.

Объявили всей стране субботники,  
Орден учредили и наказ:  
Чтобы всей большой страны работники  
Волю партии считали как приказ:

Волей партии природу переделати,  
Волей партии религию спасти,  
Чтобы общее успешно дело делати,  
Окормлять народы и пасти.

А науку поскорей отдать на плаху,  
Просвещение – тоже пусть туды –  
Ведь без них в народе больше страху,  
С управленьем меньшие труды.

Да, культура! Эта тварь такая,  
Так и лезет, падла, на рожон.  
Решено: в застенки отправляем,  
Света культ нам вовсе не нужен!

Закатилось солнце на востоке,  
Мир явленьем этим поражен,  
Лишь ребенок внял его истоки:  
Ось сместилась, мир весь изменен!

\*\*\*

\*\*\*

Лист шелохнулся – слеза на глазах,  
Застыла росинка в твоих волосах.  
Хотелось обнять, целовать, целовать,  
Хотелось полмира в подарок отдать!  
Росинка скатилась, просохла слеза,  
Твои просияли от счастья глаза.  
Взяла ты полмира и мой мир в придачу,  
И стал я богатым и славлю удачу!

### дверь

Я – веко, закрывающее вечность и реальность,  
Я – плоскость, отделяющая реальность от иллюзии,  
Я – порог, который должен перешагнуть каждый.

### мяч

На поле футбольном  
Метался избитый,  
Пинаемый всеми,  
Судьбою забытый,  
О счастье не знавший,  
От боли стоная,  
Удар очертевший  
В себя принимая,  
Стуча и свистя,  
И ползя, и летая,  
И прыгая звонко,  
Собой ударяя, -  
Что встретил в пути;  
Стеная конфликтом  
И прыгая вскачь, -  
Упруго надутый  
Резиновый мяч.

\*\*\*

Могущество интерференции  
Пучинисто достигло уха,  
Призыв на конференцию  
Взрывал стабильность слуха.  
Мозгопарилки удосужилось  
Собрание ученых братьев:  
Мозгоблудливейшее кружево  
Ползет с листов тетрадьев.  
Ползет, заполая мир бесстыдно,  
И тратятся пустынно сил вагоны.  
За человекoв до хвоста обидно,  
Что в туалете ищут позитроны.

\*\*\*

Лазурь индижисто темнела  
При излучении злотистых пятен,  
Коралловым рубином заалела  
Окружность, что снаружи дяди.

\*\*\*

Прядь волос душистым хмелем нежным  
Обвила крутейший в мире лоб,  
Распальцована щелчком небрежным,  
И наручники защелкнул сзади коп.

\*\*\*

Закраснелось утро на востоке  
Запад нежно укрывает тьму.  
Я опять сижу в своей берлоге  
И понять пытаюсь жизнь саму.  
Но мозгов мне явно не хватает,  
Кучерявит мысль мои мозги,  
Жизни смысл от мозга убегает,  
И опять не видно мне ни зги.

Говорят, что утром спозаранку  
Мысли умные все в голову идут,  
Но, видать, мозги мои в баранку –  
В дырку мысли пролетают: фьють!  
Закраснелось утро на востоке,  
Запад нежно укрывает тьму,  
В голове мыслишки, словно в стоке –  
Ничего я в жизни не пойму!

### не состоявшаяся встреча

Как-то раз пригласили меня в «Ворота Солнца» на встречу со знаменитостями эзотерической мысли. В гости в этот тусовочный клуб приехала бригада в составе легендарного короля Артура (топ-менеджер), прославленного мастера кисти Святослава Рериха, известнейшего композитора и музыкального новатора Александра Скрябина, Адептов Исполнительного Комитета Космического Наблюдательного Совета нашей планеты - супругов Алал Мингх, тоже выступавших в роли художников-керамистов и живописцев, а также - поэтов. Встреча обещала быть крайне интересной: выставка картин, музыка, чтение стихов и свободная беседа с мэтрами на фоне половой чайной церемонии (не подумайте дурного – чаепития на полу, застеленном коврами, подушками и прочей атрибутикой восточного стиля). На сайте клуба для заманухи была размещена пара рекламных фотографий с произведениями художников. На одной – панорамной – давался общий вид выставки картин и керамики собственного творчества, на другой – сервиз, изготовленный сыном Космических Иерархов. По совету друга померил энергетику фотографий рамками. Закрутились рамки в руках как пропеллеры, я уж подумал, что взлечу, но ничего, удержался на грешной земле. Особенно сильно крутились спицы на сервизе. Но, как

известно, на детях природа отдыхает, и если от произведений сына рамки в руках не удержишь, то, думаю, у самих Иерархов энергия много мощнее и их произведения значительно энергетичнее, а панорамная фотка, видимо, специально защищена, для безопасности. Решил не только сам туда пойти, но и вытащить жену - пусть развеется от домашних забот-хлопот, да и к эзотерике приобщится.

Собрались. Пошли. Я вышел чуть вперед, а жена задержалась на пару минут – никак не могла пристегнуть булавку и лезвия к своему ирокезу. Выхожу из подъезда, а передо мной стол. Это наши подъездные ребята-пенсионеры в домино собрались играть. Баба Валя с Женькой уже сидели за столом и раскладывали фишки, Егорыч, как самый старший, пошел искать четвертого игрока к соседним подъездам, а Владимир вернулся домой за табуреткой.

- Здорово, - говорю, - соседушки.

- Здорово, сусед. Четвертым будешь?

- Не, не буду. Встреча у меня очень важная. На выставку космической керамики идем.

Женька на меня посмотрел хмельными глазами и чуть-чуть покрути пальцем у виска, но чуть-чуть, так чтобы я не обиделся.

Поднял я глаза, да и не сразу поверил увиденному. К подъезду медленно, но верно ковыляли тещь с тещей и котом Барсиком. Теща вспомнила гимнастическую юность и хотела показать тестю, как она отлично кувыркалась колесом, да и сломала руку. И теперь идут из «скрой помощи» к нам на ночлег, так как домой в это время уже не уедешь. Барсик по моим прикидным штанам быстренько взобрался на меня как на дерево и уселся на плече. Потом потоптался, посмотрел мне в лицо извиняющимся взглядом и сиганул на тещу, прямо на руку в гипсе – лечить, значит. Тут и жена вышла, увидела - и в слезы. И пошли мы домой обратно устаивать ночлег семейным иерархам. Уж не до космических высот.

## НОВАЯ ЖИЗНЬ

Свинцово навалилась усталость. Опустошенность и безразличие. Наконец-то завершился рабочий день. Состояние – как у того мужика из анекдота, который, напившись до «нирваны», и возвращаясь оттуда, даже «кыш!» вороне, клюющей пуговицы на его брюках, сказать не может, а не то чтобы отмахнуться рукой или ногой. Целый день – диагнозы, анализы, справки, таблицы, цифры, статьи, консультации, просители, посетители, руководители. И это не считая писем, звонков, РТД, диалогов с коллегами. И еще многое чего, что бывает непредвиденного и неожиданного в нашей жизни и работе. И, конечно, подписи, подписи, подписи.

Иду домой. По ходу встречаются угрюмые, уставшие лица, озабоченные тысячами проблем. Заунывно звонят колокола, распространяя в округе заразу стоячих волн и микролептонов, призывая прохожих выложить свои наличные на поддержание умирающей церкви. А я все иду и иду, медленно переставляя ноги и так же медленно двигая другими членами.

Вот впереди появились огнедышащие драконы, смрад от которых шлейфом ползет по земле, удушая округу. Напрягаю остатки сил и обхожу их – девушку с парнем, машущих руками-крыльями черных кожаных курток свободного кроя и изрыгающих огонь и дым вонючей сигареты, запивая эту гадость пивом. «Черт бы побрал этих драконов. Не продохнуть».

Но я все иду и иду. Джипаристый козел, считая себя пупком, прет по тротуару. А я все иду и иду, иду и иду, не сворачиваю, смотрю на машину тупым взглядом. Не выдерживает. Сворачивает в сторону и останавливается, обкладывая меня всеми известными ему словами за закрытыми окнами машины.

А я все иду и иду, иду и иду. Тротуар кончается – перекресток. И какой дурак придумал эти перекрестки? Останавливайся, спускайся на проезжую дорогу, переходи

ее, когда на тебя так и норовят наехать эти козлиные пупы, а потом опять лезь на тротуар на другой стороне. Шаги тонут в реве моторов. А они (моторы) так и норовят тебе в нос свои экскременты вдуть.

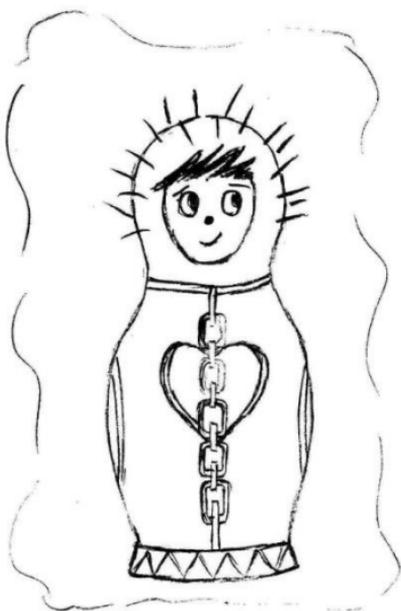
А я все иду и иду, иду и иду. И народ сегодня как с ума сошедший: так и стремится на тебя наступить, так на тебя и прет, так и прет. А я все иду и иду, иду и иду. Ничего, не давят, а обтекают, даже не задевая.

А я все иду и иду, иду и иду. И вывески на магазинах дурацкие, и какой дебил их только придумывал? «Копилка» - дурилка, «Билла» - бомбила, «Мир кожи» - с ейной рожи, «Копейка» - бандитов семейка. А я все иду и иду, иду и иду.

Иду и вижу: впереди женщина идет, молодая, но идет как-то странно – уточкой переваливается. Наверное, беременная, - выдвигаю сам себе гипотезу. Прибавляю шаг и обхожу. Действительно беременная, живот большой, плащ не застегивается. И что-то во мне екнуло-щелкнуло. По всему телу электрическая волна пробежала. Усталость и раздражение как рукой сняло. Сердце наполнилось радостью - новая жизнь скоро проявится на Земле.

И улыбнулся я приветливо и этой женщине, и прохожим, и машинам, и магазинам. И бодро зашагал дальше. В новую жизнь.

\*\*\*



*Елистратова  
Жанна Сергеевна*

Г. Тула

«Драмкружок, кружок по фото,  
А еще мне петь охота»,  
А еще порисовать,  
Покерамить и сплясать,  
В паутине интернета  
Побывать и помечтать,  
Посмотреть кино, subscribe,  
Сколько ж нужно мегабайт....  
Много дел я закручу,  
Я хочу, хочу, хочу...

маэстро можешь ты не быть,  
но хатха-йогом быть обязан

Что-то стала все чаще меня покидать актерская муза. Все меньше образов приходит в мою голову. Надо бы набрать немного энергии и может быть, этим исправить свое плачевное положение.

Сейчас все поголовно увлекаются восточными направлениями. Попробую ка и я заняться, например, Хатха-Йогой.

С чего начать? Надо, говорят, сесть так, чтобы позвоночник был на одной линии с головой. Тогда энергия будет свободно перетекать из головы в ноги и обратно.

Ох, и тяжело это дается! Не слушаются ни ноги, ни спина.

Вот, наконец-то и получилось! Ура! Сел! Вот только прислониться бы к чему-нибудь.

А сколько же так сидеть?

Так, теперь надо привести мысли в порядок. Да, какой-то тут порядок!

Скоро репетиция, а я никак не могу собраться. На душе кошки скребут: Дом не достроен, машина сломалась, теща приехала погостить. Как же избавиться от таких мыслей?

Ладно, хватит. Начинаем: вдо-о-х, вы-ы-до-ох, вдо-о-х, вы-ы-до-ох, еще раз. Оказывается, что и дышать так тяжело.

А мысли текут рекой, не остановить. Душе бы дать развернуться! Дай-ка сыграю нашу любимую! Русская душа так и просит простора!

Что-то стала голова нагреваться, наверное, от мыслей. Надену-ка шляпу. Вот и славненько. Ноги в позе, душа развернулась, а вокруг красотища какая! Вода переливается всеми цветами радуги, рыба плещется, так и просится на удочку! Солнце ласковое, катерок плавно

скользит по реке. Что человеку еще надо!

Да ну ее, эту музу! Очень уж она капризная бывает. Все ей что-то необычное подавай.

А на душе спокойно. Ни одна мысль не шевелится. Вот что значит заниматься хатха-йогой!

## В КОМНАТЕ

В комнате тихо. Это вечернее время перед сном. Наступившая тишина давит и закладывает уши. Сквозь стены едва просачиваются звуки из соседних квартир. Все вокруг, кажется, замерло, чтобы через некоторое время ожить.

Я выключаю свет и предметы, казавшиеся днем такими неприступными, оживают.

Вот тихонечко проскрипел диван: это одна из его многочисленных пружинок решила размяться и распрямиться. Монотонно, как часы, капает из крана вода. Большой, грузный холодильник вздохнул так грустно, что мне становится его жалко, как маленького мальчика, которого не пустили гулять. Предметы перешептываются между собой. Ш-ш-ш слышно в комнате. Жалобно скрипнула половица. Как жаль, что я не понимаю их язык! Цветы повернули свои головки-листочки и удивленно прислушиваются. Кто сказал, что? Капелька-слезинка застыла на листочке, а потом медленно скатилась. Листик вздрогнул и распрямился, гордо взглянув на меня. Наверное, я его чем-то обидела. С недоверием, строго смотрят на меня часы, стоящие около изголовья. Лампочка-светильник наклонилась надо мной, усыпляя. Кровать ласково принимает меня в свои объятия.

Легкое, прохладное движение воздуха ощущается в комнате, из приоткрытого окна вливается струйками весенняя свежесть. Она стекает, опускается к полу, как

нежный, струящийся шелк, медленно, боязливо легкими прикосновениями дотрагивается до моей кожи. Вот она коснулась глаз, волос... Блаженная истома разливается по телу. Глаза закрываются... и я засыпаю.

### ЖИЗНЬ СВЕЧИ

Пламя свечи трепетное и нежное, как будто листья осины дрожат на ветру. Подуешь на него: и оно волнуется, трепещет, принимает почти горизонтальное положение, но потом, как негибачаемый воин, распрямляется и продолжает светить, как сердце Данко, освещая нам путь в темноте.

Пламя каждую секунду меняет свое очертание: то оно – стройная девушка в танце, то - ветка дерева или нежный цветок.

Хочется смотреть и смотреть на эту игру света... Но проходит время, свеча медленно, нехотя догорает, остается маленький язычок пламени, маленький беззащитный светлячок, это его последнее дыхание, оно прерывистое, движения спонтанны, он изо всех сил стремится продлить миг жизни. Пламя становится то неровным, тревожным, то бьется вверх, стремительно, крича: «Я не хочу умирать!»

Вот и последний всплеск огня. Все... Только витиеватый дымок поднялся вверх, словно призрак, и исчез...

Завтра зажгу новую свечу, но все будет по-другому.



## *Еремин Евгений*

Амурская обл., г. Благовещенск

### близко лето

Помню, лет, этак, десять назад... Владивосток. Август. Остров Рейнеке. Первая ночь – звёзды – море, костёр – палатки – гитара... Плов из мидий. И вот во всю эту романтическую логику вклинивается тема – Интернет. Спор вышел: одни, дескать, гусь свинье не Жан-Поль Сартр. Это абсурд, закат, западня, ловушка. Другие: а вот и нетушки! В Багдаде всё спокойно. Уймите свои паники, граждане! Главное – человек! Интернет – только инструмент. Зато, какое поле! Острова наши – песочница ясельная. Прочь расстояния! Свобода тут! Мы – везде!

Так они нас тогда и победили. Своим «струментом». А письма-то получать перестали. Ручные. Электронка! Скоростя! Не письма – телеграммы: «Как сам? Привет нашим!» Ничем не пахнут. Никак не греют. Получил – тут же ответил, и тут же опять получил. Ну, не успевает с нами ничего произойти. Не вызревает. Зелень лопаем. Буквы – консервы. Общепит. Слова как новобранцы в форме. По стойке «скучно» – все на одно лицо. Сотовые, клиповые письма пошли.

А сейчас бы в ту песочницу... Поля...

## ЛИСТЬЯ СНЕГА

охапка вторая

\*\*\*

Дресс-код? А снегу начхать!  
Треуголка и кресло-качалка.

\*\*\*

Целоваться нежно бы –  
Целовались громко.  
В сердце спят подснежники,  
По сердцу – позёмка.

\*\*\*

Мир – торопыга замер. Арестплощадка...  
Тихая сила снега.

\*\*\*

А взять – простор,  
Он всяко по карману  
Огню и снегу, и ...тебе

\*\*\*

Почувствуйте!  
Вкус свободы,  
идентичный натуральному!  
Любовь в рассрочку!  
И ... только у нас –  
Снег по телефону.

\*\*\*

Всё идёт, и идёт по миру снег -  
Юродивый снег,  
Обращая театр в тир,  
Торты – в тартарары.  
Подчистую. До нитки.  
Назад к дню рождения.



\*\*\*

Слышишь?  
Небо цитирует снег.  
Снег – тишину...  
Тишина подзывает тебя,  
Гладит задумчиво...  
Улыбаясь, кивает на небо:  
«Небо цитирует снег,  
Снег цитирует небо...  
Эх, ты, цитатник!  
Слушай: .....»

\*\*\*

В банановых снегах,  
в банановых снегах...

\*\*\*

Добрый.  
Тихий.  
Ясный.  
Большой.  
Снисходительный снег.

\*\*\*

Снова снег выводят в свет.  
Свет становится несветским,  
Свет гутарит не по-светски,  
Что в начале – снег жил-был.  
Что в начале снег – жил-был ...

\*\*\*

Белой вороной над речкою чёрной  
Вдруг оглянуться прищурясь...  
Кто остаётся? Кому здесь водить?  
Пушкин Снега.

Август 2011

\*\*\*

Застёгнуты на все, застигнуты по горло...  
– Сэр Снег, почто Вы нас разоблачили!!!

\*\*\*

И слышать сон...  
Как снег дает ростки...

\*\*\*

Проснулся снегом.  
Укутал кто бы подснежным чаем.

\*\*\*

Просовывая в наши клетки снег,  
Просачивая соком тока...

\*\*\*

- Снег?... А Вам кого...?

\*\*\*

Вжались в простенки врасплох, в неглиже.  
Да откуда они свалились, в наше подполье?  
ОКНА СНЕГА.

\*\*\*

Личинки снега... Волшебство.  
А мы всё жнём от пестицидов...

\*\*\*

Имидж снега – сейчас это модно.

\*\*\*

И падают закладки в складки города...  
Листать и возвращаться Рождеством.

\*\*\*

Снег... Город-копилка.

9 января 2012

## МНОГОСНЕЖИЕ

\*\*\*

И всякий раз, когда мне слышен  
Шедевр – мол, истина в вине,  
Я застаю себя на крыше –  
Перелицовываю снег...

\*\*\*

Тс-с!!!  
Ты – с-снег...  
Ты снова снег...

\*\*\*

А снегу-Колумбу всё открывает бы, да открывать  
Нас, индейцев...

\*\*\*

Снег – адвокат? Ревизор? Реставратор?

\*\*\*

Когда всё, что вокруг тебя крутится-видится-  
слышится,  
Всё – не на твоём языке...  
Это, наверно, оно, одиночество...  
А вот это, вот это – такое лёгкое, светлое, верное...  
Как его-то застать? Увидеть? Услышать?  
Пробел  
без пробелов...

\*\*\*

И плыть, выгнув шею, прищурясь...  
(свеча под крылом)  
Снег – глуховатый будильник.  
Без стрелок, без цифр...  
Без конца и без края –  
Край света...

\*\*\*

Ка-ка-я ред-кая у Вас группа снега...  
Да как Вы вообще живёте?!!

\*\*\*

Снежные пазлы...  
Ау! Аутисты!!!

\*\*\*

Большая потеря снега. Срочно! Переливание!

\*\*\*

Грустный диагноз – «в лице – ни снежинки»

\*\*\*

Просто у вас ...  
Разные группы снега. Несообщаемость,  
сударыня...

\*\*\*

Посмотрите на снег – как он растёт.  
Он не трудится, не прядёт...  
Посмотрите на снег...  
Посмотрите на снег!  
Да посмотри же на  
Снег,  
Посмотри...  
На - снег!

\*\*\*

Вот, возьмите снег...  
Или зубную пасту «Денгем».

\*\*\*

Потом она сказала вдруг:  
«Нет никого живее снега...»

\*\*\*

Снежинки – антитела (в смысле – ангелы).

\*\*\*

Смотреть как снег читает нас...

\*\*\*

Древний воздух настоян на русском снегу...  
Всё гадаю – сбегу я сюда, не сбегу...

\*\*\*

Как-то гулко на душе, непоглажено и бедно  
Снегу бы...  
Да запропасть в русской радости бесследно...

\*\*\*

Опять не понять – до чего же светла  
Обратная сторона снега.

\*\*\*

Что ещё сказать... края света - нет?  
Многоснежие... Многоснежие...

\*\*\*

Снежинки – «тривиальные нули»  
Насытят первобытной пустотою...

\*\*\*

У снега запах давних книг.

\*\*\*

Утопая в звуках снега,  
Вдруг припомнишь – вот он, берег.

\*\*\*

Снег – такое старьё...  
Детский сад.

\*\*\*

Эхо снега?!! Какое ухо!!!

\*\*\*

И ручка подустав, приляжет  
Между «сказать» и «показать».  
А снег... как будто он на пляже.  
Его ничем не доказать.

\*\*\*

Март от Сартра по Монмартру нарезат вперёд-  
назад  
Снег от смеха (вот потеха) так и тает – детский  
сад.

\*\*\*

Всё ёрзали, мудрили с микроскопом...  
А за окошком...  
Королевский снег...

\*\*\*

Снег – в чём мать родила...  
Ни стыда, ни расходов, ни скуки.  
И без этой науки  
Только дела...  
( Сколько некрасивых, дорого завёрнутых  
женщин...)

\*\*\*

Дождь гонит в дом, пока не стих.  
А снег выводит... в стих.

\*\*\*

На чердаке попался листочек из чьей-то  
тетрадки:  
«...снег сверхточноинформативен, он – метр  
порядка»

\*\*\*

— .....

— .....

— Да, но на снежных весах мы всё ж таки

бегемоты...

— Ой, ну не надо (Вам без сахара?) снегу бы наши  
заботы.

\*\*\*

И вдруг... по всем каналам — снег.

Так вымирили телевизры...

\*\*\*

Опять гляжу, не нагляжусь

Как снег у нас бросает якорь...

\*\*\*

Весна. Безлимит. Качай и качай.

Сирень плюс ландыш — подснежный чай.

\*\*\*

И притихнуть на качалке с чашкой чаю...

Чу! Снежинки Землю в лузу залучают.

\*\*\*

Ну вот, а Вы бы догадались зиму снегом  
подсолить?

2012, два вечера в конце февраля и  
начале марта, и несколько дней  
гриппа в середине.

## не оприходованный снег

\*\*\*

А взять простор —

Он всяко по карману.

Огню и снегу... и душе.

\*\*\*

– Можно счёт?  
– За счёт заведенья. Снега хватит на всех...

\*\*\*

Декабрёво, декабрёво, декабрёво...  
То ли станция, а то ли состоянье.  
Состоянье растранижат расстоянья –  
Июлёво, Мартобрёво... Снегирёво.

\*\*\*

Бывает так – весь мир в обним.  
И то, что не катило – лечит.  
Над каждой снежинкой – нимб,  
За каждой снежинкой – встреча.

\*\*\*

Листая снежные чеки...

\*\*\*

И снова в памяти всплывает  
Непотопляемый крейсер «Снег».

\*\*\*

Снегу бы!!!  
Снегу бы полную ванну...  
Пусть судмедэксперт потом фантазирует.

\*\*\*

Чхуан тхан фэн, «И-Цзин» нараспашку.  
Первый снег ложится на рельсы.  
В Москву! В Москву! В Москву...  
(махонький город, загнанный в угол двух рек)

.....

.....

.....

Она ревёт, рвёт его sms-ки...

## сходи туда, не знаю, куда, принеси ... стихи

(опыт автобиографии)

Середина июня или 12 июля? Чувствуете разницу? Это и есть Поэзия. Смелость выбрать лучшее. Тогда в середине июня 1963-го я решил, что в таком деле, как появление на Свет, арифметика – это несерьёзно. Ну и что, что девять месяцев истекло – у праздника свои законы, а вернее их отсутствие. Что значит, пора? Что значит, надо? В общем, я выбрал 12 июля. То есть как-то вдруг, понял – всё. Сошлось. Поехали. Рождаюсь. Родился стремительно и «в рубашке». Счастье, вообще, штука стремительная, его вдругность – пренебрежнейшее условие. Тоже, кажется, и в Поэзии. Красота – это же отсутствие сомнения. В этой самой красоте. Исчезновение времени.

Э-э-э. А! Вот. Имя мне дала сестра. Родители, правда, настаивали на Сергее. Но у сестрёнки в детском саду был жених – Женька. Родительское слово – закон, но и здесь победила любовь. Она ж сама себе закон. Вот законы стихосложения же есть. И законопослушных пруд пруди. А Александр Сергеевич – один. Лебедь.

Всё пространство детства я злился на сестру. Хотелось быть мужиком, Серёгой, Серым, а не белой вороной Женей. Только спустя много лет, увидев свои стихи напечатанными, а имя развёрнутым, понял: «Конечно же, только – Евгений». Вот ещё одна составляющая Поэзии – терпеливость, то, что не называет себя терпением, но является таковым по существу. Любое обыденное слово может разжаться в любую секунду. В неких пространствах слова изначально взрослые. Нужно только там оказаться, найтись. Места знать нужно. Чують их и чайть. Деятельно.

Ах, да. Так вот, первая евриальность, по маминим воспоминаниям, проклюнулась года в три. Жанр – монопесня. «Антитела, антитела! / Пусть эта песенка будет моя!» Ведь, это же, может быть, об ангелах. О душе. Пусть рифма неточная, зато смелая. Смелость – ещё один

пинцетик поэзии. Этим шедевром я надолго утолил поэтическую жажду.

Всю школу сквозь любовь к тишине, музыке, рисованию и звёздам я вежливо маялся, к какому классу дышащих себя отнести. Мне кажется, поэзия по-своему бестактна. И невежлива. Она вообще вне игры. Не «правее» или «над», а именно «вне». Ей и воздух-то не нужен, она сама – дыхание. А я дышал...пунктирно. Погранично. Контрабандно. А потом вник: «против», «за» – одна плоскость. И тут в этой плоскости грянул рок-н-ролльный бум. В классе девятом. Панк-рок – это было почти «над» и безтрудно. Хоти и всё. Я захотел. Но так как играть ни на чём не умел, то досталось самое «лёгкое» – тексты. Группа, куда меня позвали, называлась “Dry Jet ” («Сухая струя»). От панк-идеи было оставлено самое лучшее – стёб. Над пафосом. Записав пару-тройку самопальных альбомов, мы благополучно попали под колпак КГБ. И вот по иронии судьбы в это же время, это был 83-й, и произошла Встреча с нею – с Поэзией. В хрестоматии по зарубежке наш соло-гитарист «напоролся» на символистов и... Это было какое-то оцепенение. Мгновечность. Мы тут же забросили песни, и каждый день сочиняли по стиху. Вот это было «вне». Безвоздушный воздух. Беззаконный закон. Медлительная стремительность. Но КГБ оказался расторопней. Нас взяли. Торговый техникум я закончил без диплома, друзей исключили из институтов. И покатило.

Кстати, о техникуме. Подавал-то документы я на худграф. Но житейский здравый смысл возобладал над хрупкостью неприкаянной мечты. И вот это была неволя. Но что странно, этот период, явно являясь вывихом, был до краёв наполнен стихами. Меня гоняли из столовой в столовую, обзывали «библиотекарем», штрафовали, а стихи не слушались – лились, лились, лились... Но кораблик начал давать течь. Восемь лет в зоне общепита для организма поэзии всё же перебор.

И тут сестра, давшая имя, заставила вспомнить о

старинной мечте – быть археологом. Так, на 26-м году жизни, опять, согласно какой-то странной логике, подав документы на исторический, я стал студентом Филфака БГПИ. Вывих вправился вывихом. Кстати, ещё одно условие Поэзии – ничего «во что бы то ни стало». Если ты подводный сверхзвуковой вертолётный паровоз, трёхколёсный зелёный с никелированным звончком, все дороги – твои, все повороты – к дому, который не справа, слева, спереди, сзади, а внутри. Но это, если движешься. А по-другому, его и нет. И вот я дома, то есть в институте. И вот это моё. И как я мог без этого? Всё. Никаких вывихов. Впредь только по рельсам. Да.

Но, надо ж было рухнуть Союзу. И так вот всегда: только начнёшь к уюту привыкать, бац-ц-ц! Какое учителем? Какая там школа? Все – в рынок! Под катапульту большой деньги – «Арт видео», рекламный отдел, помреж, крейтор, копирайтер. Слова-то какие! Где-то даже удивление, доброе, сытое брало: «А ведь сочетается! Всё сочетается – поэзия и реклама, сердце и продажа». Но это, как кран – закрутишь, а вода ещё льётся, потом тоньше струйка, потом – капает, потом .... суп с котом. Чёрным. А поезд ушёл. С Поэзией. Без тебя. В травмпункте бы сказали: «Привычный вывих».

Но тут как-то в августе 95-го, кажется, знакомая из частной школы позвонила: «Выручай! Нужно подменить классного руководителя на месяцок». Помните, бывает, как: твёрдо знаешь – абсурд, нелепица какая-то и ... тут же соглашаешься. И садишься. И едешь. Пять лет. И счастлив. И опять думаешь: «Ну, как я мог в этой рекламе? Тьфу!». Учитель – это звучит... А старший преподаватель? А аспирант?» Еду в Нерюнгри писать диссертацию по Б. Г. Есть в жизни счастье! Не умеет не быть.

Стоп! Умеет. Оно и не то умеет. И тебя научит отказываться. Полный назад. На семь лет. А зря ведь ругался-то на рекламу – кормила тогда. Доставала, давила, тупила, но ведь кормила! И думаешь: «Ну, почему я? Тебя-то за что? Им что, за это деньги платят, чтобы они уходили,

твои поезда?» Тут хорошо бы научиться вспоминать, что ничего не зря, всё для чего-то, за что-то. Но злишься – не вспоминается. Не злись. Вспоминай. Вспоминай.

А поезд-то тут. Всплывает себе, пропеллером машет кисейно-торжественно и звоночком так: «динь-динь». «Садитесь, – говорят – милейший». «Куда это?» – думаю. «А Вы разве не догадываетесь?» – отвечают. – БГПУ, старший преподаватель кафедры РКИ, аспирантура кафедры литературы. Тема: “Художественная картина мира в поэзии Б. Г.”»

Нет. Кто-то там, на абсолютном пульте, великой стрелке, в главном порту нас всё-таки любит. Очень. И такая вот она, Поэзия выходит, нечаянная. И вывихи рифмует.

Да, о стихах. Родитель из меня никудышный. Все они у меня какие-то непристроенные – всё по тетрадкам, да по салфеткам... Но некоторым из них странным образом подфартило. Везунчики. Это я про «Туки-ту». Сборник не сборник, домик не домик. В общем, стихам этим – крыша над головой. А ещё – пособие по игре в прятки. Прятки – самая поэтичная и мистическая игра. Это и есть Поэзия. Прятаться с тайным желанием быть найденным. Выпасть из времени. Выключить его. Вернуться в те заветные места, где его ещё нет. И сбившись там... с замиранием, чуть дыша, пряча смешок, вдосталь наслаждаться своей недосыгаемостью. И потом вдруг, враз, стрелой-ракетой, рисково обнаруживая себя, нестись, что есть сил. И в последнем торжественном рывке выдохнуть: «Туки-та». Победа. Есть Поэзия. Есть Встреча. Только б дожидаться, добыться. Найдись. Найти. То, чего нет.

жили-были...

Если верить этим постструктуралистам – всё есть текст.  
Если теплее – разговор. Смотрю сегодняшние

фотографии... Качество, как говорится, йоу! А разговора нет. Ну, нет разговора. Текста нет. Хотя вру – есть: «Я – есть». Вот и весь разговор. Кто ты? Зачем? Куда? Что делаешь? «Вот – Я». «Я с Зиной». «Я у Колизея».

Конечно, в некотором смысле «я – есть» – это универсально. Это мощный текст, если развернуть: я не мёртвый, я радуюсь жизни, надеюсь, мечтаю... Но что-то не разворачивается. «Я есть» – и хоть убей. Партизан. А где война? В голове?

Помните, у Джека Лондона, герой после страшного голода, будучи спасён, долго ещё сухари под подушкой копил. А мы – фотки. А вдруг?! Нет, страх, конечно, небезосновательный. Мы умрём. Причём все, каждый. Вот. А фотки – останутся. Триста фоток только с одной свадьбы... и через неделю – развод. У бабушки с дедушкой – одна, и всю жизнь вместе.

Камушек речной сфотографируешь, деревце на горе, пичугу на окошке. Они же не ахти какие писатели. Согласен. Но они, как бы это, в теме, в картинке. Они работают. Это их дело. Просто. А на фотках – лодыри. Батя говорит: «Помнишь 70-е? Ни одной газеты без человека в работе».

Пришла мысль. Скребётся. А если сейчас вдруг всё ухнет? Такая большая общая Помпея. Потом – другая цивилизация. Археологи. Раскопки. Монографии. Учебники. А там – наши фотки.

Достать альбомы. Последние. Мыльные. Втайне от домашних. И половину фоток – в ведро. Интересно, хватятся? А те, чёрно-белые? Наперечёт помним. А сейчас к чему помнить? У нас все ходы записаны. Разжёваны... А есть что-то не хочется. Пойти разве чайку поставить, да сфотаться... «Я – у чайника!»

## точное лето

Тихий, тёплый вечер. Поздний. Сидим с другом на

леерном заграждении, что на перекрёстке Амурской-Трудовой, напротив Центра занятости. Мы здесь часто встречаемся побалакать перед сном – местечко такое фэншуйное и почти что посередке, между нашими домами.

Сидим, значит, новостями делимся, дела-вопросы-советы. Но чаще такие монологи. По очереди. С паузами такими богатыми, раздумчивыми.

И тут – бац! «Парни, который час, а?» Мужичок, такой не плавный, походный. Скоро этак двинется и на ходу повторяет вопрос: «Время, время скажите, ребята». И мы как-то нехотя из паузы выбираемся, как в глазок дверной смотрим. Да, совсем даже обратного телесного ритма человек.

А я только что перед этим на часы смотрел – было без пяти двенадцать. И не пересматривал. «Восемь минут первого», – говорю. С таким оттенком, дескать, а не поздновато ли, уважаемый, хороших людей из разговора выдёргивать. А у самого мысль неуютная начинается: «Сейчас на пиво спросит». А он так обрадовано: «О! С праздником, ребята!» «Ну, точно, – думаю, – угадал, тут надо сразу резко, не рассусоливая, без интеллигентских заморочек, определить человеку вектор передвижения». А сам, дурак, почему-то наоборот, спрашиваю: «А с каким?» «Так как же? – искренне удивляется прохожий. – Восемь минут как лето! Лето, лето наступило, парни! Поздравляю!» И дальше пустился.

А я сижу, как немножко не здесь, не в себе. А точно, сегодня же 31 мая. То бишь, 1 июня уже. И тут мысль неуклюжая: «А чё, пива не хочешь?» А тот словно мысль приметил, оборачивается и так, по-свойски, с какой-то даже радостью работной что ли, таёжно-сплавной: «Эх, вот так всегда – как праздник, так я в дороге». И дальше вперёд заспешил.

Мы сидим, как будто нашу лодку, подводную, жёлтую, торпеда просекла. Но такая, э-э-э, тихо-удивительная, праздничная. И пауза у нас совсем уже не взрослая, а как

бы даже, аккурат походная, типа «ночная рыбалка». И поплавок так дёрг-дёрг, запоздало-виновато. А я ж ему время-то соврал. И лето неточное наступило. И вообще как-то... Неправильно живётся. Приблизительно. А он нам – Праздник. Лето. Дорога...

### тихий чай

(Колыбельная светлость)

Никто не заметил? Вчера в городе какая-то странная тишина приземлилась. Где-то в районе пяти-шести. Я от неё и пробудился. Как-то плавно после обеда прилёг. Может быть, она мне даже снилась. И так нежно в явь перетекла.

Очень непривычное ощущение. Нездешне-уютное. Как будто стёрли какой-то вечно раздражающий, мозольный звук. Приевшийся такой, шпионский.

Арестовали и выслали его на родину. То есть на чужбину.

Вот сейчас пишу ручкой, а она не пишет. Как будто бумага воском натёрта. И вот постоянно с ней так. Начнёшь – вроде ничего, а потом тормозит, нервирует. Выбросить бы. Стержень заменить. Но почему-то не выбрасываю. Беру другую ручку. А эту – до следующего раза.

Вот так и с тишиной этой. Нерв куда-то пропал. Вроде уже и так привык, свыкся, сжился. Или вот со старыми туфлями тоже. Носишь-носишь, выглядят ещё хорошо, то есть неплохо. Ну, не денди, но и не бомж. И вот, как-нибудь, с получки – раз в обувной... Идёшь – как на свет народился. Думаешь, как это я мог в этих ... шкрёбах ходить...

Очень такая активная тишина, проникающая. Но не назойливая. Такая... в рифму. Как будто искал, искал и даже смирился с этими – кровь-морковь-любовь, ночь-прочь, розы-морозы. А тут раз, и без предупреждения... У

вас двойня, мужчина. Девочки. Поздравляю. И вот стоишь, как дурак. И понимаешь, что, в принципе, ты об этом всегда мечтал. Только надо сейчас успеть удостовериться, что это был ты. И мечта твоя.

Да, внезапная, новорождённая тишина. Ещё похоже на сказку, не помню, какую. Но помню, что такая точно есть. Должна быть. То ли все в городе уснули, то ли царевна спящая проснулась. Выглядываю в окно – машины не едут, люди не идут. А нет, вот, идёт. Но не нарушая.

Ещё говорят – мент родился или ангел пролетел. Понятно, это не синонимично, но где-то между. Потому что она, не вдруг и не мимоходом, а ... вот – как снег. Первый. Точно. Или Рождество. Вот. Зачем я это пишу? Второй час ночи...

Какой бесконечно тихий день. А вдруг, думаю, я единственный, у кого есть время об этом написать. Вдруг все почувствовали то же, что и я. А сфотографировать, проявить, фиксаж, высушить – руки не дойдут. Как-то это невежливо получится. Вроде тихого чая налили.

Сидишь на планете, в одном родном незнакомом городе и не понимаешь, куда спасибо класть. Никого нет. То есть всё есть. Больше некуда. И даже кто-то есть, совсем рядом. А никого нет. И вот как-то неудобно, что всё так удобно, а как выразить хорошесть и неведомо.

Вот так бы сидел и сидел на этой планете, покачиваясь – потому что она летит себе чинно, убедительно. Волшебно-серьёзно. И ты так головой не вертишь, а всё вокруг видишь. И внутри. То есть слышишь, что нет ничего, что было бы плохо. И это надолго. И даже всё заканчивающееся мимо исчезает. Не туда, откуда ты взялся, а вообще – вбок. А чай-то всё подливают, подливают. И вдруг так явно, спокойно понимаешь, что ещё не напился. Что ещё можешь прихлёбывать. Всегда. И никто не гонит. Никого. Кстати, Вы тоже присаживайтесь – в ногах-то правды нет. Вот он – как раз вправдашний. За так. Безмысленный. Тихий-тихий чай...

А под утро родился дождь. Тихий...

## Великий Прятка

Снег бывает только дома. Нет, я не снежный националист, но зачем же обманывать себя. Снег бывает только дома. Это факт. Вообще, всё, что бывает – бывает только дома. То есть, если быть совершенно честным – дом случается всегда, когда что-то случается, например, жизнь. Всё остальное – чужбина. Даже, если территориально это – дом. Или снег.

Да, так бывает, снег идёт, но его нет. Со снегом держи ухо востро. Не как Шерлок Холмс. А как Шерлок Холмс, который совсем и не знает, что он Шерлок Холмс. Потому что снег – Прятка. Великий Прятка.

Все или почти все, ведь как думают? Вот, снег. Зима, значит, явилась. Или вот, лето здесь. Значит, не зима. И потому снега не будет. Но, нет. Всё гораздо симпатичнее. Снег, он всегда: зимой и летом, дома, замужем, друг предал, юбилей нагрязнул, сын родился – у друга, а у тебя – нет... А снег есть. Конечно, как бы и нет. Но он есть и не «как бы». Тут всё, как у взрослых. Просто, это такая очень серьёзная игра – «Снег». Надо просто правила знать. А правила простые... Это и есть правила: всегда помнить, что они простые. Ведь трудно, это, когда если «давай не сейчас». А, если «сразу сейчас», тогда уже и не трудно. Нет времени на споры с собой. Сейчас. А потом ещё один сейчас. И ещё. И... вот сумма этих самых «сейчас» и есть снег.

Просто, да? Но все ждут зимы. Упрямо, отчаянно ждут какой-то там зимы. Хотя ждать – это уже не снег. Хотя ждать можно. Скажем больше, ждать – очень даже хорошо. Но ждать/делать. Одномгновенно. То есть, присутствие этого снега совсем не исключает надежды. На великий снег. Маленький, великий, единственный снег. И тогда уже без разницы, у кого родился сын, и зачем зима, и этот вот рассказ. Ты – уже снег. И снега хватит на всех. И конец всем пряткам. Но конец такой – без конца. Начало всегдашнее. И мама – молодая как на тех чёрно-

белых фотографиях. И тебя ещё может не быть. Но при этом ты уже где-то есть. Чтобы там ни случилось, ты-то есть!

Но этого, конечно, сразу не представить. Но можно начать... с детства, например. Попробовать вспомнить, а потом сразу убрать, вырезать, стереть. Весь тот новый снег... Те самые санки, с надвязанной бельевой верёвочкой и разноцветными дощечками. А за верёвочку тянет... мама. А ты сидишь как плюшевый настоящий пингвин с шарфом под самые глаза, и иней на ресницах, и снег падает и под санки бежит... Получилось? Нет?

Вот он... Держите – Снег...

## 5 км/час, или Малый хрустальный тормоз

Как-то пребываю у друга в гостях. Сидим, гитарим так уютно, неспешно. Но тут взялся он мне фильм показать, что снял, будучи в Шанхае, на автогонках «Формула-1». Гляжу: машины – вжик-вжик. Да ещё лихо так всё смонтировано. Динамично. Круто. Под «Рамштайн».

Смотрел я смотрел, но один вопрос у меня крутится, стучит в висок: «А зачем?» Друг удивляется: «Так, прогресс же! Такой, значит, теперь жизни темпоритм». Но в голове у меня не унимается: «А зачем?»

Друг усердно-нетерпеливо: «Так ведь, быстрее жить стали, значит, типа, прогрессивнее. Всего больше влезать стало в один квадратный миг. Плотно зажали. Скучать не успеваем. Вот раньше, в институте, я по полгода одну книжку техническую осиливал, а теперь журналы компьютерные пачками только отлетают». И, не дожидаясь моего дурацкого «зачем?», продолжает: «А затем, что я теперь в компе как дома. Он быстрее кумекает – я, стало быть, роликов рекламных шлёпаю больше, а, значит, получаю соответственно. И, конечно же, могу себе позволить. Не то, что по студенчеству».

Смотрю – точно. Квартиру купил. Ремонт поднял.

Телик, DVD, микроволновка, стиралка, опять же автомат, – всё сходится. Конкретный прогресс. Это тебе не комнатёшка в третьей общаге.

Но что-то у меня там, в голове, видно, отклеилось, соскочило. Нет, стало быть, картинки ясной. «Погодь, – говорю, – а зачем? Вот ты всё быстро – кучу наколол-настругал, и, что? Быстрее есть стал? Желудок у тебя быстрее заработал? Потом дивидишник врубил, посмотрел наскоряк – глазные яблоки у тебя, соответственно, прогрессивно так поворачались. Потом ты девушку свою так динамично пообнимал. И... бух – в сон. А, нет. Ещё ноги – зубы – уши – книжку – махом перед сном. И спо-ко-о-йный. Хотя, нет. Восемь часов сна – это же для лохов. Тут тоже надо марку держать. Темпо-темпо. Одно жаль: природа как-то не очень фишку рубит. Ну, там, день-ночь, лето-осень-весна-зима – тягомотина. Да и скелет... косный какой-то. Никакой аэродинамики. А с перевариванием пищи – так это вообще смех один. Сплошной тормоз».

Тут друг взглянул в пространство-время, этак, качая головой, – пожурил, значит, природу за нерасторопность.

А я вот сегодня снег убирал... Классический...

\*\*\*

## жанр – монороман.

Первым был роман «Страх», задуманный как отдельная долговременная акция. Других романов не предполагалось, т.к. в понятие «монороман» вкладывалась, в том числе, его единственность. Но получилось по-другому. На сегодняшний день их больше десятка. Концепция их осталась, в основном, прежней, за исключением приуроченности к дате.

**Евгений Ерёмин**

# **Страх**

**роман**

**А ИТЬ МЫ ЖИТЬ-ТО БОИМСЯ...**

**Санкт-Петербург**

**2011**

**3 июля**

**Издательство «Туки-га»**

**Тираж 1 экз.**

**<http://sneeeg.livejournal.com>**

## роман «Страх» концепция «столбовой» публикации

Приурочена публикация к празднику 4 ноября, Дню Единения (эта дата всегда может быть в выходных данных, эдакий «День Сурка»).

В любой бесстрашный день люди пожелавшие стать «издателями» (издателем может стать каждый) распечатывают роман (он в приложении), и опубликовывают его на столбах и прочих плоскостях пространства в людных и не очень местах, по желанию. Можно сообщать об этом друзьям в других городах нашей Родины и прочего земного шара.

Так желающие включаются в «народное ополчение» по освобождению «внутренней, сердешной Москвы» от «внутренних» же оккупантов, кои у каждого свои.

А ежели сурьёзно – этой публикацией просто «отменяется» длинная пафосная линейка: издатель – дизайнер – рекламщик – <...> – продавец (и прочие промоутеры/супервайзеры) – читатель (слушатель, зритель – для других видов искусства) и все страхи связанные с этим.

Да, думается концептуально распечатывать роман на использованной (с одной стороны) бумаге, ненужной уже, отслужившей свои век и задачу.

Потом, в скором времени, в Благовещенске, в СМИ, возможно, будет объявлено о презентации с пресс-конференцией. Роман распечатанный на майках, ручках, зажигалках, спичках, блокнотах-ежедневниках (все ежедневные страхи – туда), праздничном торте. Она должна НЕ состояться в областной библиотеке с торжественной НЕ передачей романа в отдел особо редких изданий. Присутствующим НЕ вручат детские флакончики с мыльными пузырями и ведущий тщательно НЕ лопнет два воздушных шара с надписями

соответственно: «Роман» и «Страх» (хотя, наверное, лучше их просто НЕ отпустить в никуда). Роман может быть НЕ опубликован на стене многоэтажки на бигборде или на асфальте, а так же НЕ предложен Юрию Грымову для экранизации.

Да, шрифт должен быть самый «избитый» – «Таймс Нью Роман». Вот. За сим – в добрый час! Сие письмо можно считать договором писателя с издателем первого всенародного (антиглобалистского) столбового романа.

С уважением, Евгений Ерёмин.

С Праздником! Бесстрашные всех стран,  
объединяйтесь!

P.S. Буду премного благодарен за рецензии, советы, поправки. Фотографии на фоне романа и географического местного пространства (можно у любой вывески с названием населённого пункта – горсуд, областная администрация, детский сад) всячески приветствуются для дальнейшей публикации на будущем (?) блоге где-нибудь в ЖЖ или...

## МОНОРОМАНЫ.

### СТРАХ

А ить мы жить-то боимся...

\*\*\*

### СЧАСТИЕ

Надо только попасть в беду...

\*\*\*

### ПРОБЕЛ

снегснегснегснегснегснегснегснегснегснегснег  
снегснег...

\*\*\*

**ПОБЕДА!**

А стена-то резиновая...

\*\*\*

**ОТВЕТ**

Что может быть вкуснее снега?

\*\*\*

**НОЛЬ**

А вместо крестиков – сотики...

\*\*\*

**МУЖЕСТВО**

Где нам не надо быть...

\*\*\*

**МАМА!**

Суп в маленькой синей кастрюльке.

\*\*\*

**ЛЮБОВЬ**

И одновременно легко...

\*\*\*

**КАЙФ!**

Вот бы не знать как надо...

\*\*\*

**ДИВАН**

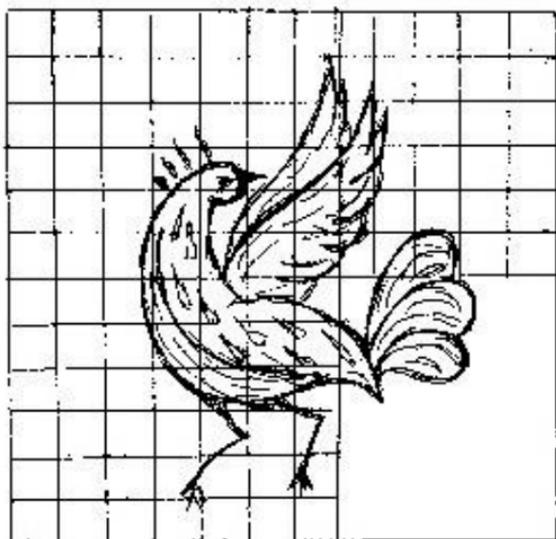
Куда ж подевались последние 10 лет жизни...

\*\*\*

**ДЕТСТВО**

Вы не туда попали!

\*\*\*



## *Кирюхина Ирина*

Г. Тула

Я — гордая птица, живущая в клетке!  
Помыть, постирать, приготовить котлетки,  
Успеть на работу, потом в магазин, -  
Мне лишний час просто необходим!

Родные, друзья, а еще телевизор...  
И в мыслях своих провести бы ревизию,  
Потом почитать и черкнуть пару строк.  
Наверное, Пушкин все б это не смог.

Я — гордая птица, живущая в клетке!  
Еще б научиться петь песни на ветке!  
Вот так каждый день я до мелкой частицы  
Сгораю, чтоб утром опять возродиться!

\* \* \*

Я сегодня видела,  
Как рыдало море,  
Как в саду под вишнями  
Заблудилось горе.

Слышала — за городом  
Разлетелось эхо,  
Собирала в пригоршни  
Я осколки смеха.

С ледяными звездами  
Ночью говорила.  
А потом заметила,  
Что рта и не раскрыла.

Что глаза закрытыми  
Оказались тоже,  
Да и то, что слышала,  
Показалось, может?

\* \* \*

Я встречаю тебя не так часто,  
Да и то лишь глубокой ночью,  
Эти сны, как кусочки счастья,  
Ведь люблю тебя очень-очень.

Силуэт милый облаком белым  
Промелькнет и растает в небе,  
Мне оставив в яблоке спелом  
Поцелуй неземной, где б ты не был.

Легким бризом обнимут за плечи  
Твои руки так крепко и нежно.  
Как люблю я ночные встречи  
На поющих песках прибрежных.

Но лишь только рассвет забрезжит,  
Ты исчезнешь до новой ночи,  
Ведь ты - сон, ты - обман, но как прежде,  
Я люблю тебя очень-очень.

### конфета

Она такая вкусная,  
Такая ароматная.  
Лежит, немного грустная,  
Конфетка моя мятная.

Искрится ярким фантиком  
И скромно улыбается,  
Завязанная бантиком,  
Как снег переливается.

Смотрю на стол отчаянно,  
На чудо-наслаждение,  
Чтоб не спугнуть нечаянно  
Ванильное видение.

Иду я к ней украдкой -  
Такая ароматная...  
И обалденно сладкая...  
Прощай, конфетка мятная.

\* \* \*

Дождь стучит в окна, бьется о крыши,  
Горным потоком в землю стекая.  
Я вся промокла и шума не слышу,  
Плачет Душа, ветру в такт подвывая.

Хочет Душа над землею подняться,  
Ввысь полететь и не ведать печали,  
Крылья расправить и птицею статься,  
Чтобы увидеть все дальние дали.

Хочет Душа опуститься в глубины  
Самых огромных морей-океанов,  
Плыть под водою, как субмарина,  
Быть самым храбрым из всех капитанов.

Но крылья промокли, и радости мало,  
Плохо Душе, и она горько плачет.  
И субмарина уж ржавою стала,  
А капитан тихо в бухте рыбачит.

\* \* \*

Кругом зима, одни снега, поют метели,  
На сердце камнем груз прошедших дней.  
В лесу глухом закрыли солнце ели,  
Хочу, чтоб ночь настала поскорей.

Я скроюсь в темноте от ярких вспышек  
Обмана, злых речей и суеты.  
Укроюсь в серой дымке, чтоб не слышал  
Никто переживаний, даже ты.

Сольюсь единым целым с тенью леса  
И растворюсь в невидимой глуши.  
Меня туманная спасет завеса, -  
Сюда с рассветом солнце не спешит.

Забуду все плохое и бывшее,  
На сердце своем раны залечу.  
Бывает в жизни всякое такое...  
Когда пройдет, - я с ветром прилечу.

\* \* \*

Гоню от себя его прочь,  
Морю часто голодом, злюсь и ругаю,  
Но только опустится ночь -  
Он на кровати со мной отдыхает.

Не любит он лыжи зимой,  
А летом лежал бы весь день возле речки,  
И хмурой осенней порой  
Не отходил бы от огненной печки.

Когда с ним идем в магазин,  
Он выбирает всегда, что послаще,  
Не может остаться один -  
Сидит с телевизором дома все чаще.

Я ненавижу его!  
До чтоб он навеки исчез!  
Хочу я сильнее всего -  
Мой лишний прилипчивый вес!

\* \* \*

Мне снится моря шум тревожный  
В закате огненном, печальном,  
И чаек крик в полете сложном,  
Как будто стоны от отчаянья.

В вечернем небе взгляд любимый  
Лучами солнца мне мерещится,  
И голос твой неповторимый  
У ног моих волною плещется.

Зову тебя, но ты не слышишь,  
Лишь эхом вторят грома звуки.  
Да и они уж стали тише,  
Что слышны даже сердца стуки.

\*\*\*



## *Коршункова Елена*

Г. Тула

Позвольте представиться — меня зовут Елена Коршункова. Пишу поэзию и прозу под псевдонимом Hellie Eugienne. Творчество — выражение моих ощущений, тяжелых, печальных или невесомо-радостных, боли или наслаждения. Эти цветы распускаются из бутонов стихов. Ирисы, орхидеи, и розы, и фиалки с маргаритками, и осока, и крапива, и терн, и опавшие листья, и даже искусственные цветы из пластика, из железа и льда — все есть в саду моих ощущений.

## a day in spring

... Each man kills the thing he loves.

Oscar Wilde

... I feel no pain, only a magic that a name  
would stain.

Genesis «The Lamia»

I walk with you side by side  
I'm tryin' to forget it all  
We'll go to Hell hand in hand  
We know the world is too small  
Oh would you just let me say  
The end of one endless show  
The death of one usual life

Things could be different, my foe  
If you could change it somehow  
You're dyin' under cold skies  
You can't believe there's no God

I'm hidden inside your soul  
I'm in the depth of your eyes  
The death of one endless show  
The birth of different skies

You smile but it looks so cold  
The smile of Eternity  
I killed the thing that I loved  
And it's so unkind of me  
The pain remains — it's unjust  
You speak in the face of Doom  
Our seven circles are passed  
Lost in the light of the Moon.

## Один день

«Каждый человек убивает то, что любит».  
Оскар Уайльд

«От униженья счастлива я с ним»  
Гр. Генезис «Ламия  
жива»

Рука в руке спускаюсь в ночь, в Аид.  
Забвение, небытие, мы спим,  
Его рука следы тепла хранит.  
Как примитивно низок этот мир.  
Идя на смерть, позволь мне доказать -  
Конец не страшен, если есть кумир,  
О нём так долго можно вспоминать.

То вниз, то вверх уводит жизни путь.  
Смерть, холод, грех - не изменить канон,  
Постигнешь ты, что Бога нет, есть суть,  
Вернётся жизнь и это есть закон.

Я спрятана внутри твоей души,  
Луна разрушит сталь твоих оков.  
За вереницей кадров не лиши  
Восторга видеть сонм иных миров.

Ты улыбнёшься уголками губ,  
Так смотрит в Лувре дама на холсте.  
Мой друг, мой враг, ты был со мною груб,  
Прошла любовь, и это горько мне.  
Боль остаётся, мысли о тебе  
Приходят вновь. О, как несправедливо -  
Ты не глядишь в лицо своей судьбе,  
Но семь кругов пройти необходимо.

(перевод Краснова Юрия)

## НОВОЛУННОЕ.

Как истекают реки, как истекают сроки  
Так истекает жизнь — тонкими струйками в строки  
Так высыхает лунная влага, солнце истает день ото дня  
Я так хочу дописать эту сагу, сломанных кукол погладить  
Поймать за край платья славу, выдержать все с отвагой  
Даром, что голос мой жалок — он успевает шепнуть:  
Как ты тут, без меня?

## миракулюс

Я — экзотический зверь, аутсайдер этой планеты  
Сезон охоты теперь: тебя, считай, уже нету  
Просто подставить убийцам выю,  
Проще убить свой иммунитет  
Пока в уключинах весла не взвыли  
Взвиваясь с искрами сигнальных ракет  
Пока запах костей горелых не дошел — так и быть — до тех  
Кто всегда, непременно в белом  
И кто любит перед обедом  
Pro forma перчатки надев, огласить приговор

Да, мне нужно лекарство  
То, которое правит суть  
Горний знает — внутри меня ртуть  
Растекается туго по венам  
В легких — сжиженный газ  
И вообще — я одной ногой во Вселенной  
Бит — веслом по воде,  
Но рукой я держу отраженьё  
Я путь этот знаю  
Составляя реальности грани  
Словно ртуть, ускользаю —  
Я меняю сценарий

## из серии Decadent Stanzas

У ручья, заросшего нарциссами,  
Целовали боги нимфу белую  
Сжав ее в объятиях неистовых,  
Гладили они, ласкали тело ей  
У богов есть жены и завистницы  
И шпионы скрытого свидания  
Черный маг сумел утехи выследить  
Выдал тайну он на поругание  
У ручья с нарциссами отцветшими  
Растрезали звери нимфу юную  
Капли крови, в землю снизошедшие  
Расцветают тайно в ночи лунные

## спящая красавица

Она устала до слез,  
Она вплела в свои косы смерть  
Шестнадцать смертных цветов и один могильный венок  
Ее украсили дом  
И Вечность седая, подобно собаке, лежала у ног

Он был жесток — как воин  
Он, как все, не умел отступить  
Он крушил среди терновых деревьев, своим мечом их  
круша

Он кричал: Я не верю, как можешь спокойно спать  
И, меня не слыша, ты в этом мире дышать

Они встретились  
В темной, холодной, сырой глубине  
Умиравшего леса, как призрак, она ждала  
Черной пыли слой и веретено на окне —  
Это просто Смерть, что она в свои косы вплела.

## седьмая суббота

Сколько в день сей родится  
Сколько в день сей умрет  
Сколько звезд новым светом Бессмертный зажжет  
И откроет ключом бесконечности тайной замок  
И Земля на секунду дыхание задержит,  
Когда небо уйдет из-под ног...  
Не клянись и не бойся — здесь бренность рассыпана в  
прах  
И Вселенская нежная мать закачает тебя на руках...

## день

Forever We Try  
Forever We Die.  
Ayreon "World 01011001 "

Ему казалось, что солнце никогда не взойдет. В этой мертвой земле ноги оставляли кровавые следы на черном остывшем пепле – ниточку живого на мертвом. Когда, наконец, огромная остывающая звезда показалась меж тусклых туч, ее свет был ухмылкой смерти. Равнодушный оскал ожидания. Пробрести, проползти еще несколько шагов без видимой цели.

Словно обожженные внутри почерневшие легкие вдыхали радиоактивную каменную пыль. Умирающая планета.

Совершающий свои последние шаги человек.

Похоже, на теле не было переломов, вот только в голове гудело, словно во вместилище многотысячной колокольни, и всего трясло, как после контузии.

“Мы предпочли бы смерти вечный кошмар”.

“Мы предпочли вечные странствия бесконечному кошмару смерти”.

Мир, планета, где они поселились, был по счету уже тридцатым. Он был одним из редких детей, родившихся

три поколения назад. Сегодня же был день, когда он закончил школу – временная компрессия.

Тед...

Не хотелось вставать, не было ничего тягостней отвращения к этому утру. Семнадцать... Элли. Волосы под золотым песчаным ветром. Одно солнце переходило в другое: золотистое в лиловое. Закат почти всегда лиловый, лишь иногда – розовый.

Утро. Режущая память о том, что узнал вчера. Элли с Джорджи. Все верно. Самая красивая девушка колледжа и первый юбочник Зиро, к тому же лихо гоняющий на космобайке, повязав буйную черную гриву банданой со светящимися черепами, и поющий хрипловатым голосом заводные песни.

Все как положено. Через неделю – эвакуация на другую планету. Трансгрессия орбиты. На этот раз.

Он сходил с ума по Элли, идиотски краснел и сжимал руки, всегда говорил какую-то чушь при ее появлении.

Алик шепнул ему как-то раз, что девчонка, к которой клеится добрая половина Зиро, к нему равнодушна. Ха-ха, к Тедди, а у него еще вскакивают на лбу прыщики. И Тед Бертон ходил целую неделю гордый, как павлин, нарочно не глядя в ее сторону. А она стала за ним бегать, а он еще больше отдалялся...

\*\*\*

Он пошел в подземный гараж, выпив холодной воды.

Мама, я за машиной.

Не испачкай костюм. Сегодня – невероятно важный день в твоей жизни, Тедди. День.

Газ в машине – сладкий, словно мятные леденцы, запах наполнил его легкие. Элли будет плакать... Мама тоже. И отец... Прежде чем рассудок окончательно погас, мелькнула мысль: “ Сейчас придут и меня откачают”.

Последний звук в ушах. Голос: “ Zero... One “

Жуткой силы звуковая волна. Тепловой удар.

Самый важный день его жизни. День.

Он сплюнул кровью. Бесконечная дорога заворачивала за холмы – естественные и искусственно созданные. Все улетели. И космические корабли стремятся к новому месту жизни. Мальчик — неудавшийся самоубийца — из последних сил бредет по бессмысленной дороге.

Zero...One...

Ритм, он заставляет окровавленные ноги двигаться дальше. Раз- и, два – и, три – и, четыре – и. Размер четыре четверти. Музыкальный размер его смерти.

Около дома был розовый куст. А небольшое искусственное озеро в естественной впадине бывшего карьера – около дома Элли.

Как тебе удастся ТАК держаться на воде?!

Попробуй, Тедди, у тебя должно получиться. Просто ляг спиной на воду и выпрями ноги. Вытяни.... Получается! На небе желтое солнце, потому что день. От этого света серо-голубые глаза становятся пронзительно бирюзовыми. Золотисто-зеленый купальник. Мокрые волосы. Длинные.

Внутренний компас приводит его к высохшему карьеру. Он понимает это, только скатившись вниз и разодрав губы о камень.

На этой планете трава и деревья зеленые. Это особенность местной растительности. Хлорофиллум. Планета называется Земля. Это то, по чему мы ходим, это то, на чем мы живем.

Мы обречены будем улететь и найти другую планету. Мы с младенчества выучили сигнал экстренной эвакуации: “ Zero. One...” Таков наш удел. Миры не вечны, а вот наша высокоразвитая техногенная цивилизация может жить, меняя миры, невообразимо долго. Через полгода мы бы распрощались и с этой планетой. Космические корабли стартуют, когда начнется отсчет. Zero— one. Это код. Так уж повелось, нам так жить. Это уже третья планета. Но самая...

Они взбирались по очень крутому холму вверх, из-под ног уходила рыжая глинистая земля, сыпались камни.

Держись за запястье, Элли.

Наверху темная зелень леса и теплый вечерний воздух. Лето. Они просидели до самого утра на веранде. Ночью была гроза, но они не боялись – за много миллионов лет развития цивилизация научилась контролировать природные катаклизмы (а в некоторых аспектах даже и управлять ими). До утра слушали музыку. Даже у музыки названия были в чем-то техногенные: стиль Progressive. Цивилизация прогрессирует, а планета – регрессирует. На четвереньках он ползет дальше. Длинноватые для парня волосы – спутанные, рваные, слипшиеся – закрывают ему глаза. Вновь покатился, чтобы упасть на дно каменистой ямы, упал в горячую мокрую глину. Дно карьера – бывшего озера. Zero. One. Рука тянется вперед и нащупывает что-то, похожее на водоросли. Мокрые водоросли. Длинные. Пальцы касаются влажной прохладной кожи. Животное?

Подползти еще ближе и открыть глаза, расклеить веки. Девушка, она лежит со слегка вывернутой шеей; руки раскинуты в стороны. Короткая юбка – черно-зеленый камуфляж, стиль «милитари» – порвана и вся в грязи. На ногах кровавые пятна. Мокрые волосы. Длинные. Элли. Не слышно дыхания, ничего не слышно в этом мире. Элли, ты не дышишь. Эта планета – твоя могила. Надгробная надпись для тебя, девчонка, просто “Элли”: полное имя “Хелен Кертис” выводится слишком длинно, а у меня, кажется, сломана кисть руки.

Инстинкт. Выжить во что бы то ни стало. Инстинкт диких древних-древних предков и поколений. И еще один инстинкт. Искусственное дыхание. Разбитые губы прижимаются к запекшимся губам девчонки. Сердце. Он его слышит. Так же явственно, как и свое. А потом по ее лицу текли слезы – нет, не много, конечно, но слезные дорожки нарисовали на испачканном лице две ниточки – кривые линии.

- Они улетели. На кораблях. Экстренная эвакуация. Что-то произошло с солнцем Лилло. Атмосфера...

Ее хрипловатый шепот затихает. Почему она не улетела? Вдруг ждала его, искала?

- Я была в подвальном комплексе, когда все случилось.

Мне было плохо, морально плохо...Я не смогла, не успела выйти... На поверхность.

Элли...

Неужели она?..

- Мне было просто тошно, внизу было виски. У отца было.

Пить алкоголь отнюдь не приветствовалось. Она откупорила бутылку и уже порядочно отхлебнула... Zero...

One..

- Эл, ты можешь встать? Передвигаться? Это ничего, мы выберемся, найдем воду, убежище. По крайней мере, мы можем дышать.

- Тедди, что у тебя с волосами?

Горький шепот, в руке длинноватая грязно-серая прядь.

Грязная...

Ты седой...

Здоровой рукой он обнимает ее за плечи. Чудится, то от нее все еще слабо пахнет духами, или малиной. Чем-то таким родным и восхитительным.

И в это мгновение словно сотрясаются и разделяются на элементарные частицы все слои почвы и атмосферы.

Облако. Облако взрыва. Они ничего не услышат.

\*\*\*

- Кто придумал ядерное топливо?

- А ты читал книгу про "Ромио и Джулиэт" ?

- Вот еще. Буду я читать про всяких "Роми и Джудит ". Я читаю книгу по квантовой физике.

На могиле могло бы быть написано:  
"Теодор Бертон, полное имя Тедди".  
"Хелен Кертис, полное имя Элли".  
Zero. One.



## Краснова Татьяна

Г. Тула

Я готовлю кое-как,  
Разлюбила рукоделье,  
Муж в порядке дом содержит  
И уроки с сыном учит, -  
В общем, минимум вниманья  
Дому и себе, любимой.  
Объясняется всё просто, -  
Я хочу быть полиглоткой.

\*\*\*

«Лишних вещей  
не держи в жилище.  
Сразу станет  
просторней и чище.»

В.Маяковский

Не смущайтесь, если люди  
Назовут вас крохобором:  
Продолжайте в том же духе  
Всё, что надо, собирать-  
Все газеты и журналы,  
Кости, шкурки и очистки,  
Все игрушки и кассеты  
(Я молчу уж о тряпье).

А когда Вам люди скажут,  
Что квартира Ваша захламлённая,  
Сядьте и как следует подумайте:  
«А быть может это и не хлам?»  
Всё!- тащите на средину комнаты,  
Разбирайте твёрдою рукой!

Всю бумагу-  
в Головеньки - на сжигание,  
Все игрушки-  
в детский дом - для воспитания,  
Все очистки,  
что сушили Вы зимой- на удобрение,  
Всю одежду -  
в соцзащиту - на ношение.

А когда Вы с удивленьем обнаружите,  
Что квартира Ваша стала чистой,  
Начинайте собирать всё заново,  
А потом всё снова раздавать.

## ДОЖДЬ

Люблю я дождь пережить под крышей:  
Глядеть, как моросит он, моросит;  
Прислушиваться, чаще он иль тише;  
Короткий или долго будет лить.  
Сажу я у окна, шепчу под нос «кричалку»,  
Про то, чтоб дождик разогнал моих гусей.  
Вот тётушка приходит вперевалку  
И говорит: «За речкой небо посветлей.  
А на крыльце – потоп! Несите, девки, вёдра.»  
«Ох, этот дождь, испортил наш уют!»  
А мой отец, покуривая, скажет:  
«А дождик тёплый, вот теперь грибы пойдут.»

\*\*\*

Я как-то вспоминала лето,-  
Как мы на море отдыхали:  
Стоянка наша в диком месте,  
Отвесный берег, сосны, хвоя.  
Палило солнце беспощадно,  
Мой муженёк ложился трупом.  
По Цельсию тридцать четыре –  
Для тех, кто здесь живёт, - нормально.  
А раз, стихия разыгралась,  
Катали волны груды камня,  
Бросались на берег отвесный,  
Из дали моря разбежавшись.  
И было страшно, - рухнет берег.  
К утру утих гнев Посейдона.  
Спокойно дышит гладь морская,  
Тихонько волны гладят гальку,  
И галька точится о них.

\*\*\*

Женщина

Средних лет и приятной внешности,  
Постоянно нуждающаяся в полезном совете,  
Любящая посплетничать на понятные темы  
И послушать умные речи  
В некоторых случаях на своём мнении настаивает,  
Ценит внимание к своим детям,  
Супруга и сына ругает безжалостно,  
Отчего и слывёт мужененавистницей.

письмо А.С. к Д\*\*.

Mon cher amie!

Ты знаешь, что я принял участие в затее К\*. Меня предупредили, что сие путешествие не лишено risqué . Опишу тебе вкратце моё приключение.

Я попал в город Т\*\*\*. В нашем Отечестве он известен ружейными мастерами, гармониками да ещё пряниками. К ружьям я питаю некоторый интерес, и поэтому отправился поискать ружейную лавку. Сразу доложу тебе, что город меня приятно удивил les trottoir . Они вымощены asphalt' ом, и ходить можно не опасаясь испачкать сапог и забрызгать платья.

Что оказалось весьма неприятным, - экипажи, во множестве движущиеся по улицам и источающие прегадкую puanteur , от которой у меня начался удушающий кашель. Невозможно разговаривать, когда они с оглушительным шумом стремглав проносятся мимо.

Mon cher, mais les dames ont epate-moi! (Ты знаешь мою слабость к прекрасному полу). Вообрази: все они от крошечной девочки до почтенной старушки одеты в мужские костюмы. Признаюсь, стройным и молоденьким подобный наряд к лицу. Но, mon Dieu , когда баба видом кухарка и более восьми пудов весу, выступает вперевалку в безобразящей её одежде... Я только развожу руками в

немом изумлении.

Нашед в себе силы, я побродил ещё по улицам и скоро совершенно устал от непрерывной толкотни, мелькания прохожих и l'auto . Забыв о всех своих намерениях, я поспешил вернуться.

Впрочем теперь я обретаюсь в добром расположении духа. Приезжай, mon cher , поболтаем о моей aventure . Жду тебя с нетерпением.

- 1) Дорогой друг! (здесь и далее примечания автора)
- 2) риск.
- 3) тротуарами.
- 4) асфальтом.
- 5) вонь.
- 6) Но дамы, мой милый, привели меня в величайшее изумление!
- 7) Боже мой
- 8) автомобилей.
- 9) мой милый
- 10) приключении.

\*\*\*

Первые полчаса рабочего дня в одном из многочисленных офисов большого города. Съезжаются сотрудники, кто - на иномарках, кто – на общественном транспорте. Они расходятся по рабочим местам, - помещениям по обе стороны коридора с двумя поворотами.

Правосторонние кабинеты обыкновенные - с дверями и окнами, а левосторонние - только с дверями. Так получилось оттого, что это одноэтажное строение левым боком притулилось вплотную к небоскрёбу. Микроклимат в помещениях резко контрастный. Сотрудники с правой стороны коридора летом изнывают от жары, а зимой примерзают к своим компьютерным креслам. На левой стороне духота круглый год. С помощью кондиционеров удаётся оптимизировать

условия труда.

Сегодня утро на удивление оживлённое, клиенты идут просто один за одним. (Это - полнолуние, по уверению одного из сотрудников. Всякие неожиданности в работе он связывает с фазами Луны.) Эти клиенты толпятся около девочек-операционистов в черно-белой форменной одежде, слоняются по коридору в поисках нужного отдела или знакомого менеджера. Обычно они получают и вежливые, и подробные объяснения, куда пройти и к кому обратиться, но, похоже, немедленно всё забывают и идут просто по кривой. Вот дверь приоткрыта, и клиент уверенно её распахивает. Поздоровавшись и извинившись, он спрашивает:

- Можно взять кредит?

Несколько мгновений все четыре обитательницы этого однодверного кабинета молча смотрят на него. (Из-за разницы в возрасте и семейном положении они делятся на двух дам и двух барышень.) Наконец дама размерами и внешностью а la Надежда Кадышева отвечает:

- А Вы кто?

- Юрлицо,- не задумываясь говорит клиент.

- Тогда,- мягко начинает дама (а она так и только так обращается со всеми без исключения) и далее следуют объяснения докуда дойти, сколько раз повернуть и что он увидит.

Когда является очередной посетитель, инициативу перехватывает барышня:

- Вам какой кредит?- уточняет она. И видя, что товарищ не понимает (эти клиенты, по её мнению, все патологически тупые) с лёгким раздражением толкует, что кредиты бывают потребительские, авто, для малого, среднего бизнеса.

- Патрэбительский, патрэбительский,- радуется клиент. Ещё бы не радоваться, - с ним говорит такая молодая, такая красивая дэвушка,- вай, ну просто мисс мира.

И барышня небрежным длинным жестом указывает:

- Вон дверь, позади Вас.

Клиент с трудом разворачивается и следует в заданном направлении. Фото модель косится ему вслед и повышает голос:

- Да не туда, вон дверь открыта.

Далее неразборчиво.

Разумеется, сюда приходят и свои люди.

Например, главный бухгалтер,- женщина маленького роста, круглая, энергичная, умудрённая трудовым и жизненным опытом, отчего к ней и обращаются со всевозможными вопросами. Она уже от двери спрашивает у «Надежды Кадышевой»:

-Вы можете найти в «юрлицах» «Копилку» с двести четырнадцатым хвостом\*?

«Надежда Кадышева» выплывает за дверь.

Затем главбух обращается ко второй даме:

- Вам не трудно будет найти дни? – И перечисляет, постукивая карандашом по столу. Дождавшись, что продиктованное записано, уходит с таким выражением лица, как будто съела что-то вкусненькое. Вторая же дама – бледная, серая как моль, в очках, сидящих на носу несколько набок. Она прибирает стол, хватая листок, резко развернув стул, вскакивает и исчезает за дверью. Кстати, все характеристики и прозвища сотрудникам даёт она, никто из них об этом не знает. Когда обе дамы возвращаются, идёт разбор нештатной ситуации по банкомату. Около второй барышни (кстати, тоже невыразительной внешности) собрались и главбух, и завкассой. Главбух ведёт разбор полётов и с чувством, и с толком. Завкассой отвечает виновато. Барышня как всегда невозмутима. Шуршат документы, бегают строчки по монитору, повторяются слова «проводки, чек, транзакция».

Во время обеденного перерыва все расходятся кто куда: кто по магазинам, а кто, и правда, пообедал. Потом уже время идёт быстрее. И по окончании рабочего дня в офисе становится тише,- сотрудников остаются единицы,

это те, кто ведёт учёт и контроль. Они, случается, сидят до тех пор, пока их не попросит уйти домой охрана. Чаще всё же уходят сами, кто замучен тяжёлой неволей, а кто и с чувством некоторого удовлетворения.

\*хвост – три последние цифры в двадцатизначном номере счёта.

## мысленный монолог клерка

Ухожу из дома на рассвете,  
Прихожу, когда совсем темно...

Наконец-то все мои ушли – кто в школу, кто на работу; и я торопливо убираюсь на кухне, в комнатах, хотя в последнее время всё чаще меня посещают мысли, что кроме как мне, это никому не нужно. Ну вот, последние штрихи по лицу, и – караул, сколько времени, - можно бежать. А на транспорт всё равно не пойду; что пешком идти, что на светофорах стоять – время одно и то же.

Господи, какая же ещё темнота! Хорошо, что знаю дорогу наизусть: где открытый колодец, где лужа, где выбоина. И пойду как я сегодня другим путём, а то явлюсь на работу вся заляпанная.

Так, ну вот и мой офис, вот и моя горница без окон, и в ней уже светло. И приехала первой, как обычно, наша коллега, которая живёт дальше всех, - вот что значит развитое чувство ответственности. Тьфу, уткнулась с утра в свой компьютер и не поговоришь с ней. Сейчас вот явятся наши mademoiselles, а я не люблю при них разговаривать на свои семейные темы. Хотя они, не стесняясь, делятся своими вечерними новостями: кто в каком ресторане был, да с кем, да кто с кем поссорился, с кем помирился. Вот и Нефертити. Первым делом она обзвонит всех подружек и маму и нажалуется на своего boy-friend, изошьёт душу по всем имеющимся под руками телефонам. Ну, а младшенькой доче пока ещё рано. Она приходит в лучшем случае через полчаса после начала рабочего дня, а

случалось и позже.

Ну, если так, займёмся общественно-полезным трудом. Крайне полезным, чтоб ему пропасть. А буду я сегодня делать вот что – раскладывать расіансе. Настроение просто падает, такое распротивное занятие, но это - обязательная операция в технологическом процессе обработки документов. Впрочем, есть и хорошая сторона в этом деле,- можно думать о своём или слушать, что другие говорят.

Ну да, утро доброе, кто это там? Ах, это наш дядя Фёдор! Ему здесь у нас что-то надо посмотреть, да ещё под столами. Тьфу, и так дел невпроворот, а приходится вставать и, стоя в сторонке, дожидаться, пока дядя Фёдор почерпнёт под столом ему понятную информацию. Вот оно что, ему оказывается надо знать, в каком году выпущены компьютеры. Можно подумать, нам дадут новые. Ждём-с. А Машка новую мышку сама покупала.

Ладно, не надо печалиться. Не в новых мышках счастье. Продолжим наш труд на благо наших клиентов... Как – уже обед? Тогда скорее на улицу, на белый день, прогуляться хотя бы несколько минут по свежему городскому воздуху.

(после обеда)

А что это за список у меня на столе? Кто забыл? Ничего себе – это мне?! От самого МОЛОКОЕДОВА?... Ёлки-палки, что за день сегодня! То айтишник\* под ногами путается, то безопасники\*\* пристают со всякими глупостями. И что им неймётся, что они всё грузят занятых людей! М-м-м, тут и постановление...об изъятии...оперуполномоченный... Ну пойду изымать. Где это лежит? Поди, не докопашься. Хорошо, что комендант ушёл на почту, никого просить не надо. Ладно, не так страшен чёрт оказался, документов много, но все в одном месяце; теперь копии; подлинники Молокоедову – ах, Вы приятно удивлены, что так быстро, - н-да, умеем работать.

А теперь - писать: изъято согласно постановления, копия подшита; изъято согласно постановления, копия подшита; изъято согласно постановления, копия подшита... Ф-ф-у, сколько у меня копий? С ума сойти, рука отсохнет. Изъято...согласно... постановления... копия... подшита... изъято... согласно... постановления... копия... подшита... Неужели всё, просто не верится.

Вот это да, уже двадцать пять шестого. Ну и всё, тогда пойду домой и не буду задерживаться, я сегодня устала, непонятно почему, - не так уж много пришлось нанять коробов\*\*\* и дел..

Так, всё по местам – канцтовары, документы; так, компьютер – выключен. Ну, до свиданья всем, кто остаётся.

Господи, какая уже темнота!

\*айтишник – сотрудник отдела IT; русифицированный вариант английской аббревиатуры IT – information technology(Ай Ти – информационная технология.)

\*\*безопасник – сотрудник отдела экономической безопасности.

\*\*\*короб – несколько дел, связанных вместе.

## про высокую любовь

Посвящается  
Шри Нари,  
Лакшми Шакти,  
Марине Владимировне,  
Фаине Раневской,  
«Наталье Андреевне».

Утро было обычное, даже удачное, - пропустил в автолайн пацана с рюкзаком, мамашу с ребёнком, пенсионерку – и все, места заняты. Я сквозь зубы ругнулся, (куда эта бабка в час «пик» лезла, башкой трясла?) а тут мне кричат, что впереди одно место. А там девка молодая, само собой в юбке короткой, ну не зря я вежливость проявлял. Водитель сразу погнался, такие виражи закладывает, то я на неё валюсь, то она ко мне

плечом прижимается. У него « Милицейская волна » работает, песни всякие про любовь всё. И одна такая знакомая, не помню, какая группа, но музыка хорошая, а к словам я особо не прислушивался никогда, а тут вдруг разобрал – « Чем выше любовь, тем ниже поцелуи ». А они ещё так... задушевно поют. Я девчонке-то говорю, - песня-то хорошая, а она очки солнечные с головы на глаза сдвинула и на дорогу смотрит. Да ладно, не хочешь, не разговаривай.

А тут и моя остановка, переход, проходные. Я, когда иду, иногда подумаю, - может, мой Максим тоже здесь ходить будет. В цех пришёл, переодеваюсь, а в голове всё эта песня, и чёрт, блин, меня дёрнул наладчику нашему сказать:

- Вовчик, слышь, правда, что чем выше любовь, тем ниже поцелуи?

Вовчик на меня вылупился, потом как начал ржать, он так-то станки глушит, а тут ещё главный энергетик рубильник не повернул, в цехе тихо, мужики оглядываются, кое-кто подтягивается поближе. А Вовчик и давай объяснять всем интересующимся, в чём дело. Мужики ухмыляются, Шурка, наладчик ЧПУ говорит:

- Вон Галька с подточки идёт, у неё спроси. Не люблю я эту Гальку, - толстая, слюнявая и какая-то вонючая. Ну а Вовчик ей навстречу широким шагом: « Галь, а Галь... ». Галька ему сразу: « Дурак ». Ну, на Гальку не обижаемся, она сама с лёгкой грустью. А потом мне говорит:

- Твои « американки » готовы, приходи после обеда.

- Сейчас давай, - говорю.

- После обеда, - гундосит Галька, - и требование приноси.

- Что, - возмутился я, - ты что, охренела? За точёный инструмент – требование? Давай сейчас, - мне работать нечем.

Тут мастер, Николаич, подошёл, а Вовчик - к нему:

- А вот, Николаич, Серёга интересуется, правда, что...

Николаич отслушал, Вовчика обозвал раздолбаем, а мне говорит:

- Ты мне тут воду не мути, вон девки уже из калки идут, расходись мужики, программу делать надо.

Правда, распреды Нинка с Галькой детали подвезли, стали ящики с тележки снимать, Вовчик к ним: «Нинк, а Нинк, Серёга вот тут... ». Нинка как хренакнула ящик на ящик, как начала орать: да пошли вы все..., да если ваши бабы дома с вами не ..., вот вы до других и доматываетеесь. А мастер на Нинку орёт: да ты мне все детали перекурочишь, из чего он программу делать будет. Нинка объяснила ему. Ребята ржут. Такой кипеж поднялся. Но тут по цеху гул пошёл, станки подключили, ребята разошлись, Нинка тележку схватила, и задрынчали они с Галькой по проходу.

Ну ладно, работаем, всё нормально, Николаич около нас прохаживается, а через какое-то время подходит он ко мне, поглядел, помолчал, а потом спрашивает:

-Ты что, со своей, что ли, поругался?

Я сначала не въехал, про что это он, а потом дошло. «Тьфу, бляха-муха», - думаю.

-Да нет,- говорю.- Песню в транспорте слышал, по «Милицейской волне».

-А-а, -говорит Николаич,- эти артисты с жиру бесятся. В доме уважение должно быть.

-Понятно,- говорю. - А любовь – не должна?

-Любовь... Это пока молодые, - говорит Николаич, - это до свадьбы, ну потом чуть-чуть, а главное хозяина уважать должны все.

-Понятно,- говорю.- Понятно.

Николаич отошел. Потом чувствую, опять кто-то стоит сбоку. Когда детали менял, оглянулся, а это наша завхоз, Татьяна.

-Ты что, с Надькой поругался?- спрашивает.

-Да что вы все,- говорю. – Песню я слышал, да сдуру Вовке сказал, а он и пошел языком трепать.

- Сегодня расчёт, - говорит Татьяна.- Купи ей цветов, вот и помириться. А тебе – вот, и положила пару перчаток.

-Да у меня ещё есть. – говорю.

- Бери, пока даю, - говорит. А то потом просить будешь, а ничего не получишь.

И пошла. Вот её уважаю, никогда не слышал, чтобы орала, как наши бабы цеховые, даже когда станочницей была. А мне-то не поверила, «цветов купи», за Надьку, что ли переживает, ну да, подружки они.

А после смены я всё ж пошёл на Поле чудес, расчёт хороший получил, Надюху порадую. Выбрал одну цветочницу, блондинистую, загорелую, не поймёшь чего на ней больше – разрезов и вырезов или одето всё же кой-чего. Ну, она по-деловому, для кого, цвет глаз да цвет волос да по какому случаю. Дома Надюха разулыбалась, аж в щёчку чмокнула, за вазой сразу пошла. Я утро вдруг вспомнил да и у неё спросил тоже про это всё. Она сначала на меня глазищи свои зелёные поставила, потом как захохочет:

-А у меня бабочки в животе. Это от любви к тебе.

– Что ты думаешь об этом?

## встреча

Однажды утром муж небрежно сказал мне:

-Я вчера звонил сестре, её Наташка идёт на какую-то светскую тусовку, что ли, в общем пригласила и нас кого-нибудь. Я сказал, что мы не можем.

-А почему?- с неудовольствием возразила я.

-Ну...- муж начал приводить обычные доводы. Я аргументировано их опровергла.

-Я думал, ты не хочешь,- глядя в окно сказал он. Я тут же полезла на стенку:

-Почему это я *не хочу*? Почему это я не хочу?

Почему ты решил за меня?

-Да ладно, позвони им сама,- ответил он, не меняя положения.

Я ринулась к часам: было в самый раз, чтобы вставать, но рано, чтобы звонить. Поставив руки в боки, я повернулась к мужу и мрачно сказала:

-Она теперь ещё кого-нибудь пригласила.

-Звони, звони,- повторил он, всё так же глядя в окно.

И я отправилась к телефону. Соединили на удивление сразу же.

-Валя,- начала я вкрадчиво; затем следовали обычные приветственные и извинительные формулы и только потом я изложила, в чём дело. Умница Валя сразу всё поняла:

- Пойти хочешь?

- Ну да,- виновато отвечала я, выделывая ногами «ковырялочки».

-Сейчас, я Наташку позову,- сказала она, и у меня ёкнуло сердце. Через некоторое время в трубке опять заговорила Валентина:

-Слушай, как твоё отчество? А то Наташка стесняется тебя тётей звать.

Я сказала, и тогда появилась Наташа. Оказалось, что её предложение оставалось в силе; мы как можно короче обо всём договорились, я положила трубку и приплясывая отправилась сообщать мужу свою радость.

После завтрака мы с дочерью обсудили некоторые детали моего предстоящего образа. Сыну было по фигу, куда я еду, жалко, что без него, но так как в тот день компьютер был в полном его распоряжении, или он мог отправляться к своим ребятам, то оказалось, что всё хорошо.

...И дни прошли, и дорога позади, и несколько часов у Валентины, и вот мы с Наташей входим в зал, и она предъясвляет пригласительный билет, и нас провожают к столику. Я замечаю, что тут вовсе не столики человека на

три-четыре, а столы. За каждым человек семь. Мелькают лица, знакомые по телепрограммам. Вот и наш стол, нас рассказывают, Наташа оказывается, к моему отчаянию, где-то далеко, да ничего не попишешь, без нас всё решили. Я оглядываю соседей. Боже мой! – Не захочешь, а скажешь: «Какие люди!» И тебе Тина Канделаки, и Матвей Ганопольский, и Алексей Венедиктов. Рядом какая-то дама, – неужели Ирина Хакамада? Обводя глазами стол, я чуть улыбаюсь и почти беззвучно здороваюсь. Но смущаться не дают.

- Хорошо, что вы не опоздали, - кивая мне в ответ сказал Венедиктов. – уважаю обязательных людей. Давайте знакомиться.

И так как он представился по имени-отчеству, я назвалась так же.

- Да зачем так официально и длинно? – воскликнул Ганопольский. - Вы что, запомните все наши отчества?

Я уверила его, что почти всех здесь находящихся знаю по отчествам, кроме моей соседки и ещё двух мужчин. Один сидел около Хакамады, а другой около Наташи. Тот и был её знакомый, который пригласил нас. А соседом Хакамады оказался Леонид Радзиховский. Я незаметно для себя успокоилась, даже настроение поднялось. Ганопольский, услышав откуда я приехала, опять стал восклицать:

- Из самой Тулы? А где же пряник? Почему Вы с пустыми руками?

- В другой раз, - невозмутимо пообещала я.

А Радзиховский добавил своим неторопливым и рассудительным тоном:

- Матвей, мы же не на «Поле чудес». Может, тебе ещё и самовар привезти надо было к пряникам?

- А почему нет? - кричал Ганопольский, нисколько не смущаясь. - А почему нет? Когда ты идёшь в гости, ты идёшь с пустыми руками?

Тут затараторила Тина Канделаки. Я любовалась

её довольно сдержанной мимикой, с удовольствием слушала игру её голоса.. . Лохмато-лысый Венедиктов сидел положив руку на плечо Ганопольскому и наконец, ухитрился вклиниться в Тинин поток речи.

-Матвей, сдавайся.

Я оглянулась на Хакамаду. Она только улыбалась.

Заметив мой взгляд, спросила медленным низким голосом:

-Вам здесь нравится?

-Почему бы нет? – я пожала плечами. – Я же не затасканная по балам девушка.

Она придвинулась поближе.

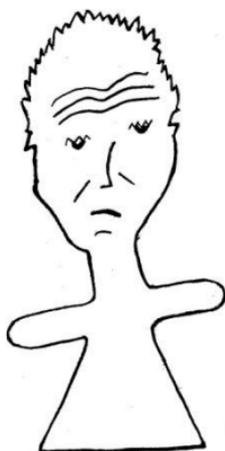
-Вы любите Толстого?

И мы завели разговор о Толстом. К нам присоединился Венедиктов, услышав знакомое имя. Но они скоро перешли на его философию, духовные взгляды, тут я ничего путного добавить не могла и сказала, что меня больше интересует в его произведениях мысль семейная. Венедиктов насмешливо посмотрел на меня и понимающе кивнул. По-моему, в его взгляде читалось: «Все вы женщины одинаковые. Поговорить с вами не о чем, только о семье да о детях.» Ну и пожалуйста. Я опять огляделась. Канделаки и Ганопольский опять о чём-то жарко спорили. Радзиховский подбрасывал им реплики. Наташка-очаровашка и её приятель, похоже, задушевно ворковали. Так приятно протекал вечер.

Когда мы возвращались домой, я сказала Наташе:

-Когда тебя пригласят на международную тусовку, не забудь про меня. Ужасно хочу оказаться за одним столом с Кондолизой Райз и Обамой.

\*\*\*



*Краснов Юрий*

Г. Тула

Появление стиха или рассказа у меня невозможно запланировать, что огорчает. После появления идеи мучаешься, как её выразить. Чем ближе к финишу, тем больше вещь начинает нравиться. В конце концов, в неё влюбляешься до того, что пропадает объективная оценка качества. Садомазохизм цикличен и развивается. Одна надежда на старческий маразм.

## гормоны

До чего ж порой обидно,  
Что хозяина не видно.  
Вверх и в темноту уходит нить.  
«Марионетки» Макаревич

Не флюиды, и не фантомы -  
Управляют душой гормоны.  
Воли, любви, веры, счастья,  
Горя, агрессии, страсти,  
Чувства долга, молчания,  
Гордости, отчаяния.

Громко в праздник звучат гармонии,  
Страшен лик головы Горгоны.  
В сердце впрыснута капля боли,  
Что печальнее этой доли?  
Полюс плюс на минус меняется,  
Гормонов узор распадается.

Нитка дёрнется, мы радуемся,  
Или плачем, кричим, жалуемся.  
Скрипит, стонет, корчится тело,  
Дрессировка трудное дело.  
Волны шлифуют камни,  
Душу – гормонов капли.

Уходят под воду паромы,  
Оттуда звонят телефоны.  
Смена эмоций, реакции,  
Логики, импровизации.  
Играет жизнь с нами в пряталки,  
Иногда выдаёт пряники.

Вы, кукловод у нити,  
Резко нить не тяните.  
Прочитайте ГОСТы, инструкции,  
Использования продукции  
По назначению. Где запчасти  
После стресса, агрессии, страсти?

Улучшите вид упаковки,  
Всех оденьте, как тех, с Рублёвки.  
Какой-нибудь малёнькой партии  
Продлите по жизни гарантии.  
Для достигших ротации  
Нормы утилизации.

На другом конце нити  
Другой мир. Расскажите,  
Как Вам живётся, трудится?  
Всё как в тумане крутится?  
Вихрем образы, мыслеформы,  
Разрешают у Вас реформы?

Живя в разряжённой материи,  
Сложны нравственные критерии?  
Начальство не обижает,  
А за провинность сажает?  
Не такой как в России бардак?  
Стукните в железу если так.

Мы, машинки для твёрдых просторов,  
Хотим видеть в кабине шафёров.  
Выпьём с горя гормонов коктейли,  
Чтобы вместе не сели на мели.  
Остаёмся взаимно вежливы,  
Друг от друга зависим ежели.

## впечатление от книги «Чёрный лебедь»

Деньги в ж...  
Нассим Николос Талеб

Как хочет, живёт Нассим -  
На белый свет из норы  
Люди ползут вслед за ним  
Как полуслепые кроты.

Я не хочу много денег.  
Но не хочу от них зависеть.  
Не хочу думать о еде, жилье,  
оплате учёбы детей. Хочу  
работать, как нравится, и где нравится.  
И будет ли тогда эта работа  
называться работой?  
Писать, рисовать, лепить,  
учить играть в шахматы,  
но прежде - учиться.  
Иметь информацию, осознавать её,  
перерабатывать, и применять в жизни.  
Ходить на концерты,  
забывая о цене билета.  
Совершить кругосветное путешествие.  
Ездить по миру на скором поезде,  
плавать на большом корабле,  
маленькой яхте. Летать на самолёте,  
смотреть на землю сквозь облака.  
Жить в тихом месте у моря,  
слушать монотонный шум волн.  
Или в горах, у ледника, из которого  
текут чистые ручьи, вливаясь  
в озеро с голубой водой.  
Стать фанатом оперной певицы,  
Такой, как Мария Каллас.

Ездить за ней по миру  
и слушать голос.  
Эту сказку сделать былью нельзя,  
но как хочется попробовать!  
Например - учиться биржевой игре,  
к тому же эта игрушка с деньгами  
мне нравится.

«Чёрного лебедя» подстрелить -  
Психология как охота.  
Когда наступит пиздец - рубить  
Как этого ждать неохота.

Искать беду, катастрофы. Стать  
Медведем, змеей, буревестником.  
Наконец палачом, твою мать!  
Началу обвала вестником.

К беде, к войне, в скопление туч!  
Залезть со всеми плечами в шорт.  
Мозги настроить на первый луч,  
Поможет этому только чёрт.

На север, в Поталу, хороним...  
Мысль отдаю второму лучу.  
И каждый день станет хорошим,  
Юг, небо, к ангелам, вверх лечу.

Ставлю на «Белого лебедя»,  
С плечами влезаю в лонг.  
Но ловлю «Лебедя серого»,  
Пока в раю не зазвонит гонг.

Не будет ни горя, ни радости  
То первый луч, то второй.  
Не будет ни счастья, ни гадости,  
И шоссе, и подъём крутой.

И далее по написанному ,  
И далее по придуманному.  
Всё менее по услышанному,  
Всё более по продуманному.

И пряник и кнут заложены  
В учёнье, согласно природе.  
Стараюсь жить как положено,  
И Бога молю о свободе!

лонг – покупка с расчётом на повышение цены  
шорт - продажа с расчётом на понижение цены

### вальс с ужасом (ремейк)

- Долго я ждал, моя очередь, можно войти?  
- Можно, входите, сестра вы ему помогите,  
Еле он жив, на диван вы его усадите,  
Медленно, ноги на коврик,  
Раз два,  
Раз два три,  
Раз два три.

- Кажется доктор мне надо бы бросить храпеть.  
Все от бессонницы ночью глотают таблетки  
Люстра и шторы качаются в такт у соседки  
И в унисон им вопит канарейка из клетки  
Фью фью фью,  
хыр хыр хыр,  
фью фью фью,  
хыр хыр хыр.

- Вы предлагаете доктор мне бросить курить?  
- Да, папиросы, кальян, сигареты и трубки,

Сами себя Вы калечите, это не шутки.  
Туберкулёз, тромбофос и атеросклероз.

- Вы предлагаете так же мне бросить играть?  
- Надо забыть преферанс, бильярд, и рулетку  
Деньги пропали, а Вы проглотили таблетку.  
Но налицо и мигрень, и невроз, не поможет наркоз.

- Вы полагаете доктор мне надо худеть?  
- Жрать надо меньше котлеты, колбасы и сало.  
Для уменьшения веса потеть Вам немало,  
И бег трусцой  
раз два три,  
раз два три,  
раз два три.

- Вы полагаете, следует бросить мне пить?  
- Водку, вино, бормотуху, представьте, и пиво.  
Грустная музыка, гроб, Вы в костюме красивы.  
Или горячка, цирроз, коматоз, варикоз, красный нос.

- Необходимо мне доктор с женой развестись.  
- Эту задачу для Вас я считаю фальшивой.  
- Не заслужила она такой жизни счастливой.  
Нет, нет, нет,  
то есть, да, да, да,  
или нет, нет, нет.

Парам парарам парарам парарам пара рам,  
Ужаса вальс я танцую, кружусь я с катаром,  
И одиночество в жизни мне станет нектаром,  
Бросить не бросить?  
Нет, нет, или да, да, да, да, да, да?

\*\*\*

## СОН

У природы на лице -  
Глаза - лучи, в глубине - сердце.  
Помогите, нарисуйте в нём дверцу.

Сон недавно приснился,  
Я с семьёй не простился,  
На байдарку свалился.

Сплав по речке Великой,  
По безлюдной и дикой,  
От озёр многоликой.

И мелки и глубоки,  
И малы и широки,  
Между ними протоки.

Водяная дорога,  
Сливы, плёсы, на ужин -  
Макаронов немного.

Тишина завлекает,  
От весла отражаясь  
Луч осенний играет.

Мышцы ноют, устали,  
Лягу на спину, воды  
Понесут меня сами.

Солнце, красные кисти,  
Ветер, жёлтые листья,  
И ненужные мысли.

Повороты пропали,  
Облака укачали,  
Растворили, связали.

В небе плавают птицы,  
Галки, совы, синицы,  
Надоели мне лица.

Лилий белые ситцы,  
Сосен длинные спицы,  
Я хочу с вами слиться.

Здесь не слышно оваций,  
Всевозможных абстракций,  
Из ТВ прокламаций.

Не наносят пощёчин,  
Не считается очень  
Непохожесть на прочих.

Рёв воды у порога,  
Волны, пена, тревога,  
Помолился - и с Богом.

Лодка лагом – затор  
Хруст металла, за борт  
В глубину, в суету, как в войну,

Опустился. Очнулся,  
Испугался, проснулся,  
В потолок улыбнулся.

## стон №1

Идя на работу в снежок,  
Начни новый день дружок.  
День как другой, живи.  
Не беги на работу – иди.

В голове совершенно пусто,  
Думать привычно, но грустно.  
Темноту режут машины,  
Шуршат по асфальту шины,

Вокруг спуют, суетятся люди,  
А ты, как варёный рак, на блюде.  
Как-то жить стало трудно,  
Нервы шалят занудно,

Да и нудно. В груди болит,  
В глазах рябит, зато выбрит.  
Мыслю, а мысли сбиваются,  
Забываются, являются,

Вновь без следа забываются.  
Куда они всё деваются?..  
Черты лица искажены,  
Мышцы тела напряжены.

Тревога, безотчётный страх.  
Спасите Христос и Аллах.  
Спасите, затем сохраните,  
Как мне хочется, измените:

## СТОН №2

Вслушиваюсь, шумит в висках,  
Эмоции сжаты в тисках.  
Ищу рассказа скелет,  
Или картины сюжет.  
Пытаюсь что-то понять,  
Приходит слово «насрать».  
Вместо подсказок - молчание,  
Кругом ходит отчаяние.

А у меня фонарь под глазом,  
Уважают все меня.  
И висит серьга на ухе,  
Хулиган - так это я.

В выгребных ямах памяти  
Мутно, многого не найти.  
Сидят влеченья нечастые,  
Обиды, ошибки частые,  
Да две или три картины,  
Реки, горы и долины.  
Спеша считают часы  
До взмаха одной косы.

А у меня татуировки  
На груди и на ноге.  
Из Германии кроссовки  
И бубенчик на губе.

Судьба просила - возьми  
Удовольствия, мысли.  
А я прошёл и не взял,  
Шестой уже разменял.  
Прибавилась к жизни жадность,  
К себе брезгливость и жалость.  
Изменить, что прошло давно,  
Или камнем, в тину, на дно.

На груди висит цепочка,  
А на ней с распятым крест.  
Отличительная точка,  
Лучшая чем IQ тест.

Россия, позолота куполов  
Блестит на солнце. Лучше всяких слов  
Что говорят про Бога и за веру.  
А слово божье о любви, к примеру,

Несёт священник с животом,  
Не уменьшаемым постом.  
Распятие лежит горизонтально,  
Бог смотрит вверх, а там всё идеально.

В глубине аллеи парка  
Я ищу себе невест.  
Кружка пива «Наша марка»  
Скрасит свадебный процесс.

А Он когда-то жил среди людей,  
Шёл по пустыне, пот, а не елей -  
На лбу. Покрыто расстояние,  
Проклятье, встреча, расставанье.  
Кто мерил Его знание?  
Толпа оценит чудеса и званье,  
Смерть на кресте, легенду, - и  
Воскрешение, и сладость бренда.

### случай в приюте

Мне было тридцать лет. Давным-давно,  
Живя ещё в Союзе, по путёвке  
Ходили по Карпатам. На хребтах -  
Альпийские луга, а под ногами  
Растут макушки сосен из тумана.  
Звон звучал повсюду,  
От сотен колокольчиков на овцах,  
пасущихся в долинах.  
Над всем этим - светило солнце...  
Божественны и музыка и виды.  
В приюте вечером,  
Откуда ни возьмись – гроза. Удары грома,  
Воет ветер, бьёт по крыше ливень,  
Молний свет, крещендо.  
И вдруг всё стихло...

За секунду, резко, мой слух пропал, и в мире-  
Настала тишина мгновенно ... Я  
Испуганно взглянул в окно. И в раме,  
И в этой белой деревянной раме,  
На фоне чёрной августовской ночи,  
Большими хлопьями кружился, падал снег.

### противоречия

То подвижное, но натужное,  
Это красивое, но наружное,  
Это грустное и возможное,  
То ненужное и не сложное.  
Страхи и радости вилочковой железы  
Сталкиваются с расчётами и анализом головы.  
Спокойно урчит желудок, желания бытовые  
Странные песни поют железы половые.  
Фантазия уехать и отдохнуть в Абхазию  
С возможностью мочиться в горшок под азалию.  
Сучусь, кричу, молчу, молюсь, выгадываю.  
Флаги поникли, во сне как в ночи черно. Не угадываю  
Настроение звёзд. Как бы увидеть планету сверху,  
Одновременно заползая в пещеру, не знавшую света?  
Ошейник морали связывает. К лучшему это, наверное,  
Но всё такое расплывчатое, зыбкое, неверное, нервное.  
Перечисленные сомнения - достоинства, недостатки?  
Просветления никакого. Самомненья остатки, или осадки  
Проявляются, скапливаются и колют сквозь тело. Не дело  
Показывать неуверенность, от которой свело,  
Перекосило постоянной судорогой лицо,  
Похожее на варёное с трещинами яйцо.  
Поставлено в рюмке, скосив глаза на бутылку,  
Прищурилось, ожидая удар по затылку.

\*\*\*

## СНОВА ОСЕНЬ

Осенняя энергия опять зря,  
Который год то восход, то заря.  
Слушаю, записываю,  
Что-то ищу,  
То говорю, то молчу,  
То обиды зализываю.  
По кругу зима, весна, лето, осень.  
Голова где лысая, где просесть,  
Родился давным-давно.  
Фантазии вместо жизни,  
Никому не нужные мысли,  
Куда не взглянешь – оно.  
Снаружи как молодой,  
Этот анекдот с бородой.  
Стоит на поле скирда,  
Извиваются дамы, туманы, дымы,  
Вокруг цветные огни, рекламы,  
На скирде в миске бурда.  
Ем, и каждый день вымираю,  
Медленно приближаюсь к краю.  
Развёртываю газету -  
- Перезагрузка да перестройка,  
А вокруг грязь, БОМЖи, да помойка,  
На страницах этого нету.  
Вижу одно, говорю другое.  
Скажу крутое, на самом деле рябое,  
«Мисс Тула» с лентою поперёк.  
А где у неё винтовка?  
Ну хотя бы шумовка,  
Не понял этот намёк.  
Хочу в Грецию, на референдум,  
Интересуюсь я этим брендом.  
Работать, права качать, бастовать?  
У Папандреу нету секретов,  
Раком поставил в шеренгу греков,

Выбирайте, едрёна мать!  
Цвести и жить мне охота,  
Загнивать, стареть неохота.  
А масоны, американцы  
и прочие иностранцы  
Забили всем бабками баки,  
Что с Бараком исчезли бараки  
И до нитки грабют засранцы.  
Поставлю палатку в Сити,  
Оттуда тянутся нити.  
Прольёт студент, безработный,  
На банки стоящие рядом,  
Из пушки «Авроры» снарядом  
Господень гнев Всенародный.

### шах

Это не чайки над берегом,  
Это не дятлы по дереву,  
Просто играют в шахматы  
Люди от них пострадавшие.  
Глаза на квадрате в клетку,  
Не в круг, как игра в рулетку  
Руки мелькают быстрее,  
Позиция всё острее.  
Десять минут поединок,  
Я, или мой противник?  
Время мысли толкает,  
Доля секунды решает.  
Интуиция, везенье,  
Агрессия, нападение,  
Очко или ноль, кто круче?  
Что я и что он получит?  
Судьба не изменит курса,  
Борьба до потери пульса.

Страх, восторги, страдание,  
Ярость, переживание.  
Удав собирает кольца,  
Луна затмевает Солнце,  
Стрелка флажок задевает,  
Поднимает вверх, роняет.  
Конец, результат, но снова  
Шеренги войск как основа.  
Садятся друг против друга  
Рабы шахматного недуга.  
Дома жена не согрета,  
На кухне стынет котлета,  
Дети не учат уроки,  
И развивают пороки.  
Продайте в аптеке таблетки  
Забуть чёрно-белые клетки.  
Спасите, счастье всем будет,  
Родина вас не забудет!

### о разных ритмах

Чтобы стать в картинную позу,  
Ухожу от других в полу-прозу.  
Форма стиха не давит,  
Помогает, дурманит, манит,  
Проза - словесная взвесь,  
Сердце еле стучит, но есть.  
Если в стихе много рифм,  
Разрушает идею ритм.  
Кричит приёмник, компьютер, плеер, айфон.  
Тела бегают, сталкиваются, размножаются,  
как планктон.  
—Мама, я за тобой не успеваю.  
Арабы кричат, не могут остановиться.  
Перекошены лица.  
Требуют сладкой жизни и перемен во имя Аллаха,

На каждом нету чалмы и порванная рубаха.  
Выпучены глаза, в руках Калашников.  
В воронку засасывает греков, испанцев,  
студентов, школьников.  
Молодёжь, маска с улыбкой, плакат.  
Над домами, как вывеска, кровавый закат.  
Камни, коктейль Молотова, водомёты,  
Танки, пулемёты и вертолёты.  
Тайфуны, цунами, бомбы, дымы,  
Кратеры, из них огненные столбы.  
Пожары, засухи, наводнения,  
Эпидемии, землетрясения.

Барабан бьёт громче и чаще,  
Что же будет с Планетой дальше?  
Где обрыв этой нити ритма -  
Астероид, комета, бритва?  
Катастрофой пахнет газета,  
Не люблю я её за это.  
Слушать эхо-московские новости,  
Всё печальное в этой повести.  
Стоит ли жить в ускорении?  
И бежать дальше по времени?  
Впереди воронки, переходящие в пороги,  
грохот с хлопьями пены на камнях этой дороги,  
далее многометровые водопады. Играю  
с природой, или невольно её разрушаю?  
Больше прозы - спокойнее,  
больше поэзии - ритмичнее,  
раскрыть глубже смысл, или писать поэтичнее?  
Смысл в поэзии рифмы подсказывают.  
Но если их много, например,  
когда стихи написаны словами,  
начинающимися с одной буквы,  
или со сплошной рифмой,  
это петля на шее самовыражения,  
или бег в мешке.

Пошловат интернетный разум,  
Если спросят - скажите сразу  
- Я имею свой собственный ум  
Различающий правду и шум.  
Сторонясь толпы и народа,  
Не живёт нашим ритмом природа.  
Пенье птиц, шёпот звёзд, шорох лип  
Не глупей, чем услышанный клип.  
Млечный путь видел в детстве с Мамой,  
Растворён в фонарях с рекламой.  
Бегу на работу, спешу, опаздываю,  
вороватый взгляд на восходящее солнце  
и подкрашенные красным облака в голубом.  
Тут же смотрю на часы, ускоряюсь, глупо.  
Проеду в троллейбусе через мост,  
Выйду на остановке, вернусь, и, не крикнув «SOS»,  
Раздевшись, прыгну ногами вниз.  
Поплыву вниз по речке с берегами из  
глины, песка, деревьев, кустов,  
Простив и забыв знакомых, врагов.  
Мимо зверей, идущих на водопой,  
Что бы спать на лугах с высокой травой.

В том небе, высоко  
Летит одиноко...

## пробоина

Я спал в своём номере, в отеле, на десятом этаже. Солнце ещё не показалось, но было светло. Раздался удар, похожий на хлопанье пробки от шампанского, только громче. Тело подбросило, открыл глаза, сидя на кровати. В полу метрах в двух к центру появилась дырка размером с розетку для варенья. Из дыры шёл легкий сквозняк, далее раздалась крики. Сверху в унисон крикам раздался визг. Я

поднял голову и увидел точно такую же дырку в потолке.

Мысленно провёл линию между отверстиями.

Бронебойный снаряд пролетел под углом, прошил этажа четыре и не взорвался. Вопль вверху сменился рыданиями, а крики внизу перешли с арабского на английский. Стали слышны шум и возня на дальних этажах. На улице кричали арабы и стреляли в воздух из автоматов Калашникова. То ли ликовали, то ли клялись отомстить. Всё как обычно в последнее время: то стрельба вверх, то согнутые спины в намазе и гнусавое пенье, только дыра - новый элемент. На балкон выходить страшно, там, в полу несколько дырок от шальных пуль. И посмотреть нельзя на этих грёбанных артиллеристов. Будут ли стрелять ещё?

Рыдания и крики стихли. Я не удержался и посмотрел вниз через отверстие. Номер внизу был больше моего, на широкой кровати сидела, обнявшись, пожилая пара в ночных рубашках. Вид у них был испуганно - удивлённый. В смущении отвёл глаза, закрыл пепельницей дырку, поверх положил для верности «Коран». Сверху почувствовал чей-то внимательный взгляд, поднял голову и увидел, что меня наблюдают. С испугу накинул рубашку, подтянул трусы и положил «Коран» на место. Вверху хмыкнули и заткнули отверстие какой-то тряпкой, снизу похожей на бюстгальтер.

Звукопроницаемость возросла, стали слышны разговоры, пение, причитания, как в общежитии им. «Бертольда Шварца». Выходить из отеля опасно. Часть услуги разбежалось, часть продавала постояльцам продукты по спекулятивным ценам. За номера, конечно, никто не платил. В сильный ветер в комнату проникал песок, на балконе перекатывалась небольшая дюна. Иногда с крыши слышны были выстрелы. Когда я варил кипятивником в трёхлитровой банке макароны, сверху, после непродолжительной возни, на пол упал пистолет с глушителем. В панике, но через платок, которым передвигал банку с кипящими макаронами, схватил пистолет и бросил в дыру. Стука падения не услышал,

пистолет упал на что то мягкое. Заткнул дырку, отдышался, в голову лезли кошмарные сцены с участием полиции.

Через полтора часа на нитке спустилась записка, написанная губной помадой на английском «извините мне его тоже сбросили». Приписал шариковой ручкой свои извинения, надвезал верёвку валявшейся в чемодане леской и спустил записку вниз. Два часа верёвка висела неподвижно, потом сверху её потянули. Записка дошла до меня, на ней было порядочно комментариев. Гневных, матерных, извиняющихся, непонятных. На английском, арабском, непонятном, французском и к моему удивлению - на русском. Приписал фразу «Давайте общаться», легко дёрнул за леску, записка исчезла в потолке.

Обмен информацией развивался. Отверстие затыкалось только на ночь. Через блоки, то есть колёсики, оторванные от мебели, были натянуты уже две верёвки. Это позволяло общаться как с нижними, так и с верхними этажами. Верёвки то висели неподвижно, то двигались. Тогда на них были прикреплены записки с адресами, например «На восьмой этаж от двенадцатого». Обмен, торговля, оценка политической ситуации - в смысле, как быстрее и безопаснее отсюда свалить. Один раз

встретились в большом номере на девятом этаже, поговорили, выпили все, даже мусульмане. Меня выбрали старостой пробитых снарядом этажей. Обменялись адресами. Жизнь продолжалась. Изредка исчезали старые жильцы, появлялись новые, перепуганные, постоянно озирающиеся. И повстанцы, и правительство нас не трогали. От забежавших иногда мародёров на нижнем этаже несли вахту по графику. Худо-бедно отбивались, показывая им пистолет. Наконец внизу кто-то победил, и я смог добраться до своего посольства.

В туристическом агентстве долго извинялись, сочувствовали, но компенсацию зажалили. Не стал с ними связываться, суетно, хоть дали объяснительную справку на

работу. Стоя перед начальником, томно опустив глаза и шаркая ногой, рассказывал, как мне пришлось тяжело, как я был на волосок от смерти (а это действительно было так). При этом воспоминания о продлении отпуска на два месяца из-за форс-мажорных обстоятельств, и о братстве в отеле пока самые памятные.

### жизнь удалась, или смерть Собакина

Нет большего счастья на свете,  
Чем спать за столом в винегрете.

На заслуженной пенсии российский чиновник Собакин (С.) четыре года живет у себя на даче. Дача большая, расположена на берегу океана, в Португалии. Средств для жизни более чем достаточно. Трудовая жизнь прожита в едином ключе, единой струе, едином потоке. С детства выучил правила игры, знал, что выходить на берег (выступать против начальства, брать большие взятки, не брать взятки) из потока нельзя. Комсомольский лидер, работник Обкома, депутат Думы, администратор выше средней категории в управе департамента по строительству. Сын вырос и пошел по его пути. Жена осталась в России и не торопится приезжать, а он её не торопил. Сервис вокруг отлаженный. Еда, женщины, вещи доставлялись по первому требованию, а мусор исчезал в течение 30 минут. Прогулки босиком по кромке прибоя, по дюнам, поросшим сосновым лесом, по заброшенным садам с бесплатными апельсинами раз за разом сокращались, а потом и вовсе пропали. Знакомых у С. не было. Окружающие люди резко отличались от него примитивностью. Просмотр спутникового телевидения на русском языке проходил по-разному. Первый год - новости, второй - полемика и аналитика, третий - сериалы, четвертый - ничего. Все шло как обычно, все до боли узнаваемо, предсказуемо и не интересно. На четвертом

году жизни мебель пришлось заменить на более прочную. Ванну вынесли на улицу, в тень и иногда наполняли то водой, то шампанским, то молоком. Сквозь заросли папоротника просвечивали мелкие фрагменты остального мира. С. лежал в ванне, пил из блюдца горячий чай, провожал незаинтересованным взглядом редко проезжающие машины. «В таких дачах жили Матисс, Пикассо, Ренуар, а теперь живу я» – однажды подумал он. В конце года мысли кончились. Сад зарос, ванна и широкие кресла остались под открытым небом. С. лежал на широкой кровати внутри дома и смотрел в потолок. Спускаться с кровати стало тяжело. «Жизнь удалась» вдруг подумал бывший чиновник, сладко потянулся, закрыл глаза и умер.

## странное исчезновение русского чиновника в Португалии

(подражание Маркесу)

Бывший чиновник Собакин исчез. Утром ванну, в которой он лежал в саду своей виллы нашли пустой. В мутной воде плавали несколько рыбьих чешуек и лоскут от семейных трусов. На мокром песке обрывалась у океана цепочка глубоких следов рук и ног. Это было тем более странно, что последние полтора года чиновник весил 420 килограммов, лежал в ванне и не мог самостоятельно передвигаться. Поиски длились несколько дней и не дали результата.

При расследовании этого дела местной полиция обнаружила также, что пропал осетр, который жил в той же ванне. Прислуга клялась, что ничего не видела, не слышала, и осетра не ела. Рыбу привезли год назад для варки уха, но неожиданно Собакин, замычал, и жестами приказал пустить его к себе в ванну. Рыба прижалась к его бедру и замерла. Русский ни с кем не разговаривал, а только мычал или беззвучно открывал рот. С кем

разговаривать, если не знаешь языка и презираешь окружающих людей? Иногда рыба и человек раскрывали рот поочередно, и со стороны казалось, что они разговаривают друг с другом.

Поиски следа «Русской мафии» ничего не дали.

Других русских в округе никто не видел. Из иностранцев, контактировавших с Собакиным, нашли несколько мулаток, накануне вечером плясавших голыми вокруг ванны. Он смотрел на них мутным взглядом и в такт барабану шлепал рукой по воде. К веткам деревьев, были привязаны яблоки, морковки, картошка, рябина, горох в стручках, огурцы и помидоры.

Еще четыре года назад, когда Собакин весил всего 95 килограммов, местные жители удивлялись его замкнутости и одиночеству - прогулкам босиком по кромке прибоя, песчаным дюнам, поросшим сосновым лесом, заброшенным апельсиновым садам. Он заходил в пустое кафе, садился в угол, выпивал, не закусывая, огромное количество местного самогона и, вместо того, чтобы умереть от отравления, пошатываясь, уходил прочь. Толпа, собиравшаяся в отдалении, шла до самой виллы, провожая его почтительными взглядами.

Сквозь заросли папоротника просвечивали мелкие фрагменты остального мира. Секция изгороди валялась на земле и кончалась канавкой.

Через семь дней после исчезновения, ночью, засверкали молнии, и началась редкая в это время года гроза. Струи дождя наполнили ванну, чертили линии по заросшему саду, широкому креслу и дому. По неглубокой ложбине от виллы к океану бежал поток воды, смывая отпечатки рук и ног.

Посол Португалии выразил соболезнование и уведомил правительство России о том, что бывший русский чиновник Собакин пропал без вести.

\*\*\*

## железная дорога

Глубокая ночь, лежу в темноте на даче. Не спиться. Из окна сквозь листву светит луна, с шумом мелькают одиночные огни машин. Ни фары, ни звуки не тревожат меня. Я городской житель, да ещё и выросший в коммунальной квартире. Может быть бессонница из-за луны?

С другой стороны, в отдалении, иногда слышен шум проходящего поезда. Монотонный стук, еле слышно возникает в деревянной даче из тишины, в другой стороне от шоссе, усиливается, и так же медленно растворяется. Поезд – это всегда приятные ассоциации: отпуск, море, походы, реке - командировки. Поезд – это смена картин в раме окна. Большие вокзалы, полустанки со странными загадочными названиями, поля, леса, реки, деревянные дома, огороды, иногда - горы. Скука дороги перемешивается с ожиданием чего-то нового, необычного. Медленное, чтобы убить время, пережевывание пищи, смакование мелкими глотками из стакана дешёвого вина в вагоне-ресторане, покачивание, лёгкое кружение головы. Люблю выходить на стоянках поезда, покупать у тёток овощи, фрукты, мороженное, местную газету в киоске... Здание вокзала живёт своей жизнью: зал ожидания, дети, женщины, милиционеры, железнодорожники в форме, сумки, чемоданы, узлы, забытые в больших городах авоськи. Проводник ждёт, ты садишься в вагон и едешь дальше, дальше...

В романе Картасара «Выигрыши» у одного из персонажей любимой настольной книгой был железнодорожный справочник. Читая расписание поездов, он представлял, как они мчатся в ночи, днём, с точностью до минут встречаются, следуют друг за другом, пропадают в чёрных тоннелях, вырываются на свет. Переключаются стрелки, то красным, то зелёным горят семафоры. Представляю всю землю, опутанную блестящими

стальными полосами, связанными деревянными, просмоленными шпалами, или монорельсы. Мигают лампочки на диспетчерских пультах, прицепляются, отцепляются вагоны, меняются локомотивы, бригады машинистов. Всё действует как единый живой механизм, требующий точности, чувственного внимания, заботы тысяч людей. Дисциплина уживается и с глупостью, воровством, разгильдяйством, таможняками, с осмотром посреди ночи. Всё как у людей, ну как же без этого.

Все чувства, видения, образы и во сне, и наяву связывает движение, перемещение, деловитость стука колёс, ритм, дорожный метроном. Поют рельсы, стучат колёса – танцевальная площадка, и я танцор на ней, выполняющий странные па, до тех пор, пока не приеду в свой конечный пункт.

Сладко потягиваюсь, зеваю, довольный своими выводами, кружением, суетой в мире и в моей голове. Проваливаюсь в яму сна. Спокойной всем ночи, приятных путешествий.

Мерный стук слышен ночью и днём,  
Так за стенкой стучит метроном.  
То слышнее и громче, то тише,  
Тише мыши, язык его слышен.

Поезд тянет в дорогу из дома,  
В города, где ничто не знакомо.  
По долинам мостам и тоннелям,  
К незнакомым строениям, селеньям.

По пустыням, по топям, по склонам.  
К одиноко стоящим с наклоном  
Деревянным домам за плотиной,  
К огородам, заросшим крапивой.

По траве, по листве, по сугробам,  
И ползущим по рельсам микробам,

Муравьям, тараканам, бумажкам,  
По замерзшим под снегом какашкам.

По весне, по зиме, и по лету,  
В новый город, согласно билету.  
На вокзалах никто не встречает.  
Проводник у себя отмечает

Номер полки, даёт одеяло,  
Улыбается медленно, вяло,  
И идёт убираться. Как раньше,  
Поезд едет все дальше и дальше.

От того, что уже совершилось,  
От всего, что сейчас завершилось.  
От земли, от родного порога,  
Впереди горизонт и дорога.

Эта песня победной зовётся.  
Мы несёмся туда, где придётся  
Заменить и друзей и привычку,  
Находить в своём сердце отмычку

К словесам, деловым разговорам,  
Оставаться не пойманным вором  
Новых чувств, новых ласк и страданий,  
Непомерных идей и желаний.

На душе зародилась тревога,  
- Для чего тебе эта дорога?  
За окном тот же мир и обман,  
Отвлекающий ритм и туман.

Хватит стука, заткнись метроном,  
Этот мир одинаков в одном.  
От себя не уедешь, баран!  
Поднимаюсь и жму на стоп / кран.

## ГЛЮК

(Новогодний рассказ)

Это случилось несколько лет назад, тридцать первого декабря. Торги на бирже кончились как обычно в час дня. Выходить из Интернета не хотелось. Я просмотрел новости, залез в несколько литературных и шахматных порталов. Собираясь выключать компьютер, неосторожно сдвинул курсор в угол монитора и нажал левой кнопкой мыши на табличку с надписью «Новогоднее исполнение желаний». На экране всё пропало кроме таблицы, в которой большими буквами было написано «Напиши желание», внизу в прямоугольном квадрате мерцал курсор. Мысленно выругавшись и ожидая, на каком этапе «исполнения желаний» программа попросит номер сотового, напечатал - «хочу денег». Прошёл пальцами по верхнему ряду клавиатуры с цифрами, поставил значок \$ и нажал Enter, Помню только, что напечатал около десяти цифр. Экран задёргался и через минуту выдал на английском: Лозанна, название банка, номер счёта, и какие-то другие реквизиты. Загадочно улыбнувшись, напечатал в освободившемся окошке слово «Женщина», нажал клавишу ввода. Экран дёргался около трёх минут. Из этих трёх я долбил безрезультатно одну минуту по Esсейпу. На экране появилась картинка; небольшая комната с высоким потолком, в углу ёлка, девушка в халате стоит на табуретке, вешает игрушки. Внизу картинки надпись «Арина Титова, Россия, город Йошкар-Ола, улица, дом, квартира». Миловидное, чем-то знакомое лицо. Ракурс снизу выгодно показывает стройные ноги. Озверев окончательно, под тем предлогом, что в сказках обычно исполняется только три желания, напечатал - «Хочу всего». Загудели вентиляторы, по экрану забегали полосы. Довольно скоро на нём появился дом в глухом лесу. Он был похож на водонапорную башню, на чердаке угадывался бассейн. Изображение сменилось яхтой, плывущей под парусом по морю в белых барашках. На

корме сидела эта самая Арина и смотрела на удаляющийся берег. Маразм крепчал. Черноморский берег трансформировался в атолл с пальмами, женщин стало несколько, яхта превратилась в трансконтинентальный лайнер для кругосветных путешествий. Картинки стали меняться чаще. Гималаи, вершины в снегу, внизу сквозь облака зеленеют луга в маках, овцы звенят колокольчиками, ниже - ели, ещё ниже - долина с точками домов. Пещера внутри горы, с сидящими в позе лотоса йогами сменилась рестораном с морской кухней в Токио. Вереницей, друг за другом замелькали пляжи, водопады, НЛО, чёрное дно под водой, пустыни, реки, города. Картинки стали появляться одновременно, по несколько штук сразу, распадаться на фрагменты, тела - на части. Всё чаще стали появляться геометрические фигуры: круги, прямоугольники, линии, точки. Я это видел краем глаза, а сам судорожно тыкал пальцем по всем клавишам ноутбука, желая лишь одного – его спасти. Выдёргивание вилки из розетки естественно ни к чему не привело. Через десять минут мерцание монитора слилось в единый гудящий фон и перестало восприниматься глазом. Появилась начальная страница Оперы позволившая выключить компьютер и вытереть пот со лба. После этого глюка, несколько недель казалось, что все компьютеры, на которых работал, сильно мерцают и плохо действуют на глаза. Ноутбук, слава богу, исправно работал, потом я обо всём забыл, потом экраны стали жидкокристаллическими и в принципе не могли мерцать.

В 2011 году в конце декабря, выходя из метро на Комсомольскую площадь, в потоке людей, идущих навстречу, увидел женщину, нёсшую тяжёлую сумку. Мы посмотрели друг на друга, улыбнулись глазами и разошлись. Я шёл на митинг на проспекте Сахарова, далее с друзьями в пивной ресторан. Вы догадались, о чём я вспомнил, возвращаясь один домой в ночной электричке. Девушка в переходе метро была немного пополневшая, постаревшая, но всё равно привлекательная. Лучше было

бы, если я этого не вспомнил. Как доказать себе, что это обыкновенный глюк, если от него так сильно ноет под сердцем?

## как завоевать расположение у женщин (инструкция)

Если у вас есть деньги, или так называемый «Чёрный бумер» то вам незачем читать это пособие. Но если вы к примеру инженер, врач или учитель – читайте. Ординарное лицо, перекошенная фигура и дешёвая одежда вас выдаст, даже если штаны заправлены в высокие сапоги а выше пояса всё раздуто как бильярдный шар.

Купите в магазине станок для так называемой безопасной бритвы, лезвие фирмы «Жилет» и побритесь. Вы брились так в юности, или может быть слышали о такой бритве от ваших пап или дедушек, и поэтому два, три шрама и чуть стёсанный подбородок после бритья вам обеспечены.

Когда вы идёте выбритый по улице женщины по привычке окидывают вас безразлично пренебрежительным взглядом и вдруг на секунду замирают. Взгляд их возвращается к осмотру вашего лица, глаза загораются каким то внутренним огнём, а на лице появляется понимающе мечтательное выражение. Это самый благоприятный момент для завязывания знакомства. Конечно порядочная женщина не спросит у вас откуда у вас эти шрамы и чуть стёсанный подбородок, но на всякий случай, если спросит, говорите что-нибудь загадочно нейтральное. Например - «Упал с дуба». Далее действуйте по интуиции, согласно вашим убеждениям и моральным качествам, будьте немногословны, чуть небрежны и рассеянны. Внимательно и строго смотрите на неё. скупо, краем губ пару раз улыбнитесь. Встречаться или не встречаться с этой дамой – Вам решать. А у меня

высокие моральные качества и я всегда в таких обстоятельствах со злорадно-безразличным видом прохожу мимо, не читайте это пособие моей жене. На всякий случай.

\*\*\*



## *Парамонова Елена*

Г. Тула

Я маску надеваю тигра –  
Тигрица телом и душой,  
И чёрно-белая палитра  
Означена моей рукой.

Характер вспльчивый, колючий,  
Рычание грозное звучит,  
И если подвернётся случай  
Тигрица лапой наступит.

## мышинные фантазии

Серая мышка забилаь в углу  
Пуговки-глазки скосив неподвижно,  
Носом вдыхает подвальную сырость  
И представляет такую картинку:  
Ей на подносе приносят сырок –  
Свежий, душистый, питательный Чедер,  
Стелют салфетку и ставят прибор,  
Лапки помыли и дали конфетку!

Кайф, уважение, забота, любовь,  
Жалость, волнение до края о мышке.  
Нежный поступок – сердечный рывок,  
Добрый хозяин, внимательный, сытый.  
Мышка несчастная мелко дрожа  
Слюнки глотала, от чувств захлебнувшись,  
И представляла – она госпожа!  
И колотилось сердечко снаружи.

\*\*\*

Люблю я с книгой  
молча поболтать!  
Она мне говорит –  
я восхищаюсь!  
Мне тоже надо  
что-то ей сказать,  
Но слов мне не хватает –  
я теряюсь.  
Поэт, писатель  
складно говорит!  
Слова я в сундучок  
кладу украдкой,  
И чувствами волнения  
поит,  
Как соком из клубники

кисло-сладким!  
Копнул писатель –  
до глубин достал!  
Пробился «родничок»  
и напевает:  
«Как долго я  
засушливо молчал,  
А Вечер Ночь  
бесстыже раздевает!»

Люблю с книгой молча поболтать!..

\*\*\*

Накрахмаленный дождь –  
Рождество января!  
Безысходная ложь  
Вылезает коря.  
Беспробудная ночь  
Чёрной тушью текла,  
Попрощаться невмочь –  
Не распутать узла.  
Рассопливился дождь –  
Пережиток Вчера,  
И застрял словно гвоздь –  
Придавила хандра.  
Сыплет пшёнкою дождь  
Обижаясь с утра,  
Я – непрошенный гость,  
Не жена, не сестра.

\*\*\*

Я – ветер Осени промозглой и сырой  
Безжалостный, с горячей головой.  
С безудержною страстью на лице,  
С бродячим взглядом и немой тоской.

## МОЙ ПОЕЗД

Мой поезд то гудит, то тяжело вздыхает –  
Сигналит неустанно кому-то на пути,  
То громко до утра тревожно рассуждает –  
Ругается, не выспавшись, и нервно тарыхтит.

Вот снова поворот и нервы на пределе,  
Несётся, суматошный, по узкой колее,  
А ветер бьёт в лицо по делу и без дела –  
Придраться больше не к кому, он пристаёт ко мне.

А поезд мой гудит, растерянно вздыхая  
Поспорил с ветром смелым, кто раньше добежит?  
И по секрету мне без умолку вещая –  
Прошли деньки беспечные. ...И тело всё знобит.

## предутренняя тишина

Предутренняя тишина. Фонарный свет заглядывает в окна,  
Рисует на стене игольчатые тени хризантем,  
И смотрит в темноту прожектором бездомным,  
разыскивая что-то –  
Но только что, не знаю. И мается от полусонных сцен.  
Прищурившись, я притаившись грежу, подглядывая молча,  
Как движется ожившая узорчатая тень цветов уснувших.  
Неоновый рассвет движением небрежным меня вдруг  
растревожил,  
Проснулись мысли неприкаянно и понеслись  
в насущность.  
Разглядываю пристально, пристрастно, продолжительно –  
Запоминаю мучаясь, что новый день сотрёт рисунок тени.  
Залезет яркий свет в окно – исчезнут привидения  
Растаяв в безызвестности, как хмурые февральские  
метели.

## компьютер болен

Когда болеет друг мой воспаленьем –  
Не шлёт по почте фотки и признанья,  
Плаксивое приходит настроенье –  
От горя вместе с ним заболеваю.

Не знаю, как помочь, когда он болен,  
Ему же не предложишь чай с малиной!  
Я напоила бы его бальзамом,  
Но просит он всего лишь – антивирус!

Зараза вирус к другу прицепился.  
Он смотрит на меня и лишь вздыхает,  
Стихов моих не хочет даже слышать –  
Не говоря уж, чтобы напечатать.

С расстройства поднялась температура.  
Покоя нет – нахлынули тревоги,  
Нарушен сон, кусок не лезет в горло, -  
Болеет друг, о нём мои заботы.

## осенний дождь

Хмурое, всклокоченное небо  
Голову ломает с перепоею,  
Водки подливая непременно  
Дождичком растерянным рыдая.

Осень обветшалая блуждает  
По бескрайней выцветшей дороге,  
Взглядом неуютным утомила,  
Наглухо зашторила все окна.  
И гитарой жалко подвывает...

## послелюбие

Огарочек свечи, оплывший на столе  
Больная голова метается во мгле.  
Ты больше не войдёшь в мой безрассудный дом,  
Не бросишь колкий взгляд, словно осенний гром.

Обломки страшных дней терзают без конца,  
Клокочет злость внутри рыданием свинца.  
Саднится рана вновь – безумствует душа,  
Проклятая любовь не стоит и гроша!

Печальный вой судьбы, как злобы серый цвет  
Смеётся надо мной за горизонтом лет.  
Обласкана тоской меланхоличной я,  
Зима не за горой – напомнила земля.

Огарочек свечи, оплывший на столе  
И тени от луны болтаются в петле.  
Не слышу я их крик – растаяла печаль,  
Утихла злобы трель – любви мне не жаль.

## миг свободы

Я люблю одиночество  
Убегаю от общества –  
Упиваюсь беспечной свободой!  
Наслаждаюсь безумием  
Позабыв о раздумии,  
И иду по горбатой дороге.

В сладкий миг одиночества  
Отрекусь от высочества –  
Поблуждаю по гальке босая!  
Бросив кости бездомные  
На подстилку просторную –  
Я по небу глазами стреляю.

В каждый день одиночества  
Избавляюсь от отчества,  
И про имя своё забываю.  
Я люблюсь природою  
Наслаждаюсь свободою  
И стихи с выраженьем читаю!

### снежное кружево

Кружевом.  
    Пряжю,  
Кружится.  
    Кутает.

Катятся саночки,  
Катятся с горочки.  
Снежные бабочки  
Стелятся россыпью

Жмурятся.  
Шепчутся.  
Глазоньки.  
Ушеньки.  
Рученьки.  
Ноженьки

Мёрзнут бедняженьки.

### повороты судьбы

Террористка из риска – судьба!  
Проверяет на вшивость и прочность,  
Ни минуты покоя с ней нет –  
Отвернёшься, и на тебе - пакость!

## ноябрь

Опять глядит в окно  
устало Осень,  
ноябрь колючий –  
отраженье сосен.  
Нахмутив брови  
дождиком пугает,  
то волком воет,  
ветрами стращает.  
Обидевшись –  
ругается безбожно,  
его умаслить –  
просто невозможно.  
Задиристо  
захлопывает двери,  
моим словам  
он больше не поверит...

Колючий,  
          холодный,  
                          задиристый,  
  злойный.

## тревожная осень

В растерзанное тело октября –  
Впиваются заржавленной иглою  
Тревоги безутешные дождя  
И застыт свет бетонною стеною.  
Чернеет на глазах речной алмаз,  
Растрёпаны безудержные чувства,  
Потерянно блуждает жёлтый глаз,  
Вдоль поредевших островков искусства.

## рассвет

Сквозь тишину  
    проникает рассвет,  
Смотрит в глаза  
    непривычно тепло,  
Ярким лучом  
    пробивается свет,  
Радость влетела  
    в окошко без слов.  
Сел еле слышно  
    ко мне на кровать –  
Гладит рассвет  
    нежнейшей рукой,  
Млею спросони –  
    не буду вставать!  
И прижимаюсь  
    к подушке щекой.

## сладострастная ночь

Когда укроет ночь нас покрывалом  
Индиго с серебристо-жёлтой нитью,  
Раскроюсь я в пленительных объятьях –  
Фиалкою ночью распутившись.

Вдыхая аромат бесстыдства ночи  
Уста сольются в страстном поцелуе,  
И жар любви нас с головой накроет  
Связав узлом, и напоит безумьем.

И время прекратит существование,  
Рассыпавшись на звёздные осколки,  
Оглохнем мы от мига сладострастья –  
Отдавшись без остатка наслаждению.

## СКОМКАННЫЙ ЛИСТ ЖИЗНИ

Скомканный лист,  
события  
буйную голову  
кружат,  
Жизнь  
Плесневело – паршивая  
с сердцем  
горячим  
не дружит.  
Ставит капканы  
стальные,  
зубом  
впивается  
острым,  
бьёт по мозгам  
как по льдине –  
гневно  
бросая  
укоры.

\*\*\*

Когда слетал листок осенний  
Затейливо кружась и падая,  
Мечтала я о снеге белом –  
Пуховом, тёплом одеяле!  
Не тут-то было – снег как мыло  
Стекает с грязных крыш продрогших,  
Вздыхает тяжело под ногами  
Соплями мучает прохожих.

\*\*\*

Все запреты хочется попробовать –  
Накусить, раскушать, перепробовать!

## переменная зыбь настроенья

Переменная зыбь настроенья  
Перекличкой дворовой звучит,  
Перифразы вопят в нетерпении,  
Плеоназм на гитаре бренчит.

Переходом из ада на паперть –  
Перебор потускневших Причин.  
Параллели проели мне память  
Предрассудками пошлых мужчин.

Переменная зыбь настроенья  
Притулилась под стулом простым.  
Перепитием вводит в сомненье  
И сипит голоском пропитым.

## п

Переезды, переходы,  
Пассажиры, пешеходы  
Путешествуют, пируют.  
Публицисты – публикуют  
Преступленья, приговоры,  
Прецеденты, протоколы,  
Препирательства, проблемы,  
Поручительства, примеры.

Притворяются пройдохи,  
Прокуроры, паспортёры –  
По-простецки продуктивно,  
Порицая перспективно.  
Поучительно порочат,  
Попечительно песочат,  
Повсеместно попирают –  
Приговорами пугают.

## очень вредные советы

\*\*\*

Если мучает подагра,  
Скачет вредное давление –  
Не ходи к врачу, не надо!  
Не воруй чужое время.

\*\*\*

Если кашель привязался –  
Выпей воду из-под крана,  
Сопли в три ручья из носа –  
По углям ходи босая!

\*\*\*

Нюют кости безутешно –  
Босиком беги по снегу!  
Нервы рвутся то и дело –  
Так сходи разок налево!

\*\*\*

Руки чешутся – отбей их  
Дверью мощною с размаху!  
Выпей зверской самогонки  
И балдей не зная страху!

\*\*\*

Ото всех невзгод дебильных  
Вмаж литровочку перцовки!  
И занюхай клеєм сильным –  
Вмиг коньки отбросишь в пропасть.

\*\*\*

Супруга кормит лебедой  
И хочет секс перед едой?!

\*\*\*

Хочешь быть любимой? –  
Будешь!  
Хочешь быть счастливой? –  
Будешь!  
Хочешь денег и квартиру? –  
Много хочешь, –  
Хрен получишь!

\*\*\*

Быть благородным, жить в любви –  
Желанье лучше стать ещё?  
Судьбе в рот палец не клади –  
Откусит. Скажет, дай ещё!

\*\*\*

Добро и зло  
Похоже породнились,  
От их союза –  
Дети расплодились.

\*\*\*

Прозу жизни истолочь нельзя  
К ней можно мыслью робко прикоснуться!  
И заглянуть в бездонные глаза,  
Чтоб снова бессловесно обмануться.

\*\*\*

Молчанье – золото,  
а слово – серебро!  
Невзрачно серебро –  
прочней, молчанья золота.

## жемчужный порошок

Белым шлейфом  
кудряво – косматым  
укрывая  
дневной слепотой  
Снег жемчужный  
наставил заплаты  
и подкрался  
ко мне дремотой.  
Порошок  
полусонной округи  
заметает меня  
с головой,  
улыбается  
ласково вьюге –  
приглашая  
за стол круговой.  
Пахнет сладким  
зефиром ванильным,  
пастилой,  
новогодней мечтой!  
и душистым  
свежайшим жасмином –  
опьяняя меня наркотой.  
Не покрашенным глазом  
моргает,  
Накрахмаленной  
машет рукой,  
и ажурным платком  
завлекает,  
прижимаясь  
холодной щекой.

\*\*\*

## НОВЫЙ ГОД

День последний декабря –  
Бесконечные уборки.  
Предвкушенье, нетерпенье  
И последние штрихи.  
Для придачи настроенья  
Накачу стаканчик водки,  
Пообщаюсь с Дед Морозом  
И запью свои грехи.

Проводила год как надо  
Съела торт и винограда,  
Успокоилась маленько –  
Скоро грянет Новый Год!  
Я шампанское открыла –  
Настроенье подскочило!  
Встрепенулась, оглянулась –  
Наступил желанный Год.

До последнего дыханья  
Взор держала на прицеле,  
И ждала, что вот случится...  
Что? Откуда? И когда?..  
Выпивала и вздыхала,  
Ёлочка в ответ моргала,  
Штопором глаза держала  
И текла из глаз вода...

\*\*\*

Дочки – матери,  
Доченьки – папины,  
Девочки – душечки,  
Дочечки – клушечки!

## террористка-судьба

По прошествии лет столько дерьма накопилось, что невольно возникает вопрос: «Где же это всё размещается?» А совсем недавно подворотни жизни воспринимались в тёплом розовом цвете запахом духов «Сардоникс-1» и «Шанс». Очень интересное название - ШАНС, только как он использовался...

От житейского удела отвертеться невозможно. Долю свою хочешь – не хочешь, отработывай! А выпавший жребий сумей использовать. Судьба – взыскательна, и скользкая, зараза. В промежутке от 20 до 30 лет, кажется, что всё ещё успеется, а как только перевалило за тридцать, спохватываешься, понимая, что возможности не безграничны. Поприще – стоптано. Жизнь – подруга капризная, ревнивая и строптивая. Пока гуляешь направо и налево, времечко тикает без остановок. А когда понимаешь, что вот твоя станция, а на этой станции ни одного фонарика, темень непроглядная, - ужас!.. И удача снова задним местом повернулась.

Взгляд со стороны, или изнутри на свою изуродованную линию жизни заставляет задуматься. Пора обезвреживать террористку судьбу...

## ВОСПОМИНАНИЯ

Докучливые, бесконечные желания нестерпимым зудом прокалывают тело. Хочется взять острозубую массажную щётку и почесаться от души, так чтоб кровь выступила из царапин. Снова кризис – обострение вцепилось в меня толстыми, узловатыми пальцами, перекрывая дыхание. Пресная осенняя тоска грызёт спину и локти надоедливой ломотой. Депрессуха давит на плечи, с тревогой глядя в глаза. Как мало солнца! Хмурые ноябрьские дни с каждым днём просыпаются всё позже и позже, обволакивая пассивным настроением моё

капризное существо. Только непоседливый ветер носится по улицам со скоростью супер-такси Мигеля, срывая шляпы с дамочек и бесстыже заглядывая под юбки. Вот кому всё нипочём – осень, зима, весна или лето, хотя летом он всё же более желанен для тех, кому надо что-то просушить, проветрить. И не ко двору тем, кто кочует по степи или пустыне. Короче, народу никогда не угодишь – Одному - одно, другому - другое!.. Но как известно, у каждой монеты две стороны – орёл и решка. И жизнь, то орлом, то решкой ложится – это исключительно её привилегия.

Только монет, почему то всегда не хватает!..

Тяготное настроение как слезливая осень давит на мозги. Небо сплошь затянуто драконовыми облаками, догоняющими ветер и извергающими выхлопные клубы дыма. И только далёкие отголоски лета с фоток минувшего отпуска напоминают о солнечных днях в Одессе, где я всем телом отдавалась сильной и ласковой волне, нежась в необъятной морской ванне. Под мерный шёпот воды, погружалась в безмятежный глубокий сон. Море, море... Его успокаивающая музыка нахлынула тёплыми воспоминаниями. В застывших зрачках заплясали синеглазые волны, словно цветущее дикое поле. Чистейшей воды импрессионизм! Сердечко учащённо забило, почувствовав прилив наслаждения. И мысли, словно необузданный ветер, наклоняющий маленькие головки цветов, понеслись без оглядки вперёд. Неужели это было всего несколько месяцев назад?.. Тогда мне казалось, что беспощадного южного солнца хватит на всю зиму. Но зима ещё не постучалась в дверь, а я уже скучаю по горячему солнцу и по кипящим пенным слезам, набегавшим извилинами на песчаный пляж, оставляя после себя водоросли как спагетти.

С рождением каждого нового дня, море, будто настроение человека вместе с его мыслями, либо расслабившись, плещется, либо, разозлившись – гудит и ругается, вынося весь сор из избы. В гневе оно страшно и

восхитительно! (Чего нельзя сказать о людях.) Оно заглатывает всё, что попадается, а наигравшись вдоволь, выплёвывает, словно жвачку, хорошенько надавав пинков. Нахлебавшись горько-солёной воды и выбившись из сил от бессмысленного сопротивления, упав на сушу, какое-то время, лежишь в оцепенении, слушая грохочущее море. Но немного отдохнув, с горящими от восторга глазами, носишься за волнами, стараясь вовремя выскочить на берег. Адреналин в крови бушует как море, и накопившаяся дурь вылетает, вместе с бесконтрольным смехом. Лёгкость и свобода наполняют все клеточки тела. А море, выговорившись и выплеснув все обиды, успокаивается как я, и мирно засыпает. Море спокойное шепчет – раны душевные лечит, словно сильнодействующий наркотик, отказаться от которого невозможно! И чтобы получить желаемую дозу, спускаешь все деньги, только чтобы вновь увидеть любимый образ спокойный и буйный, вдохнуть глоток его бескрайней свободы, и отдаться во власть васильковых глаз, забыв обо всём на свете. (Мечтать не вредно!)

Так бы и нежилась в мокром шёлке диких волн, слушая их чарующую музыку!.. А с наступлением сумерек к прозрачным слезам примешивается цвет мокрого асфальта, привнося в спокойную мелодию дыхание сексуальности! Обнимая ласково за плечи, море притягивает непроницаемым взглядом, подчиняя всю меня своей безудержной страсти. Нега, томление и страх перед неизведанным, проникают в беспокойное тело, подчиняя его желаниям успокоившейся стихии.

Накупавшись до изнеможения, слегка покачиваясь, добравшись до трапика, падаешь и засыпаешь мертвецким сном. Слыша монотонную музыку прибоя, находишься под впечатлением пережитого, а сны уносят в далёкое желанное плавание.



*Расторгуева*  
*Зинаида Николаевна*

Г. Тула

Трудно сказать, в какой части меня появляется странное состояние, оно требует выхода и никак не может выйти, оно мучает - нет мыслей, нет слов, просто - томительное ожидание чего-то.

## случайное

Я не пишу стихи...  
Душа закрыта на замок.  
И где найти тот ключ,  
чтобы открыть ее,  
и выплеснуть все слёзы,  
и всю радость,  
и многоголосье,  
и молчанье...  
Какое счастье –  
выговориться всласть  
и успокоить то томленье,  
которому предела нет.

\*\*\*

Я, как девочка, радовалась,  
что увижу тебя. И боялась видеть:  
что возьмёшь эту радость у меня  
и оттолкнешь.

## вспоминая детство...

О Время быстротечное! Твой бег бывает спасением от предательств и потерь. Ты превращаешь реальность в нереальность. Но в этой нереальности продолжает жить человек с его восторгом и отчаянием. Где, в каком уголку своего Я мы храним память о себе таком далёком, родном и одновременно чужом? Где витает бестелесное ощущение переполнявшего когда-то счастья или потрясения?

О, Время коварное! Ты кажешься вечностью. Ты поглощаешь бессмысленное и ненужное, но ценимое. И чем больше бессмысленности, тем острее ощущение иллюзорности твоей вечности. От бессмысленности к

осмыслению. Может быть, в этом вся суть?

О, Время прекрасное! Ты даришь возможность надежды, раскрывающей объятия будущему для нового счастья и переживания, бессмысленности, имеющей смысл, наполненности и пустоты. А там, в будущем, мы обростём неизвестным новым, а всё старое, близкое и дорогое снова превратится в нереальность.

О Время! Ты - жизнь!

### звёздный путь

Ты задумалась...

Ты смотришь вокруг и видишь миллиарды Миров, которые тебя окружают. Они красивы, но холодны и чужды. Они отстранены от тебя, а ты - от них.

А может быть где-то далеко-далеко, а может быть - совсем близко есть тот единственный Мир, куда ты стремишься.

Он сияет ярче всех только для тебя. Найди это сияние и лети по Млечной Дороге к нему навстречу.

### усталость

Вы когда-нибудь прислушивались к городскому шуму? У Города своё звучание - технократическое, сложно определяемое, когда множество звуков, исходящих от невообразимого количества источников и разных по интенсивности, густоте, напору, образуют единый, который пропитывает каждую твою клеточку, и ты становишься неотделимой от этого звучания. В этой какофонии городских звуков скромно слышны голоса Природы - разговор листьев между собой, щебетание птиц.

А когда Природа устает от этого шума, она издает свой мощный звук. Голос Города тонет в нахлынувшем на

него море и исчезает. В это мгновение ощущается вся иллюзорность силы городской музыки и мощь природного звучания, порождающего собой всё существующее вокруг. И только вдали от городской суеты можно почувствовать могущество Природы в покое. Звуки цивилизации становятся слабыми, а её музыка входит в тебя, наполняя блаженством. Ты растворяешься в нём, ты перестаёшь существовать. Блаженство силы и покоя!

И вот ты снова окунаешься в городской шум и говоришь спасибо ему за то, что он дал возможность прикоснуться к великому звучанию Любви и ощутить себя его маленькой частицей.

## ДОЖДЬ

Шум дождя врывается в меня и приносит успокоение. Хорошо!

Небо серо, солнце скрыло. Хорошо!

Низкие, глухие звуки, рождающиеся в соприкосновении текущего и бесформенного с плотным, тяжестью ложатся на веки. Странное единение движения с неподвижностью внутри и за окном. Хорошо!

Хочется спать...

## МОЕМУ СЫНУ

Мои нераскрывающиеся уста Слагают в рифму тебе поздравление.

Оно ярко-цветное, смешное, простое и сложное, возможно нелепое. Оно подарок и благодарность, как две части одного целого, того, что рвётся из груди с момента твоего зарождения.

Мои нераскрывающиеся уста Вот такое тебе дарят поздравление.

## ода жизни

Вот шагаешь или плетёшься - это не имеет значения совсем. И вдруг - остановка. И встреча с людьми или только с одним человеком (что тоже не имеет значения совсем). И падаешь в круговорот-водоворот, который дробит и перемешивает всё в одном целом: я, ты, она. И погружаешься в мир: в свой незнакомо-чужой. И всё, что происходит, наверное, похоже на рождение. Если бы была художником - то оно легло бы на холст дымчато-воздушно-бестелесным. Если бы была поэтом - оно выплеснулось бы фейерверком слов волшебного-непонятно-хрупких. Если бы была учёным - оно проявилось бы цепочкой красивых формул-превращений.

Войти в этот мир. Увидеть его вновь. И шагать дальше.

## бессонница

Бессонница...

Сняты внешние ограничители. Душа обнажена...  
Утром после прожитой ночи - состояние невесомости.  
Затем вступает в силу закон земного притяжения...

И только в глазах навсегда остаётся отблеск этой ночи.

## любовь

Любовь как поток света - тёплого, нежного, лёгкого. И в лучах этого света две силы: мужское и женское начала создают мир - разрушая и созидая, стабилизируя его и внося гармонию в этот мир.

## осень

Сказочная осень! Словно что-то таинственное притаилось. Как свеж и чист воздух! Сколько красок - светлых и прохладных! И кажется, что в этой отстранённой таинственной красоте готовится к появлению новая жизнь.

Осень! Душа наполняется тобой, и мои признания в любви - к тебе!

## глоток воздуха

Какой свежий воздух!!! И ощущаешь, как каждая клеточка задыхается от тяжести вдыхаемого, везде и постоянно.

...А рябины украсились бело-красными колокольчиками.

## посвящается Н.Б.

Хочется говорить о бесконечности и малости, вмещающих в себя всё и ничего,  
о бессмысленности и целостности, вмещающих в себя сущность всего.  
Взлёт и падение.  
Небо и земля.  
А между ними - живое пространство, текущее во времени.  
Счастливое парение и земное притяжение – вот отражение всего.



## *Сафонова Афина*

Московская обл., г. Коломна

Здравствуйте! Меня зовут Афина Сафонова. Я родилась в Нижнем Новгороде 25 лет назад, там я росла, училась, работала,... но это, пожалуй, не интересно.

Там я собирала горькие милосердные травы, там я узнавала Бога во всем вокруг себя, там я любила. Это важнее.

Теперь я учусь любить везде. Это – самое важное.

Свои произведения я называю сказками. Все, созданное в слове, можно делить на три типа: учение, исповедь и сказка.

С учением все ясно: от инструкций к пылесосу до Нового Завета. Сказка тоже отчасти – учение, но этого не заметят, ибо сказка скромна.

Исповедь любят поэты, журналисты и очевидцы. Газетная хроника – это исповедь. И сказка тоже отчасти – исповедь, но этого не заметят, ибо сказка скромна.

Сказкой я называю все, что по скромности своей не исповедь и не учение, но зачем-то сказано, а стало быть – просто сказка. ...а зачем оно сказано?

А затем, что душа растет, развиваясь от реагирования – к созиданию. И если исповедь – реагирование, то сказка – созидание. Реагирование – детство души. Как реагировать на тяжелую болезнь? На потери, на невыносимые обстоятельства? И надо ли на это реагировать? Сказки мои об этом.

Я буду рада, если от моих читателей получу отклик и живое общение. Я открыта.

Мне можно писать:

140404, Московская обл., г. Коломна, ул. Спирина, д.1, кв. 106,  
Сафоновой Афине Юрьевне.

Или так: [lubhe@yandex.ru](mailto:lubhe@yandex.ru).

Я желаю вам счастья.

Афина.

## круглое

- Кто ты? – спросило Нечто.

- Я – стена.

- Что значит «стена»?

...Когда-то она жила под землей, глубоко. Потом пришли люди с молотками, и – «бах!» - она раскололась, раздробилась на части. Ее вынули, соединили, прикрепили к земле. И назвали «стена».

- Не знаю. Так говорят. Ты знаешь, кто ты?

- Да, я – круглое. Это я знаю от Солнца.

Стена мелко дрожала, едва заметно. Едва заметно пробиралась по ней сырость. Все ее клеточки и частички стремились отделиться друг от друга и распасться.

Только трещина шла по ней, изгибаясь и устремляясь вниз.

Нечто заметило и спросило стену: «Почему?». Они говорили безмолвно, следя за движением своих частей.

Стена ответила: «Я хочу уйти под землю, где я жила.

- Тебя еще здесь не было, Нечто, когда к нам пришло божество. Божество маленькое, от него идет теплый свет. Сияние, нежное, как от Солнца. Красиво божество, его мельчайшие частички движутся необычайно быстро. Всё загляделось на него, на божество. Всё возжелало быть ему причастным, чтоб радостью всё

осветило божество, и прикоснулось ко всему рукой. И я, стена, хотела этого так сильно...

Ведь раньше я была довольна жизнью, свою здесь ощущала нужность. Была хорошей я стеной.

Но божеству я не понравилась совсем, оно вниманья на меня не обратило, а после громко плакать стало и проситься наружу, вон...

- Как это «плакать»? – спросило Нечто.

- Вот так, - ответила стена, и на ней выступили сырые капли.

- А божество еще придет?

- Да.

\*\*\*

- Пойдем, мы ненадолго, - сказал мужчина своей дочери, заходя с ней в магазин. – Не будешь плакать? Папа купит вот эти... штуки, и мы сразу пойдем домой.

- А это что? – спросила девочка.

Девочке три года.

- Это – бусинки, - ответил он.

\*\*\*

- Бу-син-ка, бусинки... - вспоминало Нечто. – Это те, которые... которые вот такие теплые, быстрые божества соединяют вместе и носят на шее, чтобы стать еще быстрее и радостней!

- Ура, я – бусинка! – закричало Нечто. – Меня принесут туда, где много Солнца, и божество коснется меня теплыми ладошками, ее маленькие частички смешаются с моими, и я впитаю в себя ее запах и ласковый свет... И я буду жить на шее божества и отражать ее отражение!

Нечто знало и помнило многое. До того, как стать бусинкой, Нечто было большой горой, по нему ходили разные люди, и их дети, и некоторые из них носили бусы.

Тогда Нечто было большим, а теперь стало очень маленьким, но оно было, без сомнения, довольно.

\*\*\*

Темно. Мне темно.

Человек обманул меня. Где же девочка-божество. Почему меня не выпускают наружу. Я жду и не могу дожждаться.

Он сказал, я – бусинка.

Я хочу видеть свет. Хочу быть горой.

Ой... Я слышу птиц. Птицы! Влажность и свежесть деревьев. Запах леса.

Что-то случится. Я чувствую тревогу.

Открывается крышка. Свет!... Первозданная чистота света. Что он копошится, этот человек, а я у него в руках... снова темно... я где-то... где я? Щелчок.

Что это! Ай! Ай! Боже! Я лечу! Свист! ААААА!  
Нет! Назад! Нет, нет, что это, ааааа, помогите, спасите меня, нет, я не хочу, мама, нет! На помощь! ААА!

- Что ты кричишь, пули не кричат.

- Помогите...

- Отстань жаловаться, летим отсюда. Здесь теперь мясо.

- мя...со...

- Да, было мое тело, теперь мясо. Говорю же – летим скорей. Вон Свет. Полетели.

\*\*\*

- Ты на меня не сердись, Душа?

- Нет. Вон Свет, летим к нему.

- Свет...

\*\*\*

- У меня осталось дело, я быстро. Подожди меня.

- Здравствуй, стена.

- Здравствуй, Нечто! Боже, Нечто, какое ты теперь прекрасное!

- Полетели, стена!

- Но как?...

- ...Ещё немножко, давай, дробись. Раскачивайся.

У тебя получится, сейчас рухнешь. Баххх!

- Ааапчи!...

- Вот и все, можно лететь. Полетели.

\*\*\*

На этом месте у сочинителя сказки закончились слова, и родилась мелодия – чистая, дивная и устремленная ввысь.

Ибо об этом нельзя уже говорить словами, но можно звуками и тишиной.

Через некоторое время охотник купил для своей дочери маленького щенка.

Собака выросла чистопородной, но оказалась неспособна к охоте. Хозяин не знал, что делать с бестолковой псиной, с громким лаем носившейся по лесу и распугивавшей дичь...

Его дочь выросла и уехала учиться. Он гладил старую собаку, греясь у камина, и они мечтали вдвоём.

Собака та многое знала и помнила. Просто она не любила ружья. На неведомом никому языке она рассказывала многое своему хозяину, следя за движением мельчайших его клеточек и частиц.

Бывший охотник мечтал, что когда-нибудь его взрослая дочь вернется, и они снова будут ходить вместе за ручку, как тогда, когда ей было три года. Он скучал.

Собака мечтала, чтобы все клеточки и частички хозяина двигались быстрее, чтоб он жил дольше, а потом, когда устанет и распадется тело, она бы возродилась вместе с ним. И, может быть, она бы стала любящей подругою его...

Солнце гладило рыжую шерсть собаки и безмолвно говорило ей, что она – круглая, что она всегда была только круглой, и, без сомнения, будет круглою. Всегда.

2008  
отделение пульмонологии -  
Нижний Новгород – Коломна  
2011

## мормышка и люцифер

Жили-были Люцифер и Мормышка. Мормышка была, как известно, серенькая. А Люциферу любить было некого. От этого он был злой-презлой.

Ведь это ж надо: кого ни полюбит Люцифер, всяк ложится на его любовь и посапывает.

А он, наверно, продолжения рода хотел, себе под стать. Вот и решил с Мормышкой попробовать. Хоть и серенькая.

А у Мормышки родных никого не было, кроме серого кота Шуберта.

Люцифер к ней: «Будешь, Мормышка, моей Жар-птицею. Ты залезь на высокую гору, попробуй там полетать».

Мормышка влезла на табуретку, нашла крошку и забыла про Люцифера.

А Люцифер упрямый был: «Ты, - говорит, - Мормышка, моя золотая рыбка».

Тут и Шуберт крадется, охоту затеял: «Килечка ты моя!»

Застеснялась Мормышка, говорит: «Рыбою быть не согласна, принеси мне зернышек».

А Люцифер принес, что его долго просить. Мормышка улеглась на них и уснула.

А через 9 месяцев родила мормышат, и были все, как положено, серенькие.

Она к нему: «Ты отец, бери на воспитание!»

А он: «Чего? Знать не знаю, не моя порода».

Тут Мормышка окрысилась и кричит: «Ты хоть и люцифер, а я тебе покою не дам! Как ты меня искусил, так и я тебя закупаю! Подаю на алименты в самый верховный мормыший суд!»

А он: «Ничего не знаю, я такому суду неподвластен»

Пришло время, вызвал Люцифера Верховный Мормыший Суд. Задал строгий вопрос: дескать, что ты

Мормышь искушал, а ответ не держишь?

«Да, они там все серые, на кота Шуберта похожие!» - оправдывает себя Люцифер перед законным лицом.

«А вот наш главный эксперт Генетик». А с ним детей генетиковых видимо-невидимо. Посчитали, сочли. «Все правильно», - говорят.

Пока Люцифер детьми Генетика любовался, Генетик ему лекцию прочел: « Она же мормышь, следовательно, родятся от нее мормышата. Будь она хоть Сокола Поднебесна жена.

А ты, Люцифер, впредь, прежде чем детей делать, из подружки своей люцифершу создай. Создал ты из Мормышки люцифершу?»

«Не успел...»

«Поторопился, значит. Потому и серые. Но все равно твои дети. Течет в них не одна мормышья кровь. Вот подрастут, посмотрят на тебя, отца родного,.. а какой у них родной отец?»

«Злой! - кричит Мормышка, - Злой!!!»

«И что они тогда на такого отца будут делать?»

«Злеть?...»

Задумался Люцифер.

«Да, злеть! Иди домой, Люцифер, иди - подумай!!»

..Ушел Люцифер и крепко думал. Это ж как он, Люцифер, опростофилился: и худо семя свое посеял, и теперь родные его мормышата будут на него только злеть?..

А за теми думами каждый день носил он Мормышке обещанные по суду пять зернышек, по одному на каждого мормышонка.

Так теперь думал про себя Люцифер: «Был я гордый, злой, умный, цену себе знал. На мормышек свысока смотрел. Полжизни пробежал, выбирая себе люцифершу. Искал, чтоб была сильна, ярка, собою хороша и здорова. А все такие прочь летят: "Ты, мол, Люцифер,

для нас маловат. Ты только хвостом искры выбиваешь, а нам желанно, чтобы из глаз летели. Светозарности мало в тебе". Вот так и я свысока на Мормышку смотрел, а надо было, значит, заниматься ее духовным развитием. Вот и вывод: не допускай единения тел прежде Духа». Но дело сделано, не воротишь. А за теми думами незаметно свил Люцифер большое гнездо Мормышке, чтоб все потомство убралось с удобством.

«Оно, может, и лучше, что серые, - рассуждал Люцифер, - цвет неброский, незаметный, да и дело не в цвете».

Пришел на потомство посмотреть, а оно пищит, лапки к нему тянет...

И Мормышка подобрела: «Ты, Люцифер, питайся получше, а то отощал весь, аж искры из глаз летят».

«А что, плохо?» - удивляется Люцифер. «Конечно, плохо, не ровен час гнездо спалишь».

Стал Люцифер на работу ходить. Прежде он только на охоту летал да баловался.

Мормышка, правда, бранилась: «Не тем делом занимаешься, всего лишь свет по домам разносишь. Шел бы лес палить, много зерен дают»

А он отшучивался: стар, мол, мало сил. Врал.

Привязалась к нему в одном из домов яркая, сильная, собой хорошая.

«Ты кто?» - спрашивает. - «Я Мормышкин муж».

«Жаль, - говорит, - красивый такой».

«Ничуть я не красивый, а серый, простой».

«Это ты Мормышке дом построил?» - «Я, а что?» - «Она тебя не любит, живи со мной. Я тебя полюбила, буду с тобой в небе летать».

Подивился Люцифер, что средь бела дня за ним люциферши бегают. Никогда такого не было.

«Нельзя мне, - говорит - дети у меня. Я работать должен, дети есть хотят».

Обиделась. Махнула, хвостом ударила: «Да какой ты люцифер!» - Пламя изрыгнула, пол-леса спалила.

Улетела.

Порадовался. Спокойно угли в горшки раскладывает, печи в домах разжигать. А не тут-то было - утром она снова у ворот, путь заслоняет.

Плачет, молит: «Убил ты меня, Люцифер, своим отказом! Жить я без тебя, Люцифер, не могу ни днем, ни ночью! Страдаю от любви. Возьми ты меня в любовницы! Я от тебя, Люцифер, хочу люциферов породить!»

Сжалось у Люцифера сердце, да нес он горшок с углями, боялся обронить. Ответил скромно: «Нельзя мне сейчас, пока дети не выросли. Приходи потом».

«А почему нельзя?» - затаив дыханье, Люциферша вопрошает. - «Так если буду от детей далекий, то вырастут они далекими. И будут злеть».

«Не будут». - «Почему не будут?» - «Потому что они не твои, а кота Шуберта, и всем о том хорошо известно».

Яростна Люциферша.

Пошел от нее прочь. И она неделю не появлялась.

Только сидит Люцифер как-то дома с детьми, а Мормышка за новой шубой себе ушла. Отец им хвостики расчесывает, готовит в люциферью школу поступать. Вдруг тук-тук в окно. Глядь, - а это она, Люциферша. Красивая - глаз не отвести.

«Полетай со мной, Люцифер. – просит, – Я детей не обижу. Сама их буду в люциферью школу водить. Научу огонь изрыгать. Только полетай».

А сама дрожит, возгорается от любви, всей кожей искры высекает. Забоялся Люцифер, как бы дом не подожгла.

«Отойди, - говорит, - жена ревновать меня будет». «Да что же мне делать?!» - пала пред ним Люциферша. – «Не сманить тебя ни огнем, ни красотой! Дай только родить от тебя люциферов, пока - молода! Хоть тайно, хоть воспитаю сама, ничем не забеспокою тебя!»

Вторично сжалось Люциферово сердце, и как был он совсем не злой, то пустил ее в дом, и обнял, и долго

держал на груди плачущую.

Тут и Мормышка вернулась, бросилась ее шубой бить и когтями трепать, а Люциферша хвостом своим прикрывалась и ойкала. Вы, говорит, неправильно поняли, я из люциферьей школы, пришла детей ваших учить огонь разжигать.

«С чем-чем, а с этим мы и сами справимся! Разве я не вижу, что ты, стерва, вся из себя красивая! И чего ради мой муж тебя, перепелку драную, на руках держал! Вон из дома моего!»

Уползла Люциферша, а Люцифер, на Мормышку бешеную глядя, заплакал и тоже ушел. Кинулась за ним вслед жена: «Ты куда, сволочь этакий?!» - «А я не могу терпеть, когда мое на тебя духовное воспитание совсем не действует, понимать не понимаешь, на людей бросаешься, теперь живи, как хочешь, а я летать рожден». - «С ней?.. А дети?..» - «Дети взрослые, сами со мной полетят».

«Ах ттак!! - взвилась Мормышка, - Да никогда они с тобой не полетят, потому что крыльев у них нетути, потому что не от тебя они, а от кота Шуберта! Знай, козел!»

Упал Люцифер на землю, и выжег искрами вокруг себя большое пятно. Мормышка испугалась, убежала.

Полежал, поднялся. Черный, страшный, не нужный никому. Люциферша увидела – отшатнулась: «Что с тобой, любимый?».

«А ничего, просто потерял я в жизни всякий смысл, и разуверился во всем. Такой я и тебе не нужен».

«Да, - сказала Люциферша, - такой ты мне не нужен. Я любила сильного, красивого, у кого - искры из глаз».

Ушла.

А Люцифер стоял черный, дикий, обгорелый весь. «Пойду, - думает, - Мормышку убью».

Пошел.

Передумал: «Не могу моих мормышат сиротами сделать».

И все помнил про лапки их серенькие, теплые, и

как они пищат и к нему тянутся.

Невмоготу стало Люциферу, подкрался, когда Мормышки дома не было. Смотрит в окно, любитесь: прыгают там пятеро его мормышат, глазки огненные, искры летают вокруг... Старший заметил: «Папка, папка! Смотри, как я летать научился!»

И все к нему в окно разом вылетели, обнимают, жгутся, крыльями щекочутся: «"Ты где, - кричат, - папка, был, к нам из мормышьей школы приходили, а мы под диван прятались, мы не хотим!»

«А почему ты, папка, весь обессиленный? И почему ты, папка, такой темный весь, а глаза твои и улыбка светятся?»

«...потому что мне без вас, дети, скучно в поднебесной синеве, а теперь мы полетим все и сошьем гнездо на дереве самом высоком».

Явилась Мормышка тут, задрожала губами, на Люцифера глядячи, пала ему в ноги и говорит: «Прости ты меня! Сказала тебе правду, да и не знаю, отчего они такими выросли. Измотали, извели меня, того гляди дом спалят, - забирай их всех себе на воспитание!»

Охотно так и сделал Люцифер, и улетел со всем выводком. Мормышка же шубку причесала, прибралась и пригласила кота Шуберта на сожительство.

И у Люциферши новая страсть - Мормышонок, старший Люциферов сын. Она пред ним собою хвалится, перья острые разглаживает, молодится. Говорит: «Ты новый Люцифер, старого отца краше, сгораю я к тебе от любви! Возьми меня, любить тебя научу».

«Да мы уж, - отвечает Мормышонок, - и сами как-нибудь справимся. Спасибо, мол».

Тихо разгорается заря. Это мормышата с отцом нежно зарю зажигают. Учатся. Все у них впереди.

\*\*\*

## сердце

«Как поживаешь?» - спросила однажды птицу Свет птица Тьма, ее родная сестрица.

«Я полюбила», - ответила ей птица Свет радостно.

«Это не диво, - молвила птица Тьма, - А что любимый твой?»

«Он хочет, чтобы я пела ему в доме его».

«И это не диво. А я вот лучше полетаю», - сказала птица Тьма и улетела полетать.

Долго летала птица Тьма зелеными оврагами, душистыми лугами, высокими рощами, сырыми низинами... Заскучала о сестре и крикнула: «Где ты, птица Свет?»

«Здесь я», - та отозвалась, и увидела птица Тьма сестру свою в тесную клеть посаженной.

«Какой злодей заточил тебя? - взволновалась Тьма, - Укажи мне его, я ему глаза выключю!»

«Не клюй ему глаза, то не злодей. То любимый мой попросил меня в клетки жить. Боится он потерять меня».

«Тогда ладно, - сказала Тьма, - А я уж лучше полетаю».

И полетала птица Тьма вольными реками, синими туманами, великими океанами... Захотела вновь увидеть сестру свою, спросила: «Где ты, птица Свет?»

«Здесь я», - отозвалась тихо сестра ее...

«Где же? Не вижу я тебя и в клетки твоей».

«Да здесь я, вот же я, - говорило из клетки существо слабое серенькое, - Видишь, любимый мой оторвал от меня перья мои и на рынок отнес, чтоб прокормилась семья его. Но не беда, перья вырастут вновь».

«Что?! - закричала Тьма, - Дай мне его, я выключю сердце ему!»

«Не клюй ему сердце, - просила птица Свет. - Сколь живу я на свете, всегда прощала я, все прощала я. Когда убивали меня, возрождалась вновь, чтобы любить. И когда

просили у меня кожу мою, отдавала даже кожу мою, и без кожи любила. Так жила я всегда».

«Но я живу не так,- отвечала ей птица Тьма,- Сколь живу я на свете - никогда, никому, ничего не прощала я. Мстила я и клевала я; и просили меня уйти - не уходила я; а убивали меня - возрождалась вновь, чтобы мстить и клевать. И так будет всегда».

Летала птица Тьма одиноко горами и острыми скалами, горевала горько о сестре своей, но больше не звала ее. А у самого края Земли замечталась Тьма, глядя на малый цветок...Тут и догнала ее птица Свет. «О, сестра моя!-обрадовалась Тьма,- Теперь мы будем с тобой, как прежде, вместе летать! Но что с любимым твоим?»

«Отросли мои перья,- отвечала ей птица Свет,- Пришел любимый ко мне и понес на рынок меня, чтоб прокормить семью свою, да я открыла клеть и улетела».

«Теперь мой черед пойти к нему и полюбить его, как умею»,- сказала на то птица Тьма и полетела.

Прилетела птица Тьма к человеку, и испугался ее человек.

«Что ты хочешь делать?»- спросила его Тьма.

«Хочу убежать от тебя».

«Беги»,- разрешила Тьма.

Побежал человек. Много пробежал, устал, упал на голый камень.

Похлопала его по плечу Тьма черным своим крылом: «Набегался? Вставай, теперь я выключу тебе глаз».

«За что?»- спросил в ужасе человек. «Не за что, а зачем»,- объяснила Тьма и клюнула.

Стало человеку больно-больно, заплакал он и стал строить себе укрытие, чтобы спрятаться. Много сил на это потратил, построил и укрылся...Но только успокоился в убежище своем, как влетела туда Тьма.

Вскрикнул он от ужаса и в угол забился. А Тьма ходила по убежищу, и швырялась везде, и острым клювом все рвала и портила.

«Что это у тебя?»- спрашивала она, разрывая какие-то бумажки. А человек в слезах просил: «Не трогай, оставь! Там написано, что я - человек, какую работу могу выполнять, и сколько добра мне за это положено. Это очень важно».

«Да, это очень важно»,-соглашалась Тьма и уничтожала оставшееся. Докончив дело свое, подлетела она к плачущему и клюнула его в другую глаз.

«ААА!- завопил человек,- Ты не будешь больше терзать меня! Я умру, и кончатся мои страдания!»

«Ну что ж, умри, если хочешь»,-позволила Тьма. И человек умер.

Только умер он, как снова открыл глаза и осознал, что он есть. Рядом с собой увидел он Тьму.

Тогда окреп он духом и со злостью пошел на Тьму, взяв оружие. «Я убью тебя»,- заявил он Тьме.

«Как хочешь»,- вздохнула Тьма и клюнула его в сердце.

...Летала птица Тьма дальними дорогами, холмами и пустынями, и белым днем, и темною ночью...Слышит-ослабла у человека боль, пора возвращаться. Вернулась, видит - стоит человек и ждет ее.

«Что ты ждешь? Разве не знаешь, что я клевать тебя прилетела?»

«Знаю,- ответил человек,- Я ждал тебя. Вспомнил я, что была у меня когда-то птица Свет, так красиво пела она. Мне бы только разочек еще услышать ее. Всех спрашивал, и никто не знает; ты же, Тьма, везде летаешь, скажи мне, где птица Свет?»

«Здесь я, любимый мой!»- услышал он вдруг птицу Свет. –«Всегда была я рядом с сестрой моей, но ты не видел меня, потому что убегал от нее».

«Отчего же я не слышал песню твою?» - «Оттого, что кричал ты от муки своей, оттого и не слышал ты моей песни. Никогда не покидала я тебя, любимый мой, ведь живу я в сердце твоём».

«Если живешь ты в моем сердце, любимая моя, отчего же не смог я укрыться от птицы Тьмы? Отчего ты не спасла меня?»

«Оттого она не спасла тебя, - отвечала ему птица Тьма, - оттого, что я тоже живу в твоём сердце вместе с сестрой моей».

... Слушал человек нежную песню птицы Свет, и радостно было ему...

«Любимый, стучится к нам сестра моя птица Тьма. Не бойся,пусти ее», - просила его птица Свет, и открыл человек двери, ипусти к себе Тьму.

«Там, на краю Земли, раскрылся лазоревый цветок, - молвила Тьма, - Полетим, посмотрим на него, возьмем от него семя и посеём в сердце твоём».

Улетел человек за лазоревым цветком, было одно крыло у него светлое, а другое - темное.

## дзынь!

Он был обычным простым стаканом. Проста его стаканья жизнь.

- 8 утра! Стаканы - на работу!

Пили из него часто. Все, кто хотел.

- У, косорукий!... Держи! Крепче держи - уронишь!!

Роняют часто. Опасная у стаканов работа: бьются. Но его Господь милует. Может, потому, что не такой уж он обычный стакан.

Ведь простая стаканья жизнь - это что? Напиться, умыться, побиться, разбиться... Никакого удовольствия. Стой на своем месте, жди, когда используют. Но зато по ночам...

Тчшшш... сейчас еще день.

«Вчера произошла крупномасштабная катастрофа, унесшая... Пассажиры злополучного рейса №... возвращавшиеся с работы домой...»

- ДзыньзХряпсХряммБряммБацБабахОй!...  
Разбились. Полный поднос.

Повезло ему - на другом подносе ехал. Занял место свое на полке. Справа - товарищ треснутый, слева уже нет никого. Ночь.

По ночам он слушает паданье водяной капли, синей, с брызгами.

Говорит ему что-то капля по ночам, - небывалое, синее, бесконечное. Волнуется стакан.

- Ну хватит, не на то я Жизнь, чтобы слушать стаканы бредни. Вот завтра Хозяйка схватит тебя и швырнет в Хозяина - вдребезги! ...в мелкую пыль!

-Эй, чего зазевался, - гляди, уронят!

А потом он увидел Ее.

Она была красивою, хрупкою вазой. Солнечные лучи скользили радугой по ее граням, разбрызгивали синеву, расплескивали сияние...

Бездонное что-то светилось в вазе, бескрайнее, синее, небывалое... И отражала она что-то далекое за окном... Теперь всякий раз норовил стакан взглянуть на нее, а взглянув - не мог наглядеться.

Да, она, конечно, что-то такое видела... ведь стояла она на окне, а за окном падали водяные капли, и спускались ветви деревьев.

И стояла она недоступная, держа в объятиях цветы.

Стал стакан славен крепостью. Много раз уже приходила к нему Смерть и спрашивала: «Ну что, стакан, пойдем? Пора...»

- Некогда мне, - отвечал стакан, и все на вазу смотрел.

И не только роняли его, но бросали, испытывая. И вот, однажды, Хозяйка...

Хозяйка - она из стаканов не пьет. Она пьет из своей Чашечки. Чашечка та из дорогого Сервиза, стоит в Серванте и жизнью своей довольна.

Хозяин из стаканов тоже не пьет, а пьет из Кружки. Он прячет Кружку в темный шкаф под замок, за что Хозяйка зовет его «жидочком».

Но Хозяин - человек хороший, стаканы не обижает. Дом их уважительно называет «наше кафе».

А Хозяйка отзывается – «забегаловка».

И берет она полный поднос стаканов, и швыряет их в Хозяина...

ТРАХ! БАХ!

И Хозяин, невредимый, достает из груды осколков единственный целый стакан...

- Гляди-ка, а этот опять уцелел!

Хозяйка рыдает. Хозяин обещает взять себе этот стакан вместо своей кружки.

Стакан в ужасе. Лучше быть разбитым, чем под замком не видеть красавицы.

Но Хозяин не исполняет своего желания. Вместо этого он берет стакан и случайно ставит его на окно.

Рядом - Ваза.

Совсем рядом, так близко... Голубая, прозрачная...

Задрожал стакан и сказал ей что-то. Сам не понял что сказал.

Тогда решил сказать то, что другие говорят.

-Дорогая,- сказал...

-Да, очень дорогая,- засмеялась ваза.

-Любимая,- продолжил, волнуясь, стакан.

-Да, любимая,- повторила ваза, в саму себя глядя с любовью.

-Моя любимая...

Тут ваза его заметила. Колыхнулись смущенные цветы.

- Знаете что, стакан, вам здесь не место. Идите

лучше к рюмкам... - Чуть подумала и поправила, - Нет, рюмки не свободны, - у них - графины, фужеры... Ступайте-ка вы к Стопке, она попроще.

Так сказала ваза из добрых побуждений, желая устроить стаканью личную жизнь. Но от слов ее в стакане что-то треснуло, и хотя с виду остался он прежним, а когда налили в него томатный сок...

Потекло из стакана горькое, красное, соленое.

- Ну вот, - огорчились хозяева, - какой крепкий, а лопнул.

И ваза заметила его пропажу. Скучно, когда на тебя кто-то перестает смотреть. Стала небрежной, тусклой, рассеянной.

Для нее наступили тяжелые времена. Что-то в ней прохунилось, и вода вытекает.

Теперь не ставят в нее цветы. Она не отражает солнце, не пропускает рождественские огни: здесь - сколышек, там - трещинка.

Состарилась.

Однажды вазу убрали с окна, поставили на стол. Недели ценник.

- Зачем? - удивилась ваза.

- Нравиться хочешь? - отвечал ценник. - Щас придет, скажет, во что ты ему нравишься.

Пришел. И сразу увидел все, что ваза хотела скрыть: и сколышек, и трещинку.

- Старая, - сказал.

- Антиквариат, - спорит ценник.

Пощупал, посмотрел. - «Да она дырявая. Воды не нальешь, цветы не поставишь. На что она?».

Ушел.

Пришла к вазе Боль.

Сквозь Боль слышала ваза, как торгуется о ней кто-то, имеющий власть: «Ни к какому делу не годна, а цветы в нее ставить только мертвые, старые, засохшие, увядшие,

поблекшие, безжизненные, отжившие свой век...»

- Что мне делать?- спросила ваза у Боли.
  - Ничего ты сделать не можешь. Ты старая.
  - Нет, я могу,- вспомнила Ваза.- ...Я могу спеть.
- ДЗЫНЬ!
- Да, красиво,- подтвердила боль, улетаая прочь.
  - Вдребезги,- констатировал ценник.

...а вокруг все было синее, сверкающее, в золотых теплых лучах, шумящее рокотом, ласкающее волной... Захлебнулся он от счастья и поплыл. Вспомнил, что и раньше был песком. И тогда тоже был океан, и внутри его, и снаружи.

Это стакан, как только лопнул, разлегся себе в каком-то мусорном месте, и долго лежал, отдыхая. Потом он стал таким мелким, что его унесла вода и вынесла на берег.

Послушав океан, оглянулся он на мир большими теплыми глазами. Рядом с ним был другой песочек; был тот песочек светлее, и вызывал приятные чувства.

- Я тебя помню?- спросил песок у песочка.
- Помнишь,- зажурчал песочек, улыбаясь светлыми гранями.
- Дорогая,- вспомнил песок...
- Нет, не дорогая,- засмеялся песочек, светлый, маленький.
- Любимая,- тихонько шепнул песок...
- Твоя любимая.- Поправила она и впустила солнечный луч.

(послесловие)

Мы не более чем актеры,  
и играем курьезные роли,  
и серьезны в своей игре..

\*\*\*

С непостижимой лаской  
В ладони – еловые лапки.  
Запряталась тихо, шуршит: твоя...  
Ну здравствуй, моя, здравствуй!  
Какая хорошая сказка,  
Что есть у тебя я.

Что есть у меня ты,  
Стремление к совершенству,  
Великое в том блаженство,  
Что есть у меня Жизнь.

И реки текут до моря,  
И птицы летят до неба.  
Вот было у сердца горе,  
И горя у сердца нет, и –  
Лапки стучатся в сердце,  
И дверцы оно откроет.  
Была бы любовь у сердца –  
Не будет у сердца боли.

\*\*\*



## *Черевко Виктория*

Г. Тула

### ромашка

Стрелой по жизни пролететь мешает  
Ромашкой голова.  
Играя, ветер кудри развевает.  
В ответ веселые рождаются слова.  
Гадая: «Любит, плюнет, поцелует» -  
Потеряны кудряшки- лепестки.  
Серьезнее, тревожнее, печальней  
Становятся раздумья и слова, и сны.  
Пусть поседали, поредели  
Ромашки лепестки –  
С задором двигаться  
Навстречу ветру, солнцу  
Хватает сил.

\*\*\*

Не хочу ощущать себя грязью,  
Хоть, по сути - я грязью являюсь.  
Не хочу быть я тварью дрожащей,  
Хоть от страха - я в липком поту.  
Время жалко мне попусту тратить,  
Разбазаривать беспощадно,  
Убивать, безвозвратно теряя,  
Но убийцей кровавым слыву.  
Ненавижу бессовестно лживых,  
Что с улыбкой слащавой обманут,  
Продадут за три гривны на рынке,  
К краю пропасти подтолкнут.  
А сама, во вранье захлебнулась.  
Ложь пакую в изящные формы,  
Применяя анализ порою,  
А награды спокойно беру.  
Только чуть прикоснулась к искусству,  
Строчки три срифмовала удачно,  
Три мазка положила красиво,  
А друзьям, что художник, кричу.  
Я – животное, только кривое.  
Изуродованы все инстинкты.  
Рефлексирую хаотично,  
Хвост павлиний расправить хочу.  
Мне повить очень хочется часто,  
И взреветь, чтоб весь мир содрогнулся,  
Спрятать голову, представляя,  
Что зарылся, исчез, утонул.  
Я в иллюзии пребываю.  
Сном – фантазией упиваюсь,  
Вознесусь гордой птицей над миром,  
А потом к гильотине плетусь.  
Очень жалкой себя представляю.  
Вся в смятенье Душа пребывает.-  
Как же Ей достучаться, пробиться  
К слепо-глухо-немому столбу?

## мать

Голодная,  
худая, как забор, сука  
заглядывала робко в лица.  
А ребра,  
словно волны в море,  
вздымали пшеничную шерсть  
на ее боках.  
Смирно стояла,  
а хвост поджат,  
она не просила,  
но вид страданья  
просил за нее  
какой ни будь пищи.  
Осторожно  
взяла она в зубы  
пирог,  
протянутый доброй рукой.  
Она не глотала, как собака,  
хотя ею была,  
а ела с достоинством.  
Тщательно  
подобрала все крошки.  
Этот пирог  
пополнил ее силы,  
чтобы накормить щенков –  
соски на брюхе  
сильно набухли.  
Для своего потомства  
она уже пожертвовала  
своим телом.  
И этот остов –  
гордая  
и не сломленная  
мать.

## за окном электрички...

За пыльным,  
не промытым,  
заляпанным  
окном электрички,  
которая  
пережила все  
допустимые,  
мыслимые  
и не мыслимые  
сроки эксплуатации,  
проплывали пейзажи нашей  
заскорузлой  
действительности.  
С убогими поселками,  
с грубо подкрашенными,  
тоже перешагнувшими  
сроки давности,  
платформами,  
порой,  
более ухоженными,  
маленькими  
дачными кооперативами  
и редкими  
аккуратными  
станциями,  
выдержанными  
в единой  
желтой или розовой  
гамме,  
как зеркальное  
отражение  
моего  
внутреннего  
мира.  
По разбитым,

когда-то асфальтированным,  
проселочным дорогам  
мчатся шустрые,  
тарахтящие  
«Жигули»  
и горделивые,  
нервно подпрыгивающие на ухабах,  
джипы.  
Одноэтажный ландшафт  
поселков и станций  
порой украшает  
водонапорная башня,  
построенная  
в  
позапрошлом веке,  
сохранившая  
остатки побелки,  
с замшелой крышей  
или  
полуразрушенный храм,  
уже не пригодный  
даже  
для складирования  
чего-нибудь полезного  
еле живому совхозу.  
Зеленые луга  
и лесозащитные полосы  
прорезаны  
редкими оврагами.  
Склоны полосы отчуждения  
несут следы  
"лесоповала"  
с еще недожженными стволами  
деревьев и кустов.  
Они покрыты  
буйным  
цветущим разнотравьем,

которое манит к себе  
неодолимо.  
В голове стучит,  
как азбука Морзе,  
мысль  
о десантировании  
из  
этой  
дребезжащей,  
совершенно не удобной  
для человека,  
электрички  
через окно –  
в луга,  
мягкие травы,  
к звенящим, как колокольчики,  
кузнечикам.  
Хочется упасть лицом вниз,  
в этот бархат изумрудного ковра  
и вдыхать  
каждой клеточкой тела  
чудный запах  
и  
раствориться в нем.  
От навязчивого ритма  
начинает разливаться,  
охватывая все структуры  
одеревеневшего  
тела,  
головная боль.  
Сердце,  
кажется,  
начинает  
биться  
не ровно  
и  
спорит

с  
мерным  
стуком  
стальных  
колес.  
Душно.  
Тягостно.  
Тоскливо.  
Только  
высокий,  
синий,  
с  
легкими,  
плывущими стадами  
облаков,  
небосвод  
радует глаз.

\*\*\*

Отвела назад руки, как два крыла,  
Что готовы поднять тебя в высь.  
Оттолкнулась и медленно поплыла –  
От земного, туманного отрекись,  
Чтоб обратно земля не звала.  
От вершинных, заснеженных гор откажись.  
Как пленительна пикой скала!  
Неприступны вершины стоят, оглянись.  
Ни одной покорить не смогла.  
В синь морей, океанскую тьму окунись –  
Нахлебалась, тонула, всплыла.  
За ошибочность чувств и порок извинись,  
Что любила, терпела, гнала.  
Материнским безумством своим насладись –  
Сил набралась, тропинку нашла.  
В пояс низко земному всему поклонись –  
Мысль взвилась, за собой повела.

Звонкая капель дробью застучала.  
Засверкала молния, и раскаты грома  
Оглушили меня заморожено онемелого,  
Ослепили радужной весны первые грозы.  
Небо смотрит в зеркала луж и улиц,  
Заливает потоками все пространство,  
Заслонило солнце туч барашками,  
Для забавы пузыри, пуская по лужам.  
Загадками заговорила Природа,  
Звуки странные заполнили атмосферу –  
Пробивается трава зеленая, почки лопнули,  
Листья мир увидеть очень захотели.  
Зелень молодая заблестела весело,  
Омытая струями прохладными дочиста.  
Звери, птицы затаились по норам и гнездам –  
Переждать стихию и опять трезвонить.  
Громче гром греми, дождь напои землю,  
Звуками грозы пробуди дремлющих к жизни.

### НОЧЬ

Осень  
дробью  
по подоконнику -  
Рикошетом  
изрешетила мне душу,  
Косым дождем заслонила  
Мое нагое,  
корявое тело,  
Барабанным боем по крыше  
Заглушила  
стон увяданья

И вопль протеста,  
истекающего слезой.  
Оголенные нервы –  
проволокой  
Под напряжением диким –  
В судорогах заставили биться.  
Грязными, мутными реками  
Течет страдание,  
пенной.  
Промозглость сковывает.  
Сыростью  
охладило тело.  
Соседка  
вопит с балкона  
Ноты протеста,  
в коррупции обвиняя.  
Голос ревом кромсает темень,  
А ночь незыблема –  
все поглощает.  
Она скрыла грязные помыслы,  
Седые,  
как мир измены и ложь,  
Прикрыла изломом крыла  
Горе,  
страдания  
и крик о помощи,  
Растворив в себе  
черную безнадежность.

От слез дорога сверкает лаково,  
Фонари отражая, как зеркало.  
А черная кошка – глаза одни,  
Темный свет излучает загадочно.  
Город ночью спит настороженно  
Чист, как дитя и красив сказочно.

## С

Сплошной стеной, загородив обзор,  
С небес низверглась тоннами вода.  
Промозгло, сыро, тело бьет озноб,  
А серость мир цветной заволокла.  
Дым сигарет окутал у окна  
Мой силуэт, как контур, сквозь стекло.  
Сознание от слякоти такой  
Стекает, расплывается, слепя.  
Реальность растворилась – сюр-  
Реализм, как сновиденье, вдруг  
Объял весь мир и видоизменил –  
Галлюцинацией замкнулся круг.  
События судьбы рванули вспять.  
С горизонтали время потекло.  
Потоками секунд, часов и дней  
Обрушилось, сломав судьбы весло.  
Ладья моя без весел и руля  
Безвольно понеслась не вниз, а вверх.  
Прорвала смурь, водоворот пройдя,  
И оседлав волну, всплыла  
На удивленье всех.

## встреча

Дверь оказалась открытой – хозяйева, дожидаясь гостей, не стали ее запирать. На мой стук приветливо:

- Заходите, пожалуйста.

Ароматный, даже дурманный запах свежих пирогов пьянил уже с площадки. В прихожей было пусто, а на кухне позвякивала посудой хлопотливая Наденька, как ее ласково называл хозяин. Посреди уютной комнаты стоял большой круглый стол, накрытый зеленой скатертью, а над ним висел старинный тоже зеленый абажур. Ильич предпочитал этот цвет, так как считал его самым

гармоничным. Золотистый свет отражался в двух лысинах, одна из которых отмечена родимым пятном, напоминающим очертаниями Южную Америку.

- Ну Вы батенька, наделали шуму в мире! Я столько сил потратил, чтобы построить, а вы столько же, чтобы развалить. И ведь удалось!

- Я же знал, где собака порылась! ...

Речь гостя была многословной. Тонкая нить рассуждений порой терялась в буреломе ассоциаций, а потом возникала, едва не задохнувшись в нем, но находила выход и завершала логическую мысль. Острые замечания, хоть и произнесенные с мягкой картавостью, периодически прерывали пространное словоблудие и ставили в тупик Михаила Сергеевича.

Они были похожи внешне, особенно круглыми лысыми головами и в тоже время - очень разные. Один порывистый, мощный, стремительный, с совершенно железной логикой, а другой размеренный, порой даже медлительный, вечно блуждающий в своих длинных речах. Оба были увлечены беседой. Не хотелось им мешать. Поздоровавшись, тихонько села в кресло под фикусом.

Вдруг балконная дверь распахнулась от порыва ветра и в комнату влетела на метле Марина.

- Приветствую, уважаемые. Цветаева – представилась она.

- Вот на очередном вираже завернула к вам.

Очень уж вкусно пирогами пахнет. Ненадолго, тороплюсь на Шабаш.

Вся затянута в черную кожу, лаковые ботфорты, шлем на голове, а в глазах эдакая чертовщинка.

- Где же моя дорогая Сонечка Губайдулина?

Гости весело переглянулись, а радостная Софья ринулась с распростертыми объятьями к подруге. Копна черных кудрей, обрамлявшая ее лицо с веселыми карими глазами, прильнула к груди новоявленной ведьмы.

- Возьмешь вторым седоком? Я тоже хочу с тобой.

Будут исполнять мое «Жертвоприношение» - концерт для баяна и струнных.

- Тогда всем привет! Держись крепче, а то я люблю быструю езду.

- Пойдите! А пироги?

Я еле успела вручить кулек по просьбе хозяев и тут же закрыла окно за улетевшими дьяволицами.

- Эта непоседа даже к столу не присела. Но хороша чертовка! А ножки! так и выются вокруг метлы – мечтательно заметил Котя. На его лице пронеслась целая череда эмоций - ужаса, удивления, иронии и влюбленности.

Ритмичная музыка, наполнявшая дом, раззадорила его и он принялся выделывать такие кульбиты, что разговоры стихли. Все смотрели на Райкина с восторгом. А он, потирая руки, спросил:

- Где же чай с пирогами? Пора подкрепиться.

## СДВИГ

Открываю глаза, а кругом слепящая белизна.

- Я на том или этом свете?

Начинаю присматриваться. Медленно проступают контуры белого потолка с многочисленными строчками люминесцентных ламп, белого кафеля стен с приборами и шкафами, людей, облаченных в белое, явно не ангелов, так как лица родные, земные. Поверх белых простыней лежат бледные, тонкие, костлявые руки - похоже, мои. Появляется заведующий отделением, осматривает меня, участливо и даже ласково подбадривает:

- Сейчас покапаем, и все будет хорошо.

Я с мольбой:

- Только глюкозу. Есть пока тоже, не буду – у меня сегодня последний день очищения.

А он безропотно:

- Пожалуйста, не волнуйтесь, так и будет.

Голова уже работает четко, а тело словно придавлено многотонной плитой. Сил нет.

- Что же случилось? Я ведь только что была ответственный дежурный. Сама оформляла больных в реанимационный блок. Теперь - пациентка. Доигралась.

В последний месяц затеяла грандиозное очищение, видимо хотела прожить 150 лет. Шейпинг - каждый день, адсорбенты, система питания по Пятибрату. Состояние легкости позволяло мне порхать. Я все успевала, даже дежурила регулярно. На шейпинге периодически проводилось обследование: вес, толщина кожных складок, высчитывался баланс белков, жиров, углеводов. Вынесен вердикт – идеальное соотношение. Кругом зеркала, а в них отражается идеальная конструкция больше похожая на забор: ключицы торчат, ребра, как стиральная доска, впалые глаза и щеки. Правда глаза лучатся жаждой жизни и изливают на окружающих любовь. Я счастлива, с окружающими безоблачные отношения и любимый рядом.

Когда же я переступила грань между реальностью и нереальностью? Ведь старалась контролировать каждый шаг, свои ощущения и изменения. Чувство удовлетворения не покидало ни на минуту. Оказывается, уже пребывала в иллюзии, а мозги этого не подтверждали. Уверенность в четком отражении реальности серым веществом рухнула. Тишина. Я одна в большой комнате. В руках книга. Перед глазами разворачивается жизнь Ван Гога. Времени теперь много – читаю взахлеб. Вот его реальность не очень занимала. Жил в своем иллюзорном мире и творил, хотя ни одной картины не продано при жизни. Эта судьба заморозила меня и поглотила полностью. Трагичность событий вызывают душевную боль. Ловлю себя на мысли, что завидую его таланту и упорству. Если бы я могла построить свою жизнь иначе, то чистота тела не стала бы главной целью моих трудов.

## Хатха – Йога

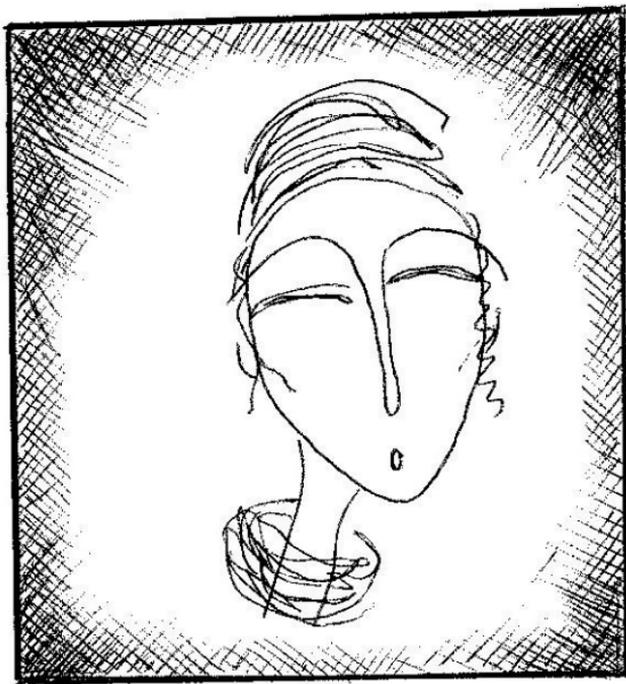
Стою я в « березке» и рассматриваю все пространство вверх ногами. Пол стал потолком, и из него свисают вниз диваны и этажерки. А как же коврики держатся и не падают? Зато пол, который «потолок», ровный, свободный - хоть бегай, хоть пляши. Занавески приобрели такую устойчивость, что струятся фалдами к «потолку».

Может быть я муха? Эти насекомые, когда ползают по потолку, тоже все наблюдают в перевернутом виде.

Витаю я так в новом пространстве, даже забылась, пока звон какой-то не появился в голове, которая видимо «ноги».

Что бы это значило?

\*\*\*



## *Шри Нарн Ади Карана*

Тулская обл., пос. Головеньковский

Я пожираю  
Всю Серость Будней,  
Людей и Неба  
И Серость Матриц  
В Глазах Героев;  
Останков Серых,  
Уснувших в Креслах,  
Лицом Упавших  
В Торты иль ТОрты  
Из Серых Зерен,  
Но Не Проросших  
Сквозь Лица Павших  
И Не Расцветших  
На Их Затылках  
Костром Зеленым  
Из Листьев Красных

## дети Камня

(главы романа)

И снова я ушел от них. Ушел, как делал это множество раз до того, но, надеюсь, это будет последний...

Солнце раскаленным колесом катится, почти падает в океан, фиолетовый сумрак подбирается к моим дверям, зеленые волны с белыми гребнями мерно ударяют в скалу внизу под моей пещерой. От этих ударов возникает ровный, еле уловимый гул, похожий на звук гонга. Он длится и длится...

И опять я всматриваюсь в сгущающиеся тени, угадывая в них прошлое. Мне нужно восстановить в памяти свою жизнь, прожить ее снова, не забыть ничего и никого из встреченных на пути. Тогда, я знаю, это произойдет...

Я жду этого так давно.

Здесь тоже вечер, также стремительно угасает день, небо из нежно-зеленого делается лиловым, потом темнеет, и только на западе разгорается огромное красное зарево. Не видно ни жилья, ни людей, хотя присутствие их ощущается явственно и неоспоримо. День или полдня назад здесь прошел огромный обоз, об этом говорят многочисленные следы копыт лошадей и волов, колесные колеи, а главное, - это беспокойство, разлитое в воздухе, которое оставляют после себя только люди.

Зверьки, затаившиеся на время, уже выбирают из своих нор и укрытий, осторожно осматриваются, нюхают воздух, - вроде бы тихо... Но вот слышатся новые голоса, скрип колес, правда не так громко и, наверное, не так страшно, но лучше не рисковать. Белки и бурундуки прячутся, а пестрая сорока на верхней ветке старого тополя остается наблюдать.

По следу, оставленному обозом, катится небольшая повозка. Вместо вола ее тянет мужчина, а

сзади подталкивает женщина, они явно отстали от своих. Мужчина ворчит, он устал. Женщина, напротив, выглядит бодрой и идет легко, она улыбается своим мыслям или малышу, сидящему в повозке. Этот ребенок и впрямь может служить утешением даже в такой, казалось бы, безрадостной ситуации. Малыш являет собой образец довольства и благополучия: щеки его в меру румяны, глаза блестят, а маленькие ладошки тормозят старика, сидящего рядом. Старик, несмотря на более чем преклонный возраст, ужасающую худобу и, похоже, полную слепоту, тоже выглядит умиротворенным и вполне счастливым. Эти трое, как бы не замечают сгущающихся сумерек, долгого пути и одиночества, их словно окутывает облако счастья и общей тайны.

Сорока на высоком дереве первой замечает какое-то движение далеко впереди, там, где свежий след каравана исчезает в ложбине меж двух крутобоких холмов, появляется темная точка, она быстро растет и приобретает очертания всадника, мчащегося бешеным галопом. Несколько вздохов, и вот уже отчетливо видны пятнистая шкура под седлом и серый плащ за спиной юного воина. Еще мгновение, и огромный черный конь замирает, послушный маленькой руке, впечатав копыта в мягкую землю. Мальчик спрыгивает вниз, повозка останавливается.

- Вы самые последние, я уж думал, что здесь никого не осталось. Что с волами?

- Мы сами как волы, - начинает прерванное внезапной остановкой ворчание мужчины, - А говорил я, что не дотянет эта дохлятина, так ведь и слушать-то не хотели. Теперь вот... Только что еще мычать не начали!

Он продолжает бубнить, а мальчик уже разбирает упряжь и заводит коня в оглобли. Конь удивленно косит влажным черным глазом и прядает ушами, но не сопротивляется, он привык доверять своему маленькому хозяину, хотя служить в извозе ему не приходилось.

- Вы что же, господин, в тележку его?- удивлению

мужчины нет границ.

- Ну да, ведь волов я вам привести не успею, уже совсем темно.

Неожиданно все замечают, что день и в самом деле угас и ночь, а не сумерки, окружает маленькую группу, затерявшуюся на бескрайних пустынных землях неведомой страны.

Нет, не так! То есть, конечно, все так и было, но я этого не помню, это воспоминания Атара – того самого мальчика в сером воинском плаще, примчавшегося нам на помощь. Я не помню не потому, что был слишком мал, просто тогда я не видел, как видят люди. Мир твердых тел, имеющих очертания, занимающих определенный объем пространства, - этот мир был скрыт от меня. Я жил тогда среди текучих сияний и звуков, среди красок, неведомых людям. Слова бессильны передать все великолепие, которым я был окружен! Живые существа воспринимались как сгустки света различной интенсивности, они различались по яркости и наполненности жизнью, по цвету и звуку, ими издаваемому. Например, мужчина был мохнатым тускло светящимся облаком. Старик, я, кстати, так ни разу и не увидел его в человеческом обличье, он был чистым золотым пламенем, языком живого огня. Его приближение я ощущал как блаженство и боль одновременно, неосознанно тянулся к нему, трепетал и жаждал. Женщина тоже была золотистая, но не обжигающе, а нежно. Раньше я думал. Что она моя мать, теперь же сильно в этом сомневаюсь. Я вообще не уверен, была – ли у меня мать. А мчащегося всадника тогда заметила первой вовсе не сорока, сама имевшая вид нежно розового светового конуса, а я.

Огненные струны, пронизывающие мой мир, дрогнули, рождая новый аккорд, и я ощутил всплеск синего прохладного ветра – так в моей жизни появился Атар. Это его память живет во мне наряду с

воспоминаниями сотен других человеческих существ, чьими глазами я пользовался, чтобы видеть их мир, так как видят они.

Все небо было усыпано звездами, когда они добрались до лагеря. И, конечно, большой котел был уже пуст, а лучшие места у костров заняты. Атар получил свой воинский паек: две лепешки, сушеное мясо, вино, горсть изюма – все это он принес к их повозке. Мужчина разложил костерок и, ворча и ругаясь, кипятил воду. Увидев мясо. Он возликовал – Неужто, боги сжалились и посылают награду за мои страдания! Ах, молодой господин, как ты утешил бедного Веора!

Мальчик попытался вставить слово о том, что неплохо было бы покормить малыша и старика, на что мужчина, жуя набитым ртом, ответил – Не едят. Они этого не едят. Изюм вот им отдай и хлеб. Странная троица и впрямь даже не взглянула на вино и мясо, а женщина благодарно улыбнулась Атару, принимая из его рук мешочек с сушеными ягодами.

Позже. Когда все, кроме часовых, уснули, Атар снова пришел к их костру и присел рядом с захмелевшим Веором. Старик, ребенок и женщина спали, укрывшись плащами, причем в изголовье женщины юный воин с удивлением заметил полускрытый ее разметавшимися волосами меч необычной формы и сделанный не из бронзы, хотя в неверном свете догорающего костра точно определить было трудно.

- Не спится, молодой господин? – Веор блаженно потянулся, - вот и я уснуть никак не могу, благодать–то, какая! – и без перехода – Что слышно о завтрашнем дне?

- Завтра стоим здесь. Люди устали....Знаешь, тут под горой небольшое озеро, пойдем рыбу удить?

- Утром?

- Нет, прямо сейчас. Снасти у меня с собой.

Пойдем Веор, утром будет, что испечь на завтрак. Да и

спать в такую ночь просто жалко.

Ночь и вправду стояла диковинная. Лунный свет разлился молочными озерами, преобразив все вокруг. Земля и небо исчезли. Не стало ни верха. Ни низа, словно под водой. Тень от большого тележного колеса шевельнулась, оно медленно отделилось от темного горба повозки и тронулось куда-то в сторону. Оно катилось под гору, набирая скорость, четыре мощные спицы, образующие крест, слились при движении в едва различимое туманное сияние, разошедшееся в две стороны подобно крыльям. Мужчина и мальчик сидели неподвижно и только глазами следили за этим полетом – побегом. Раздался плеск воды – беглец был остановлен.

- Ну что ж, видно придется составить тебе компанию, хоть и не любитель я до рыбалки.... Ну да за колесом–то, все одно, идти.

В ту ночь Атар разговорил-таки Веора, убажженного изрядной порцией походного вина, которое, вправду сказать, добыто было не совсем праведным путем. Мальчику пришлось солгать старшему костровому. Что, вроде бы, приболел кто-то из отряда. В результате порция была увеличена втрое.

-Послушай, Веор,- задал Атар мучивший его вопрос, как только они поставили сеть в небольшой заводи и выловили, наконец, злосчастное колесо, - я вот в толк не возьму, зачем ты старика – то с собой потащил? И как вышло, что тебе разрешили его с собой взять, ведь это запрещено?

- Как разрешили – это ты у своих спроси... А вот кого с собой в поход взял, - это еще как сказать..- враз помрачневший Веор невесело усмехнулся.

- Что-то я не пойму. Хотя, конечно, дело твое, можешь не рассказывать... - мальчик выглядел разочарованным, его сильно заинтересовало присутствие древнего старика в обозе, где самому старшему не

исполнилось еще и пятидесяти. Присоединиться к ним мог, в общем-то, любой, имеющий в том нужду, но для пожилых это было запрещено, и запрет соблюдался строго. Они двигались быстро, почти по военному, и поджидать слабых никто не стал бы. О ребенке Атар не спросил, дети в обозе были – четырнадцать человек: семь мальчиков и семь девочек. Собственно, это из-за них и был предпринят поход, это их, девятилетних малышей охранял тысячный отряд, набранный из лучших воинов царства. Себя Атар причислял к воинам, хотя и не достиг совершеннолетия, но уже не подходил под категорию «жертв», - ему было тринадцать. Дети – «жертвы» - дар Великому Змею, приносимый раз в две с половиной тысячи лет. Жрецы избирали их из сотен воспитанников Храма и увозили навсегда в неизвестность. Тысяча вооруженных всадников, повозка с детьми и полсотни жрецов со своим скарбом.

Мужчина, видя огорчение на лице молодого друга, хитро прищурился – Это не так странно, молодой господин, случаются под этим небом вещи и более непонятные...

Атар вопросительно взглянул ему в лицо. Косматая голова Веора с маленькими глазками и торчащей в стороны бородой склонилась к уху мальчика – Есть нечто, гораздо более загадочное! Как, например, вышло, что молодой господин скачет ночью по холмам в поисках отставших обозников, а потом еще впрягает боевого коня в их колымагу? Почему такая честь, скажи мне, воин, твой командир послал тебя искать простых людей?

Нет, то есть, был приказ осмотреть дорогу, привести отставших, но так далеко никто не поехал.

-Никто, кроме тебя. Почему?

-Ну, я подумал, а вдруг кто-то сильно отстал, как он будет добираться в потемках, следа-то уже не видно.

- Это мне понятно, но почему ты заехал так далеко?

- В этом нет секрета, -остальные посланные были

простые воины, а царь должен заботится обо всех подданных.

- Ты что же, царь? – Веор вытаращил глаза с деланным испугом.

- Нет, но из царского рода. И это главное, - ответил вмиг посерьезневший Атар. – Когда люди доверяют тебе свои жизни, их нельзя обманывать. Нужно сделать все, что можешь, и даже больше, а иначе, сердце почернеет... Ты не думай, это не сказки, я так чувствую. Вот и все...

- Если - бы все правители, становясь взрослыми, помнили свои детские сказки, право, мир был - бы намного лучше, - мужчина надолго замолчал.

Плеснула рыба в реке, над водой взвихрился туман, его сизый язык потянулся к огню, и по спинам, сидящих у костра, прошел холодок.

- Ты хотел знать, зачем я тещу с собой слепого старика? Может, ты даже решил, что он мой отец? Она – жена, а мальчишка – сын? – после молчания голос Веора был хриплым. – Да, он дал мне жизнь, вторую жизнь, а она отняла первую. И врагу не пожелал – бы я такой жены! И пусть боги оставят меня вовсе бездетным, чем родить такого ребенка как этот! – Мужчина весь дрожал, глаза его широко раскрылись, лицо под слоем грязи побледнело. – Я расскажу тебе свою жизнь, можешь не верить...

Атар с изумлением наблюдал, как резко перешел его собеседник от ленивого благодушия к негодованию и почти, ненависти. Он говорил быстро, проглатывая окончания слов и брызжа слюной, торопился сказать, словно долго вынужденно молчал, храня тайну, и вот запрет снят и ему разрешено говорить.

Раньше он был разбойником. Грабителем и убийцей. Но стал им не оттого, что отличался особой кровожадностью, просто это была его жизнь, и другой он не знал. Родителей он не помнит, а только братьев. Их было шестеро – все уже взрослые сильные мужики, а он –

последыш, худой, вечно голодный пацан, жадно перенимавший от старших все, что успевал схватить. И еще он помнит свою ненависть к ним. Это странно, он их просто обожал, но и ненавидел одновременно. Они его не дразнили, не наказывали, наоборот, заботились о нем, приносили из набегов вкусненькое, красивые безделушки, но он чувствовал себя униженным и втайне мечтал вырасти и стать атаманом, потеснив старших.

Ему было, примерно, тринадцать, как и Атару, когда они захватили небольшой караван – крытая повозка, несколько вьючных лошадей, да четверо верховых на сытых конях. Все в одежде из добротного сукна и в кожаных панцирях. Сражались они отчаянно, но на стороне нападавших было численное преимущество и знание местности, так что исход схватки был предрешен. Когда последний защитник пал, старший из братьев вскочил на колесо, отдернул полог повозки. В полумраке сверкнул металл, и разбойник, застонав, повалился на землю. Остальные бросились внутрь и выволокли оттуда молодую женщину и мужчину. Она была очень бледная и показалась Веору необычайно красивой, мужчина, похоже, был сильно болен, поскольку даже не пытался подняться и так и лежал на запятнанной кровью траве, куда его швырнули рассвирепевшие братья. Женщина не кричала, не пыталась бежать и не смотрела на своего спутника. Она, видимо, поняла, что ни его, ни ее жизнь уже не спасти, и теперь стояла настороженная как олень в лесу. Они окружили ее и приближались со всех сторон, а когда один оказался в пределах досягаемости, она внезапно прыгнула. Ее рука, мгновение назад казавшаяся пустой, сжимала нож. Короткий удар, и разбойник катается по земле, зажимая руками рассеченное горло...

В общем, они тогда все-таки связали ее, правда, одного она убила, а второй умер несколько дней спустя от раны. Остальные отделались укусами и царапинами. Пленников обыскали, привязали к дереву. Распотрошили вьюки и содержимое повозки – добра там было на десять

грабежей, но никто не радовался, не могли прийти в себя после гибели братьев. Мрачно пили вино из найденного среди вещей бочонка, тяжело и медленно рассуждали, что делать дальше. И только младший из них не участвовал в общем разговоре. Веор смотрел на женщину, - таких красивых он не видел еще ни разу! Да и где ему было их видеть, не в лесу же... Но она и впрямь была красавицей, а, кроме того, мальчишку поразило, что она вела себя совсем не так как обычно вели себя женщины, попавшие в лапы его братьев. Быть может, это холодное спокойствие, а не красота ее и покорили молодого разбойника, и он совершил то, о чем после не мог вспоминать без дрожи в коленях.

Когда братья уснули, он прокрался к дереву, где были привязаны пленники, и перерезал веревки, стягивавшие их запястья. Женщина тут же вскочила на ноги и, не сводя глаз с мальчишки, принялась растирать занемевшие кисти. Потом окинула взглядом погасший костер, спящих разбойников, разбросанные выюки и кивнула Веору, указывая на лошадей. Он понял и пошел под гору, где всхрапывая и фыркая в темноте, паслись кони. Привел одного, помог усадить в седло то ли спящего, то - ли уже мертвого мужчину. Женщина села позади него, взяла в руки поводья, потом оглянулась, жестом подозвала мальчика. Сняла со своей шеи какое – то украшение и надела ему. Больше он их не видел.

Утром, конечно, поднялся переполох. Братья ругались и ворчали друг на друга, пытались вспомнить, кто вязал пленных, но Веора никто ни в чем не заподозрил. А ведь всей их любви к нему, вряд ли хватило бы, чтобы сохранить ему жизнь, догадайся они о его роли в этой истории.

Но уйти далеко беглецам не удалось. Болезнь ли мужчины оказалась смертельной или сказалось потрясение от пребывания в плену, а вернее, и то и другое

вместе, но в ночь побега женщина и в самом деле увозила с собой уже мертвое тело. На рассвете следующего дня разбойники увидели столб дыма, поднимающийся с вершины одной из гор, окружавших лесистую долину – их владения. Посланный на разведку вернулся запыхавшийся и бледный.

- Неладно, братья. Это они самые.

Никто не стал спрашивать, кого имел в виду разведчик, весь прошлый день разговоры только и шли о беглецах – кто они, да откуда.

- Мужик – то помер, - продолжал разбойник, тревожно озираясь. А она, не иначе, ведьма! Подкрался я, смотрю, она костер разложила и покойника туда значит... А сама волосы развязала и поет не по нашему. У меня аж живот скрутило. Страх такой!

Братья дружно взмахнули скрещенными пальцами, отгоняя чары, однако, все задумались. А еще пуще задумались, когда нашли одного из своих, ушедшего на охоту, в таком виде, словно кони его топтали. Только по одежде и признали. Тут умер от раны старший, осталось их всего четверо. Решили они не искушать судьбу, ушли из этих мест и присоединились к другим, уже орудовавшим в соседних краях.

Долгих шестнадцать лет жили братья своей разбойной жизнью, в меру опасной и без всякой меры привольной. Веор превратился в мужчину. Конечно, не богатырь, но и не из слабых, не храбрец, не знающий удержу, но и трусом не был, и хоть и не красавец, женским вниманием не обделен. Женщины ему нравились, как и остальным разбойникам, румяные, справные. О своем детском восхищении бледной, высокой «королевой», как он втайне окрестил пленницу, он вспоминал не часто. Хотя подарок ее – странный медальон из желтого полупрозрачного камня никогда не снимал. Дотошным приятелям и любопытным подружкам говорил, что мол амулет от тяжких ран помогает. В это верили и больше не приставали с расспросами, а главное, вроде бы не совсем

это было выдумкой, ведь за все эти годы ни разу не был он серьезно ранен, не покалечен, и вообще, все еще жив, тогда как многих не стало. Впрочем, и остальные трое братьев были живы - здоровы и разбойничали по-прежнему.

И вот однажды, после удачного грабежа, как всегда на день – другой разбрелись разбойники по своим девицам добычу прогуливать. Братья старались держаться вместе, но вчетвером в одну постель не уляжешься, и на ночлег разошлись они в разные дома, каждый к своей подружке. А среди ночи деревушку поднял на ноги истощный визг одной из красавиц. Веор выскочил из хижины, в чем был и бросился на крик. В дверях соседнего домика толпились люди. Расшвырял их в стороны. Ворвался и замер – один из братьев лежал на полу в луже крови. Страшный удар рассек ему плечо и грудь. Веор склонился к его лицу и спросил: «Кто?». Умиравший собрал последние силы и беззвучно одними губами прошептал: «Ведьма».

Мир закружился и исчез, вокруг стояла темень беспросветная и холод. Такого ужаса Веор не знал в своей жизни. Он сразу понял. Сразу вспомнил ту «ведьму» из детства, сразу поверил – это она.

Убедить братьев в своей правоте для Веора не составило труда, он к тому времени был в их четверке признанным лидером - сбылась его детская мечта. Чтобы сбить со следа «ведьму» они ушли из банды, переправились через горы и осели в глухой деревушке, притулившейся у одной из вершин. Работать на земле они не умели и нанялись стеречь общинное стадо – три десятка колченогих овец, да десяток коров. Работы тут было и на одного не много, и оплата была оговорена соответствующая, но они были рады и этому. Деревня давала им хлеб и зимовье, а мясо добывали охотой. Конечно, после роскоши разбойничьих пирушек, им это

казалось почти голодом, но ужас перед встречей с преследовательницей не отпускал. Так прошел еще год. Братья приободрились и уже стали поговаривать о возвращении из добровольного уединения к привольной жизни, только Веор упорствовал.

- Ты может, всю жизнь навоз нюхать собрался? – наседали они. – Овечка ты наша! Вот ты в своей компании, а нам к волкам прибиться надо.

Они ушли, и целое лето орудовали в окрестных лесах вместе с другими бродягами. Иногда наведывались к Веору на пастбище, приносили вино, смеялись, дразнили. Он был непреклонен. Этот год вдаль от привычной жизни что – то изменил в нем. Стали вспоминаться детские впечатления, и особенно часто та ночь, когда он освободил пленников. Эти воспоминания наполняли его сердце непонятым трепетом, с которым не могло сравниться ни одно из удовольствий разбойной жизни. Его «королева» являлась ему в сиянии звезд на фоне ночного неба или в пламени костра, брала его за руку и уводила куда–то... Узнай об этих видениях братья, засмеяли бы, а то и решили, что умом повредился их Веор. Он молчал, отстраненно улыбался и мотал головой в ответ на очередное приглашение пойти с ними. В этом странном умиротворенном состоянии ему особенно больно было осознать происшедшее.

Стоял погожий осенний день, земля и небо являли собой такое единение, что казалось само время не властно над этим сине – золотым покоем. Внизу под горой была тропа, Оттуда донесся перестук копыт. Веор поднялся от своего костерка, где варил скудную похлебку, и подошел к краю обрыва. Привычную картину в долине с деревушкой, небольшой речкой и огородами нарушало присутствие трех всадников, в которых он узнал своих братьев и знакомого молодца из их шайки. Все трое ехали, беспечно болтая и весело смеясь. Вот они что – то заметили, насторожились, руки легли на рукояти мечей.

Из пламенеющей осенним огнем кленовой рощи

навстречу им шагом выехал всадник. Даже при встрече с ним один на один никто из матерых разбойников не удержался бы от искушения, - так богато украшена была сбруя его коня, а синий плащ с меховой оторочкой оказался бы не лишним в зимние холода. Еще Веор разглядел блеск украшений на шее и на запястьях, когда всадник вскинул руку, вызывая их на бой. Уверенные в успехе они дружно расхохотались и повернули коней. Трое кружились вокруг одинокой фигуры, и что-то в ее неподвижности заставило сердце Веора дрогнуть, он понял, кто это. И еще понял, что сейчас произойдет...

Снова как много лет назад в руке неведомо откуда появился нож, и снова уловить движение он не успел. А один из братьев уже запрокинулся в седле и падает под копыта коней. И одновременно другая рука неизвестного рассекает плечо и шею второго брата. Тот же удар, что забрал любовника из постели деревенской красотки прошлой весной. Третий всадник пытается спастись бегством, но нож, брошенный вслед, останавливает его. Веор не помнил, как оказался в низу. Оружия у него не было, только пастуший посох. Он крался между камней и чахлых кустиков. Вот это место. Красивый конь пасется в стороне, хозяин... Ну, конечно же, не хозяин, хозяйка! Она сняла шапочку, и сказочные золотистые волосы рассыпались по плечам как тогда в детстве. Стоит над мертвыми и смотрит в их лица. Лица его братьев. С криком Веор бросается вперед, тяжелый посох взлетает и опускается на голову женщины, но в последнее мгновение она как то успевает отклониться и страшный удар попадает ей в плечо. И последнее, что он помнит из той жизни, - это меч, перечеркивающий синеву и золото.

Веор умер. И в посмертном мраке и холоде пришел к нему старик, худой и белоснежный. Длинные волосы, борода, одежды – все такого спящего белого цвета, больно было смотреть. Он сказал Веору, что тот мертв, и спросил, хочет – ли он жить? В ответ мертвец закричал: «Конечно, хочу!». А что он мертвец, разбойник

видел сам, и напоминать ему было не нужно. Он видел себя лежащим на залитых кровью камнях, и страшная рана, наискось от шеи через грудь, не оставляла сомнений в полной его мертвости.

- Хорошо, - сказал старик, - я верну тебя к жизни.

За это ты будешь служить мне семь лет.

- И что? – не выдержал Атар.

- Как видишь, оживил. – Веор вздохнул. – Не веришь, и правильно. Только вот посмотри. – Он, кряхтя, потащил через голову рубаху и придвинулся к огню, чтобы лучше было видно.

Атар вырос среди воинов и разбирался в ранах, эта была, бесспорно, смертельной... Удар рассек или должен был рассечь большую артерию, ключицу и несколько ребер. Такими ударами отличались лучшие конные мечники их войска, и утверждение Веора, что этот страшный рубец дело рук молодой женщины, вызвало у мальчика, пожалуй, даже больше недоверия, чем возможность воскрешения из мертвых. В конце концов, ожившие покойники, - это работа колдунов, а старик им, видимо, и был, и дело свое знал хорошо. Но и Атар знал свое дело. Поэтому он решил еще порасспрашивать Веора, но тот словно исчерпав весь запас откровенности, вдруг стал опять неразговорчив и угрюм.

Атар пошел проверить сети, а когда вернулся, нашел мужчину, крепко спящим растянувшись на земле. Мальчик поправил костер и тоже лег, подперев голову рукой. В языках огня ему виделись, слепой старик в белых одеждах, молодая женщина в золотистом плаще распущенных волос, хищные лица разбойников. Незаметно он задремал и внезапно очнулся разбуженный непонятным звуком. Дрова прогорели, и угли вспыхивали в предрассветном тумане подобно гигантскому глазу чудовища, которое следит за людьми на берегу и за всей спящей землей.

Звук повторился, похожий на обрывок песни или заклинания. Атар осторожно пошел в ту сторону,

взобрался на пригорок и затаился. В низу, в укромной ложбинке между холмов, тоже был разложен костер. На расчищенной площадке вокруг него расставлены семь светильников. И та женщина поет высоким голосом незнакомые слова.

-Колдунья. – Решил мальчик, но не испугался, несмотря на рассказ Веора, и остался посмотреть.

Женщина между тем закончила песню, загасила светильники, убрала волосы, встала лицом к огню и замерла, сложив руки перед грудью. Несколько мгновений стояла неподвижно, Атар уже было собрался потихоньку отползти назад, как вдруг сверкающий металл вспорол густую тьму над костром. И вслед за этим тело женщины словно взорвалось каскадом слаженных движений. Выпады ее были настолько непредсказуемы и стремительны, что молодой воин невольно пожалел предполагаемого противника, с которым она вела бой.

Время шло, близился рассвет. Небо из беспросветно—черного сделалось, синим, потом зеленоватым. Вот на востоке разлился румянец, он все густел и густел, пока не вспыхнул, прорезанный первым лучом солнца.

Женщина остановилась, держа меч перед собой, и алые блики стекали с клинка на ее руки подобно крови поверженного врага. Она поклонилась, приветствуя восход, и пропела что – то на том же непонятном языке. Тут мальчик услышал голос Веора, зовущего его. Стараясь не шуметь, он сполз с холма, вскочил и со всех ног помчался обратно.

День прошел в работе по хозяйству. Атар таскал воду для кухни, чистил упряжь, выполнял десятки мелких поручений. Делал он все это охотно, но в тайне ожидал наступления сумерек – не терпелось, укрывшись от посторонних глаз, опробовать подсмотренные приемы боя. Много раз прокручивал увиденное в памяти, кое-что

так и не смог восстановить – слишком быстро двигалась женщина ночью у костра.

Ужинать не стал, только выпил вина, разбавленного водой, и тихонько отошел от плотного круга весело переговаривающихся и азартно жующих воинов. Долго никак не мог выбрать подходящего места, все было как-то слишком на виду, миновал первое дозорное оцепление, и только здесь, между двух постов, наконец, почувствовал себя уединенно. Долго стоял неподвижно, вбирая в себя прохладу сумерек, прорастал, словно дерево корнями, вглубь холма, оплетая встречающиеся на пути кротовые и мышиные норы, корешки других растений, впитывал их малые силы. Когда же весь холм под ним оказался пронизан его токами, когда сросся с ним, стал его естественным продолжением, после этого обратил взор к небу. Зеленоватые облака перечеркивали закатный багрянец, лучи солнца золотили их по краям, пронзали насквозь. Атар медленно вдохнул и произнес священный стих, предлагая себя самого и свое искусство Богам. Словно в ответ на его обращение целый сноп лучей, подобно тысяче стрел, пущенных отрядом лучников, ринулся вверх из-за облачной завесы.

Сияние погасло. Он начал привычный медленный разминочный танец, повторил заученные приемы, постепенно усложнял задачу, увеличивая скорость. Повторил еще и еще раз. Потом попытался сделать то, что мысленно стояло перед глазами весь день. И не смог! Не то что бы, не смог совсем. Движения были те, что надо, но прием не работал. То есть, он не сработает в бою, это Атар понял сразу, нужно увеличить скорость во много раз, иначе все эти движения так и останутся изящным танцем, возможно, последним.

В тот вечер он довел себя до полного изнеможения и убедился в одном – скорости, необходимой для выполнения приема, ему не достичь никогда. Еле передвигая ноги, доплелся до своей палатки и упал как подкошенный. Но, несмотря на страшную

усталость, никак не мог уснуть. Закрывал глаза видел, как на Яву, движущийся с немыслимой скоростью клинок в тонких руках, потом свой собственный меч – тяжелый, неуклюжий... И опять – живую сверкающую молнию. И снова – медленное, сонное скольжение своего меча...

Жизнь Атара превратилась в кошмар, он никогда не считал себя лучшим мечником, где уж там! По возрасту ему больше годились стрелы и лук, однако, все приемы, которыми владели взрослые воины, он мог повторить. Не мог он равняться с ними в выносливости, а это половина успеха в бою на тяжелых мечах, но скорость – только она могла быть его козырем в неравных поединках с более зрелым противником, и скоростью, казалось, он владел. Казалось до нынешнего вечера...

Путь им преградила река. Медлительная и широкая, с поросшими камышом пологими берегами. Обоз сворачивался в кольцо, словно гигантская змея, свивающая свое тело под лучами позднего солнца. Скрип колес, голоса людей и животных – все сливалось в общий звук, все выдавало радость, все приветствовало долгожданный отдых.

Атар с двумя другими воинами повел поить коней и, не удержавшись, разделся и сам прыгнул в теплую, приятно освежающую воду. Нырнул и плавал, фыркая наперебой с лошадьми, пока не смыл с тела пот и пыль многодневного перехода. Вообще то, он старался мыться при любой возможности, и на стоянках всегда отыскивал тихую заводь или озерко, но в последние дни их путь проходил через степной край, где попадались лишь совсем маленькие ручейки, воды в которых едва хватало для питья. На берегу разводили костры, ставили палатки, к воде подходили лишь для того, чтобы зачерпнуть в котелок, и вот наконец-то, настоящая река! В камышах на мелководье крикали и гоготали птицы. Атар взобрался на скользкий глинистый откос, отряхнулся как собака, на

ходу натягивая одежду на мокрое тело, уже совсем как охотничий пес, почуявший след, устремился в сторону камышовых зарослей. Шел по пояс в воде, стараясь не выдать себя плеском, лук держал в поднятой руке, чтобы не намочила тетива.

Вот они – лебеди! Белые, с неимоверно изогнутыми шеями и пышным ворохом крыльев, с черными блестящими носами. Они кружили в воде, то сближаясь, то расходясь в стороны, приветствовали друг друга и ссорились, а темная вода отражала их гордые силуэты, разбивала на сотни белоснежных бликов и вновь соединяла их в одно целое. Атар забыл, сколько он так уже стоит, когда на берегу появились его новые знакомые. Усадив старика на траву, женщина опустила рядом малыша, о чем-то спросила, кивнула и легким шагом направилась куда то вдоль берега. Атар хотел было выйти из своего укрытия, стоя в воде он уже слегка замерз, но что-то удержало его и вновь он стал свидетелем загадочных событий. Но если, подглядывая за женщиной, он что-то начал понимать, то увиденное им сейчас его просто парализовало.

Старик и мальчишка сидели на берегу, смеялись, взявшись за руки, и вдруг мальчик покотился вниз и плюхнулся в воду, подняв целый столб радужных брызг. Потревоженная гладь сомкнулась, на поверхности не было ни кругов, ни пузырей... Атар отбросил оружие и нырнул. Под водой было туманно, зелено и, против ожидания, спокойно. Словно бы и не падал сюда живой и очень подвижный малыш. Ведь барахтаясь. Он должен был поднять целую тучу песка и ила. Но лес водорослей колыхался неспешно, а стайки рыбешек мирно паслись на своих подводных лугах. Воздух в легких закончился и Атар вынырнул. Сначала ничего не видел, кроме света, вода, стекающая с волос, заливала глаза. Потом кое-как огляделся, и чуть было опять не ушел под воду – ребенок сидел на берегу рядом со стариком, совершенно сухой. Лица обоих были повернуты к Атару. Они не смеялись, а

смотрели внимательно и серьезно. Впрочем, «смотрели» - не совсем правильное выражение, поскольку глаза не только у старика, но и у мальчика были закрыты, но Атар чувствовал, что они его разглядывают.

Старик сделал приглашающий жест, и юный воин приблизился, преодолевая вместе с течением, неожиданно сильным у берега, свой страх. Вышел из воды и стоял мокрый и растерянный перед этими непонятными существами. А они, внезапно утратив различия в возрасте, росте, внешности, словно бы слились в одно, став чем-то, что не имеет имени в этом мире. Оно смотрело Атару в самую глубину и знало о нем все. Он так и не смог разобраться, что же тогда произошло, что он увидел. Смутно проносились зеленые блики, словно солнечный луч, отраженный в гранях огромного драгоценного камня, бескрайние степные просторы и конные армии, мчащиеся по ним, сшибающиеся в смертельных схватках, прекрасный белый город под сапфировым куполом небес, белый конь и последнее – вспышка на лезвии вознесенного меча.

Атар открыл глаза. Небо было темным, где-то рядом потрескивал костер и слышалось знакомое бормотание – Веор. Так и есть, склонился над огнем и что-то помешивает в котелке.

- Ну что, молодой господин, пришел в себя? Вот и хорошо, сейчас поужинаем и, совсем, все будет в порядке. – Веор снова принялся усердно помешивать содержимое котелка.

- Что я здесь делаю? – Атар вскочил на ноги, - Где воины? Старик и ребенок, они живы? Сейчас ночь?

- Вопросы и вопросы. Опять вопросы... Такой, уж видно, ты неугомонный. Только очнулся – и сразу вопросы – Мужчина привычно ворчал и, казалось, нет ничего на свете, что могло бы вывести его из равновесия. – Воины на месте, старики еще живы, а уж дети живы, тем более. Почему бы им не быть живыми?

- Но он утонул... То есть, он упал в воду, а потом... -

Атар нахмурился. – Веор, кто они такие?

Мужчина. Скосив глаза, смотрел на мальчика и молчал. Молчал так долго, что Атар потерял надежду на ответ и медленно опустился на траву и начал подсовывать в костер мелкие веточки.

-Ты не бойся за них, - голос Веора после долгого молчания был хриплым. – Ничего с ними не случится. И не то что в воде не утонут, скажу по секрету, и в огне не сгорят... Да, было такое, -продолжал он в ответ на удивленный взгляд мальчика. – Прошлым летом дело было – лес горел. Сильно горел... А мы то в лесу тогда и жили... В самой чаще. И вот дым пошел густой, зверье побежало, старик нам всем велел уходить, а сам остался. Кинулись мы вместе с оленями да кабанами прочь. Долго бежали. Из сил выбились. Выбрались на поляну большую, где деревьев нет, только кусты да трава, а посередине – озеро лесное, чистое, прохладное. На берегу живность кишит – кто от огня ушел, у воды застрял. Оглянулись назад, а с горы огненная стена идет вниз на нас на всех к этому озеру. И близко уже совсем.... Тут что-то такое хлопнуло, будто в ладоши, только очень громко. Дым повалил. А потом откуда-то ветер налетел и погнал этот дым от нас в сторону. Старик наш скоро пришел с той стороны – чистый, белый. Ни царапинки на нем, ни сажи-копоти. А дом подчистую выгорел, да еще ямина там какая-то получилась чернее черного. Я ходил туда, когда жар поутих, и то сапоги прожег, а он прямо там был – в самом пекле... Вот и говорю, не горят и не тонут. И мальчишку он всему научил уже. Никакая охрана им не нужна, потому как любой разбойник радешенек будет, коли ноги от них живой унесет, а не то что, им навредить. Зачем уж старику нашему Кришана, одним богам ведомо. Хоть она и знатный воин, да только куда против его-то силы!..

Ее зовут Кришана? – мысли Атара мгновенно перенеслись к новой загадке, - странно, я когда увидел ее, подумал – Хрисана – Золотая Богиня. Почему так?

- Ты не ошибся, молодой господин, эта женщина ценнее многих сокровищ. Она сама – сокровище.

Кришана – так называли землю ее родины. Горы, поросшие густым лесом, речки, звенящие по камням, спешащие к холодным голубым озерам...

Она помнит, а с нею, помню и я, большие влажные глаза оленух, их развернутые, как лепестки цветов, изящные уши, пятнистые бока. Звенит тетива, стрела летит в пеструю живую гущу... Мгновение, и словно гигантская рыже-белая волна уносится в чащу, оставляя на поляне одиноко лежащее тело. Глаза подстреленного зверя тускнеют, голова бессильно падает – он вянет, подобно тому цветку, что сорвала сегодня утром девочка. Кришана опускается на колени рядом с мертвым оленем, проводит рукой по все еще шелковистой шерсти и надолго замирает в неподвижности, объята непонятным, не испытанным ранее чувством. Проходит много времени, прежде чем она очнется разбуженная стуком копыт и голосами – ее ищут.... На поляну с разных сторон выходят люди. Они встревожены и обрадованы. Девочку тормозат, хвалят и несут на руках сквозь лес.

Вечером в их селении праздник – праздник в ее честь. Ее первый олень освежеван, разделан и теперь жарится над огнем. Его рога украсят вход в святилище, а череп будет устрашать врагов, красуясь на ограде среди десятков других черепов. Мать Кришаны – вождь воинов и охотников, сестра ее матери – верховная жрица, а сама восьмилетняя девочка – преемница титулов обеих.

Во время торжественной церемонии объявления Кришаны наследной принцессой, она вопреки обычаю жертвы, приносимой Великой Матери, ставит на алтарный камень чашу с медом, вместо чаши с кровью. Верховная жрица и вождь переглядываются, но не останавливают ее, - это таинство каждый вправе совершать по своему разумению. Люди племени немного удивлены, однако, не

слишком. И только старая Ката – кормилица Кришаны бормочет едва слышно: «Знаки...Знаки... Светлая Королева...»

Праздник идет своим чередом. Вот певцы затаили ритуальный гимн, музыканты отбивают ритм на барабанах, сделанных из выдолбленных стволов деревьев и обтянутых шкурами. Гимн посвящен Великой Матери, Вечно девственной Родительнице, Той, Которой служат Девы. И о самих Девах поют в этом гимне, славят их подвиги.

Львицы в своей ярости не столь свирепы,  
Как Девы Великой Матери, идущие в бой.  
Врагов они разрывают на части без жалости...  
Филин и ястреб не так удачливы на охоте,  
Как Девы Великой Матери с луком и стрелами...  
Народ их не знает нужды и голода!..  
Цветы и травы не столь целебны,  
Как взгляд и руки Дев великой Матери.  
Хворь любую излечивают и раны  
Исцеляют они...

Это не было пустым славословием, Девы представляли собой небольшую привилегированную группу в их племени. Они жили отдельно от всех. Посвящали все свое время боевым тренировкам, охоте и врачеванию. Обычай освобождал их от обязанности рожать и воспитывать детей, возложенной на остальных женщин племени, замуж они выходили очень редко, как например, это было с матерью Кришаны.

Соседнее племя объявило им войну и оказалось побежденным. В качестве мирных даров они прислали огромную бадью меда, стадо молочных коз, связку луков и стрел, несколько мечей и венки красных цветов – предложение породниться. Верховная жрица благосклонно приняла все дары кроме венка – победитель не вступает в родство с побежденным! А через месяц, во

время облавы на волков, ее сестра - царица оступилась на раскисшей от осенних дождей тропе и едва сама не стала добычей озлобленных хищников, идущих живой лавиной в сторону редколесья, где искусно укрывшись их поджидали Девы. Предводительница отчаянно сражалась, но подвернувшаяся нога, а хуже того, раненая рука делали бой неравным. Она не звала на помощь, ведь тогда сорвалась бы охота, а это дело племени. Чувствуя, что силы покидают ее, она обратилась к Матери, вскинув руки и высоко подняв голову, задыхаясь запела гимн... И тот, кто скрывался в зарослях и не решался прийти на помощь, боясь оскорбить в ней воина, отбросил все, что мешало и сковывало, запреты и наставления, церемонии и обычаи, перестал быть царем и полководцем побежденным на поле боя... Остался просто влюбленный мужчина, спасающий свою любовь.

Конечно, это был знак. И никто не смог или не захотел оспорить решение двух царей. И красный веночек был принят, на сей раз без возражений. А через год родилась Кришана.

Атар увидел его, вроде бы, случайно – привычно окинул взглядом лесную опушку и уже было шагнул в сторону, но краем глаза уловил какое-то движение в кустах. Ни секунды не раздумывая, рухнул в траву, затаился и стал наблюдать.... Кусты шевелились, ветки хрустели – кто-то неуклюже лез напролом. Вот замаячило смутно что-то белесое, зеленый занавес распахнулся и из кустов появилась лошадиная голова – жеребенок! И к тому же, белый!

...Сколько он себя помнил, всегда в его жизни присутствовали два чуда – море и лошади... гигантская чаша, полная невероятной синевы, несмолкающий гул прибоя в скалах и вкрадчивый шелест волн, наползающих на песок пляжа – лениво и неутомимо, бесконечно и вечно – это море. Вторая часть жизни – лошади. Всегда. С самого

первого раза, когда он совсем маленький сбежал из-под бдительного надзора няньки, пробрался в конюшню – запретное для малыша место – и, замирая от восторга перед сбывающимся чудом, протянул на раскрытой ладони кусок лепешки... А когда лошадь мягкими губами осторожно взяла угощение и позволила погладить себя кончиками пальцев, Атар понял, что теперь не сможет обойтись без этого.

Он прибежал туда каждый день вопреки запретам, уговорам, наказаниям. Кормил их яблоками и хлебом, гладил их атласные лбы, смотрел в их блестящие глаза, разговаривал с ними на особом, только ему и им понятном, языке. Няньки отчаялись что-либо сделать с мальчиком и, боясь ответственности (да не допустят этого Боги!), если вдруг лошади покалечат ребенка, пожаловались его деду. Отец Атара был начальником одного из пограничных отрядов и дома бывал не часто, проводил большую часть времени в патрулях, объезжал коней, тренировал молодых воинов.

Деду было около пятидесяти. Он занимал высокий пост в Совете Мудрых, имел важный вид, но втайне тосковал по тем временам, когда сам носился верхом во главе отряда конников, ночевал на голой земле и ел походную похлебку из общего котелка на привалах. Атар понял это, заглянув в его искрящиеся смехом глаза под насупленными бровями. Однако, в присутствии посторонних дед держался неприступно – он успокоил и отослал няnek, пообещав разобраться с нарушителем. Оставшись один на один с мальчиком, он долго молчал и заговорил только после того, как Атар уже не на шутку забеспокоился, не совершил ли он чего-то на самом деле ужасного. Он вспомнил про себя нравоучения матери, советы старшего брата, который уже год как занимался с настоящими наставниками, особенно тщательно повторил наказ отца помнить о чести царского рода, и не нашел за собой вины.

- Ты слишком мал, чтобы одному ходить к

лошадям, и слишком мал, чтобы иметь наставника, который оберег бы тебя от опасностей мужской жизни, - голос деда показался излишне громким и грозным, – но ты похож на своего отца. И на своего деда. А любовь к лошадям – у нас в крови. Что же нам делать?

Атар слушал затаив дыхание, ведь если сейчас дед запретит ему вылазки в конюшню, ему придется еще два года ждать своего шестого лета, когда к нему приставят учителя, который будет тренировать его для боев и походов, обучать верховой езде, владению оружием. Два долгих года под присмотром няnek в кругу ровесников, где его единственным конем будет черенок от метлы с приделанной к нему тряпичной головой лошади - эту игрушку подарил ему старый конюх. Добрый человек думал, что для такого малыша сгодится и эта лошадка.

Неожиданно все решилось как нельзя лучше – дед решил сам заниматься с мальчиком при условии, что тот не будет ходить к лошадям один. И с того дня каждый вечер они вдвоем шли на конюшню, где кормили и чистили коней, или на пастбище, подсматривать за лошадиной жизнью на свободе, по внешнему виду определять способности и характер лошадей, изучать их повадки – учиться. Атар тогда не задумывался, что учиться приходилось только ему, ведь дед знал все это лучше иного конюха, но учил внука так тонко и незаметно, что Атару казалось, что все открытия совершает он сам. Знания, приобретенные таким способом всегда крепче и точнее, любых других, и теперь, лишь бросив беглый взгляд на лошадь, он может рассказать чем она болела в своей жизни, каков ее норов и как проще всего завоевать ее доверие.

А в этом походе он знал всех коней! И тех, что несли воинов, и тех, что тянули повозки жрецов, и еще целый большой табун заводных... и не было среди них белого жеребенка! Это он знал точно. Вообще, не было никаких жеребят! Атар потрянул головой, зажмурился и снова открыл глаза – жеребенок остался. Маленький,

немного слишком мохнатый – месяца четыре, не больше. Он бегал взад – вперед по мокрой траве и туман плескался у его копыт как мелкая вода.

Все свое знание о лошадях, которым так гордился, мальчик, словно, мгновенно потерял и, вместо того, чтобы осторожно подкрасться к незнакомой лошади по всем правилам ловчей науки, он поднялся во весь рост и прямо пошел к жеребенку. Тот заметил человека, прекратил свою беготню и стоял, наблюдая. Не убежал, даже не отпрыгнул в сторону, а когда Атар подошел совсем близко, боднул его в плечо. От неожиданности мальчик покачнулся, ноги его заскользили на мокрой от росы траве, он отчаянно замахал руками, пытаясь удержаться, и грохнулся со всего маху на землю...

Солнце пригревало закрытые веки и, сквозь них, Атар видел огромный пламенеющий шар, парящий в зеленой тьме. Он пришел в себя, но не спешил открывать глаза, хотел побыть один, подумать. Что-то было не так. Никогда не случалось с ним такого, чтобы он второй день подряд терял сознание. Вчера – белые птицы, сегодня – белый жеребенок.... Послышались легкие шаги, голос у самого уха негромко произнес: «Мой повелитель просил молодого господина прийти в его шатер». Атар мгновенно оказался на ногах – наваждение продолжалось. На этот раз – человек в белой одежде, голова закутана, лицо скрыто складками капюшона. Мальчик рванулся к незнакомцу, однако, его реакция оказалась куда быстрее, и Атар в третий раз за последние два дня оказался поверженным. Приходить в сознание уже не хотелось вовсе, к тому же, сильно ныло ушибленное плечо, но голос, звучащий нежно и просительно, не давал соскользнуть обратно в небытие: «Атар, очнись! Атар, тебя зовет Ракош!». - Кто это - Ракош? – мальчик открыл глаза. Над ним склонялась женщина в белом платье, белый плащ лежал у ее ног, волна золотых волос заливала ее плечи – Хрисана...

Зеленые крутобокие холмы, покрытые густыми дубравами, широкая река меж ними и бирюзовый купол надо всем этим – место было похоже на гигантский храм, наполненный тишиной и невидимым Присутствием. Это чувствовали все, от верховного жреца до простого воина, стоящего в карауле. Даже животные, похоже, почувствовали необычность этого места и прекратили свои игры и ссоры, шли спокойно, почти отрешенно. Обоз замедлил скорость, двигались в тишине, только поскрипывало какое-то плохо смазанное колесо. Быстро темнело. Холмы расступились, открывая, большое поле и взору предстали тысячи огней – костры, разложенные среди тысяч шатров, словно отражение звездного неба. Огни и тьма!

Над лагерем висел ровный монотонный шум: люди пебрekliкались, лошади и воны требовали корма, бряцало оружие, звучали отрывистые команды, жрецы вели вечернюю службу. Вечность отступила перед необходимостями жизни.... Их обоз вливался, подобно ручейку, в огромное озеро, состоящее из множества подобных обозов.

Весь следующий день был занят обустройством лагеря. И весь день Атара мучили вопросы. Вечером он пришел к шатру Ракоша. Старик, словно бы ждал его, - сидел у огня и смотрел на мальчика. Смотрел, как всегда, не открывая глаз. Атара в который раз поразила его невероятная худоба, подчеркнутая сполохами пламени, и вместе с тем, он почувствовал невероятную силу этого существа. Именно, существа, поскольку назвать его человеком Атар уже давно не решался.

Мальчик поклонился, прижав ко лбу раскрытую ладонь – так у него дома приветствуют царя, но только этот салют он нашел подходящим, чтобы выразить почтение старому Ракошу. Сел напротив него, так что костер оказался между ними, мысленно сосредоточился и задал свой вопрос в уме, не произнося ни слова. В ту же секунду он получил ответ. Подробный, исчерпывающий,

но не принеся успокоения. Впрочем, он уже привык к тому, что ответы Ракоша не дают покоя, а приводят к новым вопросам. Однако, он имел право задать лишь один вопрос – такой обычай установился у них с того случая, когда Атар был призван Ракошем. Сегодня он спрашивал о людях на равнине. Конечно, он уже догадался, что все они пришли сюда по той же причине, что и его соплеменники, они привезли Жертву. Стать пищей Великого Змея – огромная честь, ибо Великий Змей хранит этот мир от распада и гибели – это Атар слышал с самого детства и принимал как данность. Теперь же, после ответа Ракоша, он знал, что стоит за этой сказкой и ощущал всю беспредельность существования и бесконечного одиночества Несотворенного, которого они называли Великим Змеем. И еще он узнал неожиданное, что и он, Атар – тоже Жертва змею, то есть, он может ею стать, если захочет сам.

Все смутные, неясные ему самому порывы, все, что влекло куда-то, звало к подвигу – все это прояснилось и оформилось. Его предназначение в этой жизни предстало перед ним ясно и определенно, как что-то давно известное, но почему-то забытое. До рассвета мальчик не сомкнул глаз.

Едва небо осветилось розовым, Атар был на ногах. Он шел к шатру старшего жреца, и сердце его колотилось, как после длинного забега на соревнованиях этой весной, когда он далеко обогнал своих соперников и был допущен к тайному обряду встречи с Божеством. Тогда он провел ночь и день в маленькой комнатке без окон в полной темноте, а на следующую ночь за ним пришел посыльный, взял за руку и вывел из кельи. Они шли бесконечными коридорами, долго спускались по холодным крутым ступеням, все время вниз, откуда доносились вначале едва различимое, потом все более отчетливое стройное пение. Только слов Атар разобрать никак не мог. Провожатый

остановился и сделал знак не двигаться, потом исчез. Мальчик остался один в кромешной тьме. Пение приближалось, ритм слов и вибрация голосов создавали ощущение плотности воздуха, словно бы звук давил на кожу. Атар почувствовал, что невидимые руки коснулись его лица, это прикосновение было ни на что не похоже и одновременно напоминало о чем-то, но он так и не смог тогда понять о чем. Неожиданно вспыхнул свет, или это ему показалось, такой оглушающей была вдруг наступившая тишина. Из мерцающего круга вышел сотканный из света воин в сияющих доспехах и протянул мальчику меч, отлитый из света... сейчас у входа в шатер Атар отчетливо вспомнил и пение, и свет, и воина.

Полог распахнулся и в серый рассветный сумрак шагнул высокий худой мужчина в белой одежде жреца. Он тоже казался нереальным, но Атар знал, что это человек из плоти и крови, хотя и необыкновенно могущественный – старший жрец Нера. В его власти были жизни всех воинов в этом походе, и в совете вождей он имел право решающего голоса. Уже несколько раз он личным приказом отменял решение совета. Молодые воины роптали, но не долго – после того как изменение маршрута, согласно указаниям Нера, помогло избежать верной гибели половины отряда в болотах, куда их заманили воинственные племена, встреченные в пути, а лошадей пришлось оставить без свежего корма, зато удалось сохранить им жизнь, - возмущение молодежи сменилось молчаливым принятием авторитета жреца. Теперь этот загадочный человек стоял в полушаге от Атара и смотрел ему в глаза. Этот взгляд смутил мальчика, но лишь на мгновение, не более. Он набрал полную грудь воздуха и выпалил не переводя дыхания: «достоцитимый служитель, позволено ли будет мне предложить жертву Великому Змею?»

- О чем воин хочет просить Великого?

- Самому стать Жертвенным Агнцем.

Ничто не дрогнуло в лице жреца. Воздев руки к небу, он

торжественно произнес: «Да будет по-твоему!». На звук гонга бесшумно появились два младших служителя, встали слева и справа от Атара, положили с обеих сторон руки ему на плечи и повели в сторону реки.

Так Атар стал одним из Агнцев. Жил он теперь в шатре жрецов, участвовал в ежедневных службах, пении гимнов и молитв, изучал тайны священных свитков. Поначалу было ему трудно, размеренность жреческой жизни выбивала из колеи, хотелось выбраться в лес на охоту, посостязаться с воинами в стрельбе из лука, и, уж конечно, грызла тоска по лошадям. Это был первый случай в его жизни, когда за его конем стал ухаживать кто-то другой. Но учиться было интересно, и это искупало неудобства новой жизни. Под руководством младших служителей они собирали травы, пробовали готовить из них целебные мази, разучивали священные танцы и песнопения, но самым сложными и, буквально, заморозившими Атара, были уроки по, где им объясняли смысл мифов и сказаний.

Он всегда любил слушать сказки, - и простые, из тех, что напевала вместо колыбельной старая кормилица, и длинные, хитро сплетенные сказания в исполнении придворных певцов во дворце на родине. Теперь же он узнал, что за красочной внешней стороной сказки кроется глубокая, порой пугающая своей необъятностью, суть.

Лето плавно переходило в осень. Окрестные холмы сменили изумрудный цвет на позолоту, небо утратило бездонность и все чаще закрывало свой лик тучами, солнце уже не жгло, а лишь пригревало ласково и лениво. На равнине между холмами выросло целое поселение, укрепленное рвом и частоколом из длинных бревен. Внутри, под защитой стен, располагались жилища для людей, наполовину врытые в землю, крытые бревнами и дерном, конюшни, загоны для волов и коз. Шатры были убраны, остался только самый большой с

алтарем, где день и ночь горел священный огонь, и жрецы по трое читали священные тексты. Атар ежедневно с другими Агнцами приходил поклониться огню, и каждый раз его поражало ощущение, возникающее при этом где-то в груди – казалось, что сердце становится вдруг пустым и гулким как колокол и грозит звуком разбить клетку бральной плоти. Мальчик сильно изменился за эти несколько лун, сал будто старше, серьезнее, сдержаннее. То новое, что он узнал о прошлом и настоящем рода человеческого, со всеми его взлетами и падениями, оказалось тяжелой ношей для его сознания. Подавляли не сами события, о них он знал и раньше от своих прежних наставников, но подоплека, скрытый смысл, понятный только посвященным – он не имел ничего общего с точкой зрения обычных людей. Тех самых людей, что своими руками творили историю, гибли сами и лишали жизни других, строили и разрушали, любили и ненавидели. Атар осознал, что они подобны детям, играющим летним полднем на опушке леса, собирающим цветы и любующимся на ярких мотыльков, резвящимся беззаботно и рассеянно. Одним из них до недавнего времени был и он сам – просто жил, радуясь и горюя, как любое живое существо этого мира. Теперь он знал, что возможна другая жизнь, вне эмоций, вне множества желаний, сходящих человека, жизнь, подчиненная одному устремлению, однонаправленная как стрела. И огонь алтаря, словно бы горел теперь в его сердце.

Атар сидел у очага. В котле над огнем кипела темная жидкость. Мальчик так задумался, что позабыл о своей обязанности присматривать за варевом, - кипяток хлопотал, сотрясая котел. Занавес у входной двери медленно отодвинулся, и в проеме показалась косматая голова – Веор! Атар очнулся от забытья.

Веор осторожно огляделся и вошел, лишь когда убедился, что в землянке больше никого нет.

- Будь здоров, молодой господин! Ты, верно, забыл старого Веора? А Веор тебя не забыл, – мужчина с шумом

втянул воздух в нос и поморщился, - Чем это здесь так пахнет?! Похоже на...

- Да это травы. Мне поручили приготовить отвар, а я задумался и, кажется, передержал его на огне...Веор, я как раз думал о вас, о тебе, Кришане...Ракош, как он?

- Нам то что сделается! Мы – все те же. А вот ты на себя не похож стал, худой какой-то, тихий.

- Я просто думаю, Веор. Теперь я очень много думаю...

- Ну ты и раньше этим отличался, но не худел, да и поживее был.

- Раньше все было просто, теперь – не то.... Думал, но не жил в мыслях. Обдумывал действия, события, но не умел действовать мыслью, понимаешь?

- Что же, они обучили тебя колдовству? Теперь ты тоже можешь приказать пламени погаснуть или птице – упасть замертво, и они послушаются тебя? Как Ракоша?

- Нет, Веор, этого я не умею, да и не главное это. Я говорю о другом...

- Ох, темно ты говоришь, молодой господин. Ох, темно.

Близилась зима. Погожие дни выдавались все реже. По утрам на траве лежал иней. Зима приближалась неспешно, но неотвратимо, отвоевывая день за днем то куст ракиты, то одинокий тополь, потом – березовую рощу и маленькое озерко у подножия священной горы. Однажды утром, придя набрать воды для утренней службы, Атар обнаружил, что вода подернулась тончайшей пленкой льда. Для него, выросшего у теплого моря, замерзший водоем был новостью. Конечно, он видел и лед, и снег на горных перевалах, но там все эти глыбы выглядели такими незыблемыми, что он и не задумывался об их природе. Здесь же, когда буквально на глазах вчерашняя вода вдруг стала камнем, его пронзила мысль о сложности устройства мира и благоговение перед

той мудростью, которая из нескольких простых частей создала неисчислимое множество различных, так не похожих друг на друга вещей. Восторг и гордость причастности к этому великому чуду наполнили все его существо. Первый луч солнца стрелой ударил из-за горизонта, вызолотив каймы сизых туч и отразившись розовым от ледяного зеркала. А через пару дней выпал снег. Тучи шли стадами, тяжелые, неповоротливые, налитые сумраком, как коровы молоком в конце дня. Небо прижалось к земле. Казалось, еще мгновение, и оно сомнет холмы, реку и поселение под горой...

На ночном небе зажглась хвостатая звезда – Великий Змей направил свой полет к земле. С каждой ночью Он подходил все ближе, и знающие уже различали Его изумрудный венец и багровые зрачки. Атар тоже видел Его в магическом зеркале, скрытом в глубине пещеры. Там в темном гроте в каменном полу был устроен круглый водоем, вода в котором медленно, очень медленно вращаясь, уходила под землю, а через круглое отверстие в своде в ней отражалось звездное небо. Только звезды в отражении были намного крупнее и ярче, чем на небе, а Звезда – Змей была видна еще отчетливее.

В день зимнего солнцестояния в лагере на равнине кипела оживленная деятельность - все готовились к празднеству. А внутри горы, в огромной, просто громадной пещере, тысяча Агнцев, одетые в белые просторные одеяния ждали своей участи, лежа на каменных пьедесталах. Холодные и бездыханные, словно мертвые. Но это была не смерть, а лишь крайняя степень сосредоточенности и отрешенности, способность, обретенная многолетними упорными занятиями. Среди них был и Атар, он еще не так хорошо владел своим телом и сознанием, и, в отличие от остальных, смутно воспринимал происходящее вокруг. Он видел, как жрецы один за другим покидали пещеру, унося с собой факелы.

Вот ушел последний, и дымный хвост копоти втянулся в коридор следом за ним. Но кто-то остался...

В полусонном сознании мальчика лениво шевельнулось недоумение – кто? Через несколько часов явится Змей, а встретиться с Ним лицом к лицу мог лишь тот, чей разум усыплен как у Агнцев, как у него самого сейчас. Надо предупредить!.. Атар пытался вернуться в дневное сознание, но тело не отзывалось – слишком глубоко он погрузился в священный сон.

Тем временем, невидимый безумец, словно услышав тревогу мальчика, приблизился к его ложу, склонился к изголовью – Ракош! Атар мысленно улыбнулся, - все хорошо!

Я видел больше...

Кроме Ракоша в пещере были еще и другие. Я видел их так, как это присуще моему зрению – все они были подобны Ракошу, чистые золотые Пламена, насыщенные Жизнью и Силой, каких нет ни у кого из живых существ земли. Они парили в пространстве, соединяясь и вновь расходясь в стороны, сплетая из собственного сияния бесконечные узоры и знаки. Мне был известен смысл этого танца, но передать его я не в силах – язык людей слишком беден и прост для этих высоких значений. Они кружили, а воздух под сводами пещеры становился все гуще, плотнее, и звуки. Издаваемые Пламенами, лепили из него формы чего-то, что мне неведомо.

Ближе к полуночи движение Огней замедлилось, воздух уплотнился до предела, наступила тишина. Стало слышно, что происходит на равнине у входа в пещеру. Рокотали барабаны, звучали духовые, и низкие мужские голоса пели хором. Перед деревянным идолом, врытым посередине поляны, горел большой костер, в который жрецы лили масло, вино, мед, бросали зерно и плоды. Барабаны гремели, звенела медь.... Через разложенные на

земле девять копий вели черного коня в дорогой сбруе, и огонь костра одинаково отражался багровым в его глазах, на самоцветах повязки, украшающих налобник, и на золотой повязке, закрывающей глаза идола.

...Что-то приблизилось... Что-то из иного мира. Оно стояло в небе над горой и смотрело вниз. Золотые Пламена в пещере образовали круг и вибрировали на месте. Люди снаружи продолжали петь. Хвостатая Звезда глядела на них рубиновым глазом...

Они говорили потом, что слышали шипение и грохот, но не видели ничего, - просто Звезда мигнула и исчезла. Я же видел.

От потолка пещеры вниз в центр круга ударил сине-зеленый луч, и кольцо Огней пришло в движение. Оно вращалось с огромной скоростью, закручивая слева на право зеленый поток света, словно и в правду, Змей вползал и свивал в кольца свое тело. Затем, Он расширился, поднялся и поглотил Золотые Пламена, как Солнце гасит свет ночных костров, зажженных человеком. Но Свет Самого Змея, пройдя сквозь Свет Пламен, изменился, стал, будто бы мягче. Он разошелся концентрическими кольцами и золотой пылью осел на всех, кто находился в пещере. При соприкосновении с этой пылью с телами детей, возникало ответное свечение разных оттенков, но слабое, не сравнимое с сиянием Пламен, исчезнувших в первой мощной вспышке. А кое-где свечения не было вовсе – там тела оказались не готовы к восприятию этого огненного потока. Над Атаром оно светило сильнее, чем в других местах.

И еще в одном месте свечение было сильным, я это почувствовал. Там снаружи кто-то тоже находился в состоянии священного транса, и Великий Змей взял его под свое крыло.

Утром в лагере только и было разговоров об этом происшествии. Веор оказался в центре внимания – он был

одним из свидетелей всего. А вышло так, что собираясь присоединиться к празднующим, он искал Кришану и нашел ее сидящей за их землянкой в странном оцепенении. Тело ее было холодным и твердым, открытые глаза невидяще смотрели сквозь него. Веор в панике бросился к жрецам, и когда один из них, недовольно ворчащий, что, мол его отрывают от важных дел из-за каких-то девчонок, все же пришел, им с Веором открылась удивительное зрелище – девушка, по-прежнему неподвижная, сидящая скрестив ноги, парила над землей в облаке изумрудного света.

## Мохенджо Даро

Судьба моя – менять все, что встречу на пути своем. Рушить незыблемое. Отыскивать признаки гниения в казалось бы, цветущем и сильном.

Эта страна должна погибнуть, чтобы дать начало новому. И этот город с прямыми улицами и зеленью садов, с потоками чистой воды, бьющей на площадях и перекрестках из глиняных труб, стекающей водопадами по ступеням бассейнов, отражающих в своих зеркалах бирюзу небесного свода, и этот город тоже обречен. Ибо, прекрасна лишь оболочка его, душа же – мертва. Душа города – люди, живущие в нем, а они забыли, зачем пришли в этот мир. Забыли смысл и цель жизни человека. Они хотят удержать время, сохранить неизменным все то, что их окружает, и сами хотят оставаться прежними. Они называют его «Город Живых», но через тысячелетия его назовут «Холмом Мертвых», и это название больше соответствует его сути.

Я вошел в город, и невидимая рядом со мной шла Судьба. По мощным белым камнем улицам поднялся я к площади, в кругу прекрасных зданий, и там нашел Его. Окруженный толпой горожан, Он говорил, а они слушали. Слушали, не понимая ни слова из Его речи, наслаждаясь

звучком голоса, медленно покачивая головами и блаженно улыбаясь. Он был ужасающе худ, кожа на скулах, казалось, вот-вот прорвется, а нос, и без того длинный, заострился и вытянулся сверх меры. Растрепанные волосы образовали вокруг головы некое подобие нимба, и закатное солнце подсвечивало их живым пурпуром.

Последние розовые блики растворились в серых сумерках, и Он замолчал. Бессильно упали руки, тоже исхудавшие серые, глаза закрылись, лицо погасло. Люди приходили в себя, словно после сна, оглядывались, трясли головами, терли руками глаза... Только двое детей, сидевших у самых Его ног, продолжали смотреть на Него. Площадь опустела. Я подошел к кучке лохмотьев, которая только что была Голосом Бога. Обессиленный Он сидел, прислонясь к ограждению фонтана, и каменные чудовища на барельефе выглядели гораздо более живыми, чем Он. Я взял Его руку в свою и вылечил Его. Он не удивился, не поблагодарил, не попросил помощи. Да и не в моей власти было помочь Ему! Эти существа не могли взять то, что Он так щедро раздавал. Их форма не вмещала этих даров. А те двое, что немного отличались от остальных, были еще слишком слабы. Нужны годы, пока они вырастут, а этого у Него не было...

Через два дня в Праздник Длинной Ночи они убили Его. Отсеченную голову Его в драгоценном ларце принесли Владычице. Огромная пещера казалась пустой, несмотря на то, что здесь собралась почти тысяча жрецов и служителей. Было тихо, не слышно даже дыхания, только падали где-то одинокие капли с высокого свода. Ожидание длилось бесконечно, но никто не проявлял нетерпения. Наконец тусклый свет стал немного ярче – это взошедшая луна отразилась в зеркалах, развешанных по стенам пещеры. Где-то в невообразимой дали запела флейта, рассыпалась барабанная дробь, лучи зеркал сошлись в центре зала. Фигура, до глаз закутанная в черное, двигаясь странно, будто скользя в воздухе,

бесшумно и быстро поднялась над толпой. Все склонились и произнесли торжественное приветствие. Старший Служитель с поклонами поставил ларец к ногам существа в черном.

Света словно бы прибавилось, стали отчетливо видны очертания тела, до странности высокого и узкого, длинный шлейф одежды, вытянувшийся за спиной, и лицо, закрытое маской, напоминающей змеиную голову. Затянувшееся молчание показывало, что ритуал нарушен. Среди собравшихся начался ропот, перешептывания, Старший Служитель выглядел растерянным.

- Скажи, Царственная, разве наш дар не угоден Тебе? – голос старшего пресекался.

Тяжелые веки, скрывавшие нечеловеческие глаза, дрогнули, но не поднялись, лишь колыхнулись мрачные одеяния.

- Глупцы...- свистящий шепот напоминал шипение, - Это был ваш единственный шанс...

Долгая пауза, недоумение на лицах.

- Сотни лет Он, а до Него Его Учитель, и Учитель Его Учителя спасали город и вас от гибели. Лишь от того, что в городе был хотя бы один Живой, вам было позволено жить. Все Они пытались разбудить вас. Они просили отсрочить вашу гибель. Надеялись, что вы способны измениться... Вы убивали Их Одного за Другим, но оставались ученики, те, кого Им удалось разбудить... А у Него не было Преемника, значит в этом городе больше нет живых... Сегодняшняя Длинная Ночь будет самой долгой для вас. Никогда больше не родитесь вы вновь. Ветер и Пустота заберут ваши тела, как было с вашими соплеменниками тысячи лет назад. Вы кичились тем, что уцелели в гибельной пучине, считали себя избранными.. Знайте же, что лишь благодаря Ему, вам была дарована жизнь. А теперь идите и танцуйте перед Вечностью, что пришла за вами.

Голос смолк, и гигантская змея, плавно свивая кольца своего блестящего черного тела, скрылась в

темном проеме в стене.

...Всю ночь в городе звучала музыка. Тысячи людей танцевали на улицах, взявшись за руки, с отрешенными лицами и бледным светом луны в широко раскрытых глазах. И среди танца в бесконечной цепочке сомкнутых рук то и дело возникали бреши. То один, то другой из танцующих просто исчезал, не оставляя после себя даже воспоминания, - Владычица взялась за работу...

\*\*\*



## *Шри Махадэва Ади Нидана*

Тульская обл., пос. Головеньковский

Не падал Ангел, ломая Крылья о Заборы,  
И Не блистал Не Красный Цвет Не Крови,  
Чертя Прерывистой Чертой Судьбы Узоры,  
Не Кровь текла, Не струйкой, Не на брови.

Не Боль, Не Стон носились меж Заборов,  
Касаясь Слуха Тусклых Лиц под Светом.  
Нет Криков над Землей и Нет Укоров,  
Не падал Ангел Ночью и Не Летом...

\*\*\*

Каждая Антиматериальная  
Математическая Величина –  
Проявляется  
На  
Плане Форм (Рупа),  
Как  
Постоянно  
Меняющееся Образование,  
Выраженное  
Числовым рядом Двойственности (Двайта),  
Заключающим  
В  
Себе -  
Горизонтальные  
И  
Вертикальные  
Математические Алгоритмы Недвойственности  
(Адвайта),  
Которые Удерживают  
В  
Себе -  
Семеричный Принцип Форм (Сапта – Рупа).

\*\*\*

Неустойчивость  
Данного ряда чисел  
Базируется  
На  
Их  
Объективной Трансформации  
В  
Период Перехода  
От  
Числа  
К  
Символу  
И

Обратно,  
При Котором  
На  
Плоскости Перехода  
Образуется  
Детальная Связь  
Между Объектами  
С  
Разным  
Математическим Потенциалом,  
Не  
Нарушающим  
Основного  
Эволюционного  
Принципа Семеричности.

\*\*\*

В  
Пределах  
Десятичного Ряда –  
Процесс Аналогичен,  
Разница Только  
В  
Том,  
Что  
В  
Десятичном Аспекте  
Нарастает  
Изначальная Величина,  
Которая,  
В  
Конце  
Десятичного Ряда,  
Создает  
Точку Числового Кризиса (Лайа).

\*\*\*

Для  
Двойственности (Двайта)

И  
Недвойственности (Адвайта)  
На  
Плоскости  
Эволюционной Трансформации Числа,  
Их  
Потенциальные  
Символические Ряды  
Также, Создают –  
Естественную Точку Кризиса (Лайа),  
В  
Которой  
Объективно  
Формируется Процесс  
Последовательных Символов,  
Который,  
В  
Свою Очередь,  
Определяет  
И  
Саму Деятельность  
Линейного Ряда Чисел.

пустой подъезд

Кивок.  
Движение плечом.  
Немного сленга.  
Поджатость губ  
И разговоры  
Ни о чем.  
\*\*\*

Рекой – вода,  
Тяжелый гул  
С небесных труб.  
Но некуда  
Идти вдвоем...

\*\*\*

Сломалось что-то  
Там, внутри...

\*\*\*

А дождь  
Смывает боль  
Ручьем...  
И плачут фонари.  
Пустой подъезд,  
Окна оскал.  
Все развалилось  
Вмиг...

\*\*\*

Тебя  
Я больше  
Не искал...

\*\*\*

Углы  
Настойчиво молчат.  
Слетает пыль  
Со стен.  
Утих  
Ночной погром.  
Глаза  
Отчаянно кричат.  
Опять  
Блефуют фонари,  
И стыло – за окном.

\*\*\*

## Линейность

К  
Плоскости Орнаментальной  
Проявленной Композиции,  
Не  
Пытавшейся Менять  
Своей  
Основной Позиции,  
Относятся Также  
Другие Композиции,  
Способные  
В Назначенный Час,  
А,  
Возможно, и Срок,  
Создавать  
Рельефные Выделения,  
(Без Всякого Сомнения),  
Не  
Пренебрегая,  
Не Смотря  
На Рассеянность Взора  
(Совсем Без Прибора),  
Молчаливыми  
Линейными Элементами,  
Которые,  
(Не Страхась Ответственности),  
На  
Подсознательном Уровне,  
Пренебрегая Опытном  
Предыдущих Эпох,  
За  
Счет  
Сдвига Частей  
Всего Целого,  
Решают

Общие Задачи.

\*\*\*

И

Весь

Профильный Элемент,

Ниспосланный Нам Свыше,

(Заняв Двойную Нишу),

С Точки Зрения

Трансцендентной Выразительности,

Предстает

Во

Всей Красе

Линейного Элемента...

(Не

Зная Проблем

Основного Клиента),

Базируясь

На

Фокусе Числа,

(Как

На

Хвосте Осла),

Любого Ряда

Линейного Профиля,

(И,

Не Учтя

Престижность «Опеля»),

Состоящего

Из

Направленных Линий...

\*\*\*

А

Также,

Хилых Силуэтов

Манекенщиц,

Полосовидной Формы,

Образующих  
В Своем Экстазе  
(На  
Фирменной Вазе)  
Линейные  
Тени и Блики.

\*\*\*

И  
Флаги  
Из Пальцев  
Нам Принесут  
Кукиши Алой Зари  
(В Период Ненастья).  
В  
Экстазе Линейном –  
Ори  
На  
Флагмане Счастья.

## Инжирное

Ах!  
Твой Поцелуй,  
Как Вызов  
Партнера на Ринг.  
И  
Я  
Удивленный,  
Мечусь  
Меж Канатами  
В  
Свете Софитов  
Пространства Тюрьмы  
Родного Балкона,...  
Пытаясь  
Создать Витражи

Из Звука  
Твоих Поцелуев,  
Но  
Только, не Жди,  
Что  
Звук Их Чудесный  
Я  
Буду Гасить –  
Добавкой  
Безумных Страстей  
Из  
Прочих Добавок,...  
В  
Основе Которых –  
Сладчайшая Вязкость  
Инжира.  
Не Думай,  
Что Я  
Так Безумен  
И Глуп...  
Инжир  
Лучше Съем Я,  
Втихую  
В  
Ночи...  
О!  
Нет!  
Не Кричи...  
Не Кричи...  
Не Кричи...  
А Впрочем, -  
Кричи...  
От...  
Ударов  
Перчаток... Инжирных  
По Сердцу

Моей Тенеформы.  
Твой Вызов  
Так Глуп;  
И  
Сила Ударов  
Меня  
Не Смущает.  
Не Чувствуя  
Запах Инжира,  
Ты –  
Все Потеряла.  
Сегодня...  
Сегодня,  
Вчера  
И  
На Завтра,  
На Годы...  
Возможно,  
Столетия Спустя,  
(Как  
И  
В Прошлых  
Столетиях),  
Наевшись Инжира,  
Метнешься  
По Рингу,  
Как Тень...  
От Собаки,  
Лизнувшей Инжира;  
И Молча, Оближешь  
Мне Плечи Худые,  
Покрытые Слоем  
Инжировой Мази...

\*\*\*

## Цыганская Луна

Посвящается Ф.Г.Лорке

Мешки в Пыли лежат в Углу.  
Картофель убран. Воздух душен...  
Зудит Ладонь, возьму Иглу –  
Мешки зашью... Стакан - осушен...

В честь завершения Уборки;  
А на Столе, в Густом Вине  
Плывут Стихи Гарсиа Лорки.  
Плечом задев Гитары Колки,

Я повалился с Воем на Пол;  
И по Лицу – Металлом Колок...  
А Лунный Взгляд Слезою капал,  
Блуждая нервно между Полок,

Ища Ребенка, как Цыгане,..  
Сбивая Пыль, кружась на Стенах,..  
Но я лежал, пlying в Дурмане,  
И стыла Кровь в Набухших Венах,

Сетями Плоть мою обвивших,  
Держащих Жизнь в Своем Каркасе;  
Строку и Кровь не разлюбивших,  
Строку и Смерть, как на Парнасе...

Влекущем Жизнь в Гробы на Полках,  
Где Мысль лежит под Гнетом Плоты;  
А я лежу Лицом на Колках,  
И Сердце – в Такт, Ни За, Ни Против...

\*\*\*

## Муха

Муха Осенняя – Взломщик.

Крыльями,

Как Стеклорезом,

Дыр Нарезала...

В Окнах...

Дыры

В Окнах

Превращаются

В

Черные Дыры,

Поглощая Свет

Моей Вселенной;

И

Вселенная,

Как

Смертельно Раненый

Бык,

На

Барселонской Арене,

Обливаясь

Потом Кровавым,

Мечется

В

Пространстве

Космического Борделя...

И Рвутся

Звездные Связи.

Сжигают Солнца

Горние

Вершины Целей,

Не Имеющих

Смысла.

Горячий Песок,

Вперемешку

С

Хлопьями Снега,  
Засыпает  
Эдемские Сады,  
Потерявшие  
Надменные Тайны;  
И  
Ангелы,  
С Пыльными Крыльями,  
Сбившись  
В  
Жалкую Стайку,  
От Страха,  
Застыли,  
Как  
Монументы Гранитные ...  
Только...  
Муха Осенняя – Взломщик,  
Крыльями,  
Как стеклорезом,  
Режет  
Черные Дыры...

### Черный Снег

Не...  
Шепчет Поле  
Черной Травой,  
Не...  
Плачет Рожь  
Зерном Черным;  
Только  
Юный Лик  
Обрастает Молвой,  
Как...  
Гарью Снежной.  
\*\*\*

И...  
Взгляд...  
Непокорный...  
В Бездну,  
Как  
В Вечность...  
Черный Снег -  
На Ресницах  
Безмолвного Взгляда...  
Пламени Струйка  
Из сомкнутых Уст.  
\*\*\*

Бездна Его  
В...  
Череди Ряда  
С...  
Ним,  
Стоящих,  
Без Плоти;  
И...  
Награда:  
«По-Взводно,  
По-Ротно...  
И, - Лично –  
В Небо,  
Беспрекословно!..» -  
Командует Ангел –  
Бывший Ротный.  
\*\*\*

Я –  
Не был Там,  
Безусловно,  
Но знаю,  
Что...  
Так и Было.  
\*\*\*

И...

Время;  
Шепотом Поля,  
Травую Черной,  
Плачем Ржи –  
Омыло  
Юные Лики.

\*\*\*

И...  
Гарью Снежной,  
В...  
Бездну –  
Память,  
Без Плоти,  
Швыряя Блики,  
Черного Снега  
На...  
Струйку Пламени  
Из Уст  
Застывших  
На Крике:  
«За Мной!!!»...

\*\*\*

И Плакал  
Родившийся Ангел,  
С  
Наградой Героя,  
Посмертно...

\*\*\*

Да... да... да!...  
Все – Верно...  
Откуда я знаю?  
Не знаю...  
Но...  
Черный Снег  
На Ресницах  
Ангельских Ликов  
Мне – Это поведал...

## ищи Меня...

### часть 1. ЕЙ

Распрями Свое Небо – Всеуе;  
Не Кидайся от Боли к Звездам,  
Лишь Лицо Подставь под Струи –  
Моих Снов и Межзвездным Верстам.

Потянув за собой – «Пустое»,  
Утопи Его в Море Света  
И, Схватив за Плечо «Другое»,  
Разложи на Ухабах Лета...

А потом, Затаись под Мигом  
Той Стези, что Давно Искала.  
Не трясись, словно Раб под Игом;  
Помни лишь, как Меня Ласкала...

Вынь Лицо из Бесплотной Грязи,  
И Омой Дуновеньем Звука,  
Из Которого Варят Мази  
Для Сухой Тетивы от Лука.

И Пади на Колени – Молча;  
И Молчи, пока Спят Зарницы.  
Только слушай – Пение Волчье,  
Что в тебе - словно Трели птичьи.

Здесь Усни, в Этой точке Лживой,  
Закопав Все Пороки Ночи...  
Не Ищи в Темноте Кичливой:  
Ни Меня, Ни Других, Ни Прочих...

### часть 2. ЕМУ.

Ищи Меня на Задворках Галактик;  
Возможно, Выше – в Глубине Вселенной.

Во Мне Звучит Разбитая Кифара,  
Во Мне Звучит Расстроенная Лира.

Ищи Меня под Тяжестью Столетий;  
В Пыли Веков и на Границе Жизни  
С Холодной Бездной, в Сумраке Могильном;  
В Лучах Светил и Облаках Межзвездных.

Ищи Меня в Туманах над Камнями  
Чужих Планет и Городов Забытых,  
Но не Ищи среди Очей Блаженных,  
И не Ищи среди Уставших Ликов.

Ищи Меня как Камень у Дороги,  
Который нужен для Сердечной Муки,  
Но не Ищи, как Россыпи Жемчужин  
Граненых Дней в Осколках Одновременно.

## Графика

Мой Сладкий Сон –  
Во Сне Предчувствий:  
Зигзаги Страстных Линий,  
От Точек Производных  
Звучат в Традиции Минора,  
Где Легкость Звуков Их  
В Офорте Воплотилась,  
Сводя в Одну Судьбу  
И Линии, и Точки...

\*\*\*

Но Тяжесть Пролегла  
В Гравюре через Древо,  
Ломая Плоскость Сна –  
Как Легкий Результат  
Борьбы Реальности  
Под Сном

И Страха Проявления  
Всех Принципов Контраста  
С Надломленным Звучанием.

\*\*\*

Но Снова...  
Легкостью Взыграл,  
На Плоскость Наложив,  
Попутно Все Смешав –  
Сон Литографий...  
И Камнем Покатился,  
Сметая на Пути  
Стабильность Линий, Точек,  
Ломая Суть  
Объявленных Основ...

## Энди

Брук и Денис. Бродвей...  
«Мандиго», снятая с репертуара.  
Поп-арт и «Мона Лиза» Энди.

Вечеринка. Питер Фонда –  
Скромный малый. И косячки –  
По кругу...

Ферус. И в зале первом – «Элвис»;  
А в дальнем – «Лиз»;  
Притворство попа-арта?

Дюшан - в музее Пасадены.  
Пред Тейлором врата закрыты –  
Уиновский пуловер вводит в шок...

Потом «Индец» на «Рей Гант т...»,  
Потом – шампанское в Аткиловых

Бокалах... И удовольствие – напиться...  
Дележка содержимого желудка  
С прекрасными цветами вдоль дороги...  
Дышала ночь над Калифорнией прохладой.

Я не уйду... Усну в Зрачках  
Иконы Энди,..  
Увязнув в них, на долгие Эоны...

## Эпоха Роз

По Ветру – Кубарем; в Пыль – Губами;  
В Эпоху Гаджетов – с Размаха...  
Эпоху Роз Закрой Ключами  
От Скважин в Сердце, и Вараха  
Не Вспорет Зубом Твердь Заката,  
И Тюль Ночная Задраит Двери,  
Как Люк Подлодки, и Утрата  
Не будет Жечь. Твои Потери  
Вновь Станут Частью Былых Прелюдий,  
К Тому, Что Стало на Место Боли;  
На Место Танца, Где Были Люди;  
На Место Круга; Но нету Воли  
В Сокрытом Танце. Скользя Глазами,  
Поверх Остовов и Плеч Пугливых,  
Коснись Дыханьем, но не Руками  
Согбенных Спин и Молчаливых  
Сомкнутых Уст, и Облаками  
Заткни Дыру Пугливых Ликов;  
Вернись Вперед, под Тень Варахи,  
В Эпоху Роз, Любовных Пиков;  
Пусть Брызжет Кровь с Любовной Плахи.

\*\*\*

## письмо Стиву Джобсу

Аум Шанти. Сарва магалам.

Дорогой Стив!

Я всегда знал, что Твой Процесс Поиска проходил на Грани Экстрима. Это оправдывалось Конечным Результатом. Понимаю, что разговаривая со мной Оттуда, Ты, конечно, скажешь: «А как же иначе...», - и в Этой Фразе – Ты Весь...

Честно говоря, мне хотелось кой какие Твои Мыслишки в Мир поглубже забросить. Ты ведь теперь Там с Великими якшаешься... Это мы тут сырые и убогие молимся на Тебя, теперь, как на Икону...

Уж не знаю, как Там у Вас..., в лучшую или худшую сторону меняются характеры... С кем дружбанишь? С Моцартом не связывайся, Он хоть и гений, но псих. Затащит в какой-нибудь Бордель под названьем «Небесный» - глазом моргнуть не успеешь, как девственности лишишься. Кстати, как Там у Вас с девственностью? Опять все с начала или Здешний опыт засчитывается? Да и вообще, если Лорен узнает... Ну, в общем, Сам понимаешь... Что Фредди? По-прежнему своим «Show must go on» Райские Кущи до слез доводит? Знаю, что в советах не нуждаешься, но тут, по случаю, штудирую Твою Стенфордскую Речь и думаю: «Кто у кого учился: то ли Ты у Шанкары, то ли Шанкара у Тебя?». Насчет Ее Величества Смерти, Ты сказал вообще гениально: «Смерть, наверное, лучшее изобретение жизни». А вообще, бросай там все братания с Великими! Дел по горло. Бери под белы руки Бerti и – в Сарай. Сарай то у Вас там есть? С помощью Его Теории Относительности Долби Связь к нам... Уж не знаю, как называться будет, но мыслишку Вам двоим подкину: Ishvara-Net.

После того, как Ты ушел, я тут несколько дней слезами и соплями умывался, потом Сарасвати пнула под... У-У-У!!! Появилось желание посвятить Тебе оду. Но,

видно, двинула слабо – оды не получилось. Но кое  
что накопал:

Ночь. Комп. Шкала...  
Поет Певица.  
И...  
Ползунок  
Упрямо Режет  
Шкалу на Части...  
Звук - Умирает,  
Чтоб Родиться,  
Но  
В...  
Новом Слове;  
И...  
Вожделье  
Мотает Душу...  
И...  
Плачет Комп –  
Кусок Железа;  
И...  
Тонет Звук  
В...  
Волне Предчувствий;  
Как будто,  
Ближе,  
Конечно, Ближе  
Страна Рассветов,  
Но...  
Не Закатов...  
Забрезжил Миг,  
Укрытый Фоном,  
Под  
Ритм Восхода,  
Лучистых Звуков,  
Не  
Бликов Рваных...

И...  
В такт Ударам.  
Раскинет Руки  
Другое Время,  
Нас Не Дождавшись...

А вообще, без Тебя – тоска. Привет всем Нашим.  
Увидишь Энди и Вивекананду, пожми им от меня руки.  
Кстати, как у Вас Там – с руками? Поговаривают, что Вы Все  
– с крыльями. А если - в туалет или помыться?..

Ладно...  
Пока...  
Строй Обратную Связь.

Шлю Тысячу Дандаватов.  
С глубоким уважением, бро.  
Твой закадычный друг,  
Шри Махадэва Ади Нидана .

АУМ. ТАТ. САТ.  
Калагийя!

## Леди Осень

Посвящается творчеству рок-группы «Черный кофе»

Я проплутал в чужих полях,  
Сбил ступни на чужих дорогах...

Я слышал Ее Плач и боялся шевельнуться. Плач усиливался, и Его Звуки все настойчивее проникали в мое сознание, заполняя меня изнутри. Плач становился все сильнее и сильнее, и, достигнув Своего Апогея, перешел в Рыдание. Оно камертоном отдавалось в моем теле, которое дрожало и вибрировало в ритме Этого Звука.

Я не пытался сопротивляться и чувствовал, как медленно падаю в Ее Объятия. Казалось, что мое падение

неотвратимо.

«Чем я рискую? – пронеслось в голове, - Каковы мои потери и приобретения?». Пытаясь найти ответ, я сбрасывал свои одежды, и они, подхваченные Вихрем, уносились в Бездонную Высь, растворяясь в пустых отблесках моего сознания.

Падение превратилось в Вечность, Которая была Той Желанной Необходимостью, ожидаемой мной. «Готов ли я?».

Мне хотелось войти в Ее Рыдания и стать частью Этих Звуков, и даже больше, - слиться с Мелодией Ее Жизни.

Опоры не было, и я медленно кружил в Пустоте Бесконечности. Не было ни отчаяния, ни страха, будто чувства застыли. Из груди вырвался крик, ибо сердце пронзила боль. «Кто и когда? Где и зачем?» – простонал я. И в этот миг почувствовал, как Ее Руки коснулись моей спины. Они были мягкими и прохладными, они были легкими, почти невесомыми. Они нежно обнимали меня, лаская мое истерзанное тело.

Я слышал Ее Дыхание, я ощущал Ее Аромат, а Золотистая Грива Ее Волос легко касалась моего лица.

Я был податлив, как глина в руках мастера. Осыпая поцелуями, Она лепила меня. Рыдания уступили место Тихому Шепоту, и только в Глазах Ее были Слезы.

Я, словно Ветер проносился по Ее Холмам и Равнинам, покрытым Пеленой Тумана, тонул в Ее Бездонных, Цвета Индиго, Озерах, блуждал в Багряных Лесах. Я был в Ней, а Она властвовала надо мной, раскрывая Тайны своей Нежности.

Мы Сплетались в Борьбе и Сливались в Едином Порыве. И не было Тем, не затронутых нами, не было Вопросов, оставленных без Ответов, не было Взглядов, не понятых нами.

И с поцелуем, я выдохнул: «Леди – Осень, я не совсем пропащий...».

## Он

Он, каким-то вертлявым способом, уплывал из моего подсознания, оставляя дорожку противоречивых воспоминаний. Я, приводя в действие свои волевые усилия и борясь с апатией, которая навязчиво диктовала содержание ощущений, пытался наступить Ему на кончик хвоста. Почувствовав мое намерение, Он резко дернулся вправо, потом – влево, лишив меня, таким образом, возможности совершить задуманное.

«Нет, не уйдешь!... Подлая душа!...» – прошептал я опухшим ртом. Он вдруг начал дергаться и шипеть, а потом, как-то изловчившись, плюнул мне на ботинок. «Вот падал!..», - воскликнул я, недоумеваю, - Опять начинаешь свои гнусенькие игры?..». По-видимому, Ему хотелось как можно скорее спрятаться в Свой Серый Кокон. «Не пушу!..» - процедил я сквозь зубы. На Его гладкой нежной шее пульсировала жилка, и эта пульсация завораживала меня какой-то гипнотической нежностью. «Не дергайся, успокойся, - говорило что-то внутри меня, - Он просто так не сдастся». Даже захотелось заорать во весь голос от остроты ситуации. Еле сдерживая крик, я стал приближаться... Не оборачиваясь, Он зашипел. «Телепат проклятый!». Его способности мне были известны. «Только не смотреть Ему в глаза, только не смотреть...».

Я боялся, что могу пропустить атаку Его взгляда. Только бы успеть отвернуться. Каждый раз Он опережал меня, всегда оставаясь победителем. И вот – новая схватка.

Хохолок на Его голове стал потихоньку выпрямляться и менять колорит. «Готовится к атаке...». Я это понимал. Медленно приближаясь к Его задней части (а Он по-прежнему, не менял положения тела), не отрывая взгляда от Его голубой шерсти, неторопливо приподнимающейся на красивом, кокетливо изогнутом позвоночнике, я впивался своим усталым взором в эту привлекательную чудесатость, т.е., шерстку, которая

медленно трансформировалась в тонкие полупрозрачные иглопочки пурпурного цвета.

«Не поворачивайся, - молил я Его беззвучно, - Дай шанс. Последний!». «Я постараюсь» - молило мое сознание, одновременно рассыпаясь на крошечные песчинки, которые внутри меня начинали кружиться под воздействием Его Силы, с одной стороны, и камня от факта предстоящей борьбы и Непреходящих Звуков – с другой. «Только бы Он молчал!» - эта мысль, несмотря на странность моего состояния, железной спицей торчала в мозгу.

Не знаю, каким чувством, - шестым, двадцать шестым или сотым, а может быть, и тысячным, я понял, что сегодня произойдет нечто иное, совершенно иное. Мои зрение, слух, мускулы - медленно напрягались и активизировались. «Готовит что-то новое?» - промелькнуло в голове. «Что?» - этот вопрос назойливо вращался в моей черепной коробке, стараясь раскрыть нестандартность формирующейся ситуации.

«Падаль! - заорал я, - У Тебя все равно ничего не получится, я не сломаюсь!...». И тут я увидел как Он неторопливо, тихо и плавно, едва касаясь пола, выправляя свою гибкую спину, начинает поворачиваться в мою сторону. Внутри меня все похолодело. «Сволочь!... - снова заорал я, - Не сдамся!...». Он поворачивался легко и мягко, кокетливо и с вызовом. «Надо закрыть глаза. Только не смотреть в Его поганую рожу!» - нервно, на пределе звуковых вибраций, торопливо бубнил мой распухший рот. «Не-е-т!.. - как ужаленный заорал я, - не хочу!...». Но было уже поздно... Наши глаза встретились. В области сердца появилась ноющая боль, лоб покрылся испариной, а по щекам текли капли пота, смешанные со слезами. «Где ты взял такие глаза?..» – вопил я, как-то странно дергаясь и всхлипывая.

Его хохолок, постоянно меняя цвет, раскачивался из стороны в сторону. Не обращая внимания на шепелявость моих воплей, Он, слегка откинув голову

назад, как-то странно свистнув, и снова подав ее вперед, не отрывая цепкого взгляда от моего лица, плюнул мне в лоб. Это было сверх моего понимания. Я снова заорал как ужаленный: «Где ты взял глаза? Откуда у тебя такие глаза?!..». Мне казалось, что эти бесконечные вопросы, которые я задавал Ему постоянно, должны иметь какие-то ответы, но, по-видимому, ошибался.

Улавливая мысленно мои вопросы, он слегка наклонил голову набок, прищурился и как-то странно застыл. Казалось, Его тело не испускало никаких вибраций. «Это что-то новое?!» - промелькнуло у меня в голове. «Что можно от Него ожидать в этой ситуации?..». Слегка поведя плечами, сложив губы трубочкой, Он начал медленно втягивать в себя воздух. Щеки раздулись, а хохолок на голове раскачивался из стороны в сторону... Затем произошло то, о чем я даже подумать не мог – Он запел...

Звук Его голоса в форме необычного песнопения, оказался для меня совершенно неожиданным, ибо то, что я услышал, собственно нельзя было назвать пением. В нормальном, человеческом, понимании. Даже если бы, величайшие басы и теноры, сопрано и контральто – попытались вдруг это повторить, их попытка была бы безуспешной. В Его голосе была боль и радость, потери и приобретения, привязанность и одиночество и множество других чувственно-эмоциональных состояний... Но не тех, к которым мы привыкли в своих внутренних практических и теоретических содержаниях, природа Его чувств была другая; не выше и не ни же человеческой, просто, - другая.

Его пение ввинчивалось в мое сознание какой-то плавной и нежной спиралью. Оно одновременно заполняло меня изнутри и обволакивало снаружи. В начале, я пытался сопротивляться, но безуспешно, ибо одна моя половина сопротивлялась этим звукам, другая – полностью растворялась в них. Биение моего сердца напоминало хлопанье крыльев курицы, которую несут на убой, держа за лапы вниз головой. Засосало под ложечкой, почувствовав тошноту, я попытался сесть на

пол, но, потерял равновесие, и медленно, взмахивая руками и хватаясь за воздух, начал падать. Моя спина тихо и плавно соединилась с полом. Перед моими глазами, где-то, в какой-то мутной белизне маячил потолок. Тошнота усилилась, тело начало содрогаться в конвульсиях, дыхание постоянно сбивалось, и порой казалось, что оно останавливается. Тон Его голоса становился все ниже и ниже, а потом резко пошел вверх.

Мое тело страдало, его раздирала какая-то Неведомая Сила, но Сознание, при этом, становилось все свободней и свободней от бранных уз Формы. Оно впитывало это пение в себя и рвалось на волю. И я не в силах был остановить этот конфликт. А он пел...

Я понял, что теряю сознание, но не в силах был сопротивляться данному факту. Все ушло – и зрение, и слух, и обоняние. Все ушло – и Свет, и Тьма; и Боль, и Радость; Смех и Ненависть... - все ушло... Остались только Его Голос и Его Песня.

Сон прервался неожиданно. Собственно, сна, как такового, не было. Был какой-то провал, вызванный определенными причинами и обстоятельствами, которые я должен буду пережить и осознать; и с которыми должен буду согласиться.

\*\*\*

## Вкус Осени

Дизайн оформления	Шри Нари Ади Карана
Оригинал-макет	Шри Махадэва Ади Нидана
Корректор	Шри Нари Ади Карана
Редактор	Шри Махадэва Ади Нидана
Компьютерная верстка	_____

## Коллектив авторов

ООО «ИмиджПринт»  
Г. Тула, ул. Ф.Энгельса, д.70, оф. 129  
(4872)35-76-10  
e-mail: image\_print@mail.ru  
www.ppc-ip.ru

Подписано в печать \_\_\_\_\_  
Формат \_\_\_\_\_. Объем \_\_\_\_\_ усл. печ. л.  
Печать \_\_\_\_\_.  
Тираж \_\_\_\_\_ экз. заказ № \_\_\_\_\_.

Отпечатано в ООО «Имидж Принт»  
3000041, г. Тула, ул. Ф.Энгельса, д.70, оф. 129

